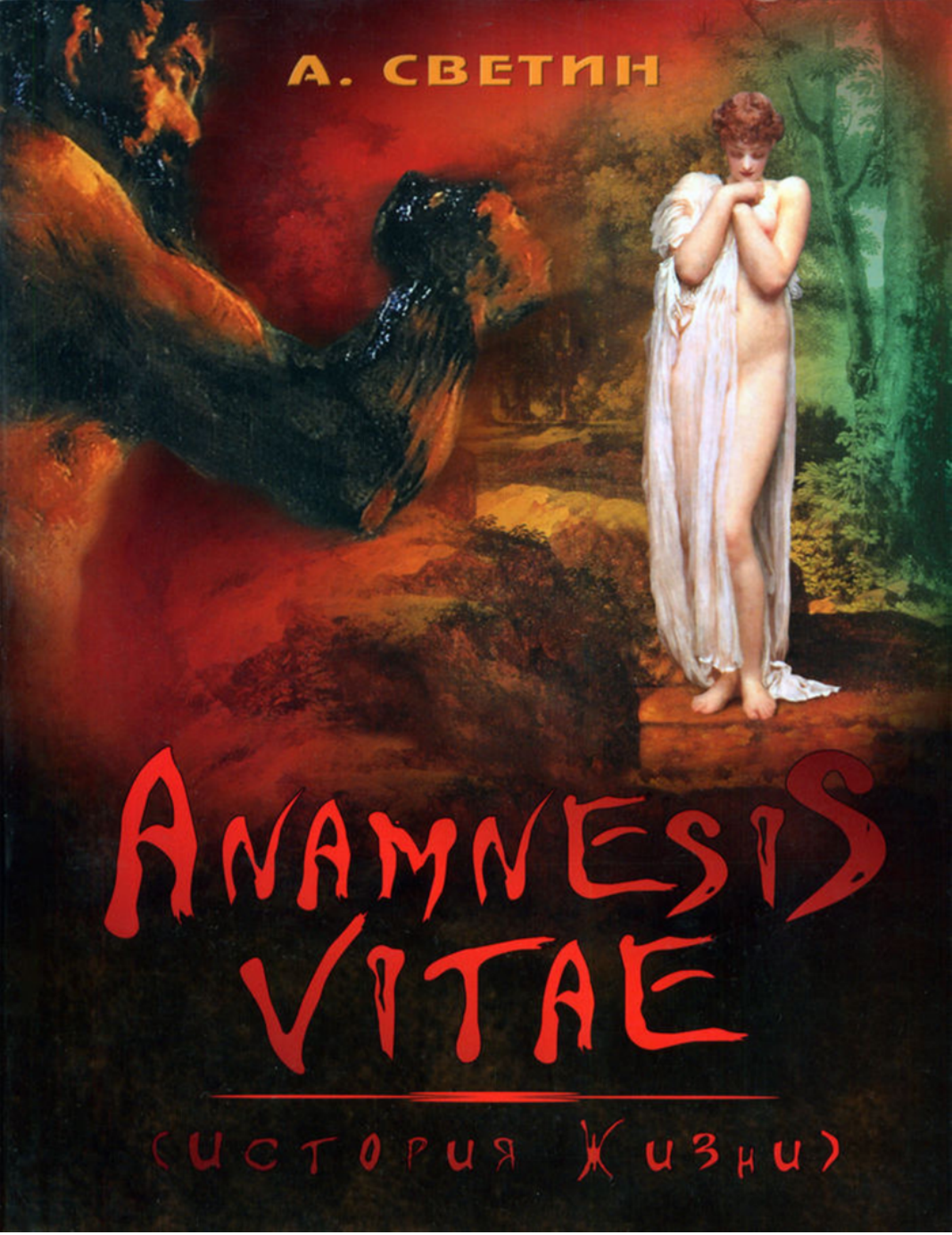
А. СВЕТИН
ANAMNESIS VITAE
(ИСТОРИЯ ЖИЗНИ)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Обычная районная больничка становится ареной страшных событий. В округе происходят непонятные, мистические убийства молодых женщин, причем каждая из них ждет ребенка! Человек-тень настигает своих жертв, всякий раз непостижимым образом исчезая с места преступления и не оставляя никаких улик…

Кому же нужны нерожденные души? Стоит ли верить старой цыганской легенде, обещающей бессмертие?

Это вынужден выяснять Пал Палыч Светин, назначенный в больницу врачом и сразу втянутый в водоворот страстей. Вместе с лейтенантом милиции он пытается противостоять убийце с нечеловеческими способностями и недюжинной силой. Им помогает девушка, пришедшая ниоткуда…

- А. Светин
  - Пролог
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть 3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Эпилог

А. Светин
Anamnesis vitae. (История жизни)

Пролог

Я танцую в ночном дожде. Мне нравится, как крупные капли пролетают сквозь меня, слегка щекоча прозрачное тело. Мне нравится рассекать крыльями тугие струи, стремительно проносясь сквозь них над самой землей. И взмывать вверх, к плачущим тучам, нанизывая себя на нити дождя, будто огромную бусину.

Мне полюбилось это занятие недавно. Однажды, во время полета к моему Человеку, меня настиг дождь. И случилось невероятное: впервые я отвлеклась от цели, отдавшись нахлынувшему, неведомому прежде наслаждению.

Ненадолго, на какой-то миг, но — отвлеклась. А это противоречит всем правилам Хранителей. И никогда прежде ни с кем из нас такое не случалось. Кроме меня.

С того времени я часто ищу дождь. Именно такой, как сейчас: ночной, сильный, с крупными, крепкими каплями. И когда нахожу, лечу туда, чтобы танцевать с ним.

Вот и теперь: полностью отдавшись танцу, мое сознание пропустило первые сигналы опасности. И спохватилось лишь тогда, когда мой Человек уже стал уходить.

Вслед за сознанием, к гибнущему Хранимому устремилось и мое тело. Размазавшись в небе длинным прозрачным сгустком, оно мчалось на помощь, заставляя тоскливо выть чутких собак в городах и деревнях, мелькающих под крыльями.

Уже на подлете меня настигло понимание того, что — не успеть.

Спикировав с высоты, обнимаю крыльями лежащее на земле окровавленное тело, укрывая моего Человека от опасности. Поздно. В нем нет больше жизни. А вернее, двух жизней: одна так и не успела родиться.

Мне не хватило всего нескольких мгновений, чтобы отвести смертельный удар. Случилось неслыханное: Хранитель оставил в беде своего Человека. Такое не прощается.

Погладив напоследок крылом успокоившееся лицо ушедшей, я взмываю вверх, к звездам. И в тоске парю кругами под ними, смиренно ожидая наказания.

Вот и оно: мои крылья тают. Растворяются в воздухе, будто тонкий весенний лед в воде под теплыми лучами. Миг, другой — и исчезли совсем.

С высоты я падаю к земле. Тщетно пытаясь раскрыть несуществующие крылья, чтобы наполнить их ветром и вновь взмыть в вышину. Земля все ближе, ближе… Кричу в отчаянии, но

крик мой тих. Только собаки слышат Хранителей.

Земля и темнота встречают меня…

Часть 1
Гиблое место

Ветер рваные тучи сметает с высот голубых,
Унося вместе с ними смешные обрывки мечты.
Дотянуться бы словом, раз нету оказий других,
К той, которую небо придумало для красоты…

Глава 1

7 сентября 1987 года,
понедельник, 11.15, поселок Ноябрьский

Я остановился перед главным входом в больницу и скептически окинул взглядом кирпичное пятиэтажное здание. Судя по всему, строили его еще при ком-то из Рюриковичей. С того же времени и ремонт не делали.

Ноябрьская районная больница не производила впечатления фабрики здоровья. Скорее наоборот: мрачноватое красно-коричневое здание напоминало то ли психиатрическую лечебницу для буйных, то ли тюрьму для особо опасных рецидивистов. Сходство с последней особенно усиливали решетки на окнах, бесхитростно сваренные из арматуры и выкрашенные в жизнерадостный голубенький цвет.

Я тяжело вздохнул: в этом застенке мне предстоит провести целых два месяца. За что, спрашивается?!

Уж не знаю, чья это была идея направить нас, молодых врачей-интернов из Нероградской областной больницы, в глубинку. Усилить, так сказать, сельское здравоохранение в районах области. Аж на целых два месяца. Подозреваю, что сия гениальная мысль посетила кого-то из облздравовских деятелей либо в горячечном бреду, либо в момент тяжелой абстинентной депрессии на выходе из запоя. Когда очень хотелось поделиться с кем-нибудь своими непередаваемыми ощущениями.

И вот я, свежеиспеченный доктор Светин, протрясшись три часа в древнем «Икарусе», вывалился из него в аккурат у ворот Ноябрьской ЦРБ. Сиречь — центральной районной больницы, куда мне и предписано было явиться пред светлы очи местного главврача.

…Вздохнув еще раз, я подхватил с земли сумку, взвалил ее на плечо и направился к крыльцу.

Внутри больница оказалась значительно приятнее. Здесь, по крайней мере, не доминировала жутковатая красно-коричневая гамма. Все было вполне пристойно: светленько, чистенько, тихонько. И даже неистребимые запахи приемного отделения не слишком шибали в нос. Всего-то слегка наворачивали слезу, почти не вызывая удушья и рвотных позывов.

— Простите, не подскажете… — начал было я, наткнувшись на выплывшую из смотровой дородную даму в белом халате и накрахмаленном эрегированном колпаке.

— Сначала — сюда, сдадите кровь и мочу. Потом — туда,

сдадите одежду и вещи, — не глядя, ткнула она пальцем в двери. — Потом — вон туда: получите больничную пижаму. Вши есть?

— Да нет, — оторопело пробормотал я, пытаясь сообразить, каким образом, сдав одежду в одном конце длинного коридора, получить казенное обмундирование в другом. Голышом бежать, что ли? Простые нравы!

— Так да или нет? — ледяным тоном уточнила дама, хищно вглядываясь в мою шевелюру.

— Никак нет! — категорически заявил я, едва удержавшись, чтобы не добавить: «Ваше благородие».

— Значит, брить не будем! — огорчилась она.

— Да я, собственно, не больной… — предпринял я вторую попытку объясниться.

— Донор?! — обрадовалась дама и цепко ухватила меня за правый локоть. — Вены хорошие, чудненько! Желтухой, сифилисом не болели?

В ее голосе звучала такая надежда, что мне стало неловко.

— Никак нет! — уже привычно открестился я.

— Отлично! Сдавать будете двести или четыреста? Предлагаю четыреста, чтобы лишний раз не ходить, — она заметно оживилась и почти приплясывала в нетерпении.

— Литр! — я начал торговаться.

— Чего литр? — дама явно озадачилась.

— Литр возьмете? Чтобы уж совсем потом не приходить. Никогда, — уточнил я.

Она подумала немного:

— Нет, литр не возьмем. У нас такой тары нет.

Поняв, что переговоры зашли в тупик, я решил начать сызнова:

— Видите ли, я — врач…

— Так что же вы сразу-то не сказали?! — всплеснула дама полными ручками. — Для врачей-то мы завсегда расстараемся! Возьмем мы у вас литр, возьмем, раз такое дело! Это же получается…

Она загнула несколько пальцев и радостно продолжила:

— Получается два флакона по четыреста и один — по двести! Идемте, к главному зайдем за справочками, и — на сдачу! — радуясь, будто голодный упырь, отловивший на ужин упитанную селянку, она потащила меня за собой.

Сообразив, что алчущая моей крови особа тащит меня к главврачу, я смирился и покорно последовал за ней. Собственно, я и хотел-то узнать, где найти местное начальство.

Начальство озадаченно перебирало кипу бумаг, бормоча что-то себе под нос. На его голове красовался такой же накрахмаленный колпак, как и у моей провожатой. И столь же устрашающих размеров.

— Александр Иваныч, я донора привела! — гордо заявила дама. — Хочет литр сдать. Врач, говорит.

Главный оторвался от своих бумажек и с неподдельным интересом воззрился на меня:

— Литр? А наберется столько-то? Худоват, бледноват…

— Наберется, наберется! — поспешила успокоить она. — Положим, ноги поднимем… потихоньку и натечет!

Поняв, что пора прекращать балаган, пока из меня и в самом деле не откачали литр крови, я шагнул вперед:

— Александр Иваныч, произошло небольшое недоразумение! Я и в самом деле — врач, но не донор. Я…

— Так одно другому не мешает! — мудро заметило начальство.

Я кивнул:

— Согласен. Но я прибыл сюда не как донор, а по направлению облздравотдела. Вот! — и протянул главврачу командировочное удостоверение с направлением.

Тот разом поскучнел и вздохнул:

— Ну давайте, посмотрим, что у вас там. Зинаида Петровна, можете идти. Это не донор, а всего лишь доктор.

Дама в колпаке смерила меня взглядом, исполненным глубочайшего разочарования, и царственно удалилась.

А главный, внимательно изучив мои бумаги, сдвинул колпак на правое ухо, откинулся в кресле и уставился на меня взглядом опытного работорговца:

— Ну-с, Пал Палыч, и что мне прикажете с вами делать?

Я пожал плечами:

— В направлении написано, что…

— Да мне по… что там написано! — разоткровенничался мой собеседник. — У меня тут своих штатных врачей девать некуда, а они еще интернов присылают! Вы кто по специальности?

— Терапевт. Буду специализироваться по кардиореанимации! — гордо заявил я.

— Терапевт, значит! Какая редкая профессия! — ехидно заметило начальство. — Да еще и будущий кардиолог!

— Кардиореаниматолог! — поправил я.

— О да, тем более! А знаете что?..

— Нет, — признался я.

— А езжайте-ка вы в Кобельки! — предложил главный.

— Зачем? — я оторопел.

— Там есть участковая больница, — пояснил он.

— И что?

— Двадцать коек плюс амбулатория! — принялось интриговать начальство.

Я непонимающе смотрел на него.

— Два фельдшера, акушерка, служебная машина. С водителем! — главврач продолжал взахлеб расписывать прелести неведомой мне участковой больницы.

— Это замечательно, но при чем тут я?

— А при том, голубчик, что все эти сокровища пылятся в глуши без хозяина. Главного врача там нет. Вот уж пятый год! — сокрушенно пояснил Александр Иваныч.

Я начал кое-что понимать:

— И вы хотите сказать, что…

— …что в силу, так сказать, производственной необходимости, я направляю вас в вышеупомянутую больницу временно исполняющим обязанности главного врача. С наделением всеми соответствующими полномочиями! — торжественно провозгласил босс и принялся писать что-то в моем направлении.

Я оцепенел:

— Но позвольте, я…

— Не позволю, милейший Пал Палыч, не позволю! В направлении черным по белому написано, что вы поступаете в мое полное распоряжение сроком на два месяца. Вот я и распорядился! — главный размашисто расписался и шлепнул на бумажку печать. — Итак, с этой минуты вы официально приступили к исполнению обязанностей. Сейчас я скомандую насчет машины, а вы пока посидите в коридорчике, хорошо? Дела, знаете ли, дела!

Растерянно взяв со стола свои бумаги, я направился было к выходу.

— Минуточку, Пал Палыч! — главврач резво вскочил, обежал стол и оказался рядом со мной.

Ростом он был мне по грудь. Но вместе с колпаком — выше меня.

— Поздравляю вас с началом трудовой деятельности, коллега, желаю успехов! — он торжественно потряс мне руку, мелкими шажками протопал на свое место и вновь зарылся в бумаги.

Аудиенция была окончена. Я вышел в коридор и уселся там на стульчик, пытаясь осознать случившееся. Оно упорно не осознавалось.

Я, молодой врач, двадцати трех лет от роду, только что

окончил (с отличием!) славный Нероградский медицинский институт. Попал в интернатуру в областную больницу. Направлен в двухмесячную командировку в Ноябрьскую ЦРБ нюхнуть, что называется, пороху. Пока все было понятно и не страшно.

Кошмар начнется через пару часов. Меня, сопливого лекаря с никаким опытом, отправляют руководить сельской участковой больницей. Туда, где в радиусе нескольких десятков километров я буду единственным врачом. При одной лишь мысли о том, с чем мне придется столкнуться, в животе начиналось неприятное томление — явный предвестник медвежьей болезни.

— Ну-с, доктор Светин, начинается взрослая жизнь… — уныло пробормотал я и заозирался в поисках удобств.

7 сентября 1987 года, 11.32,
Ноябрьский район

Нина помахала рукой вслед удаляющейся попутке и осторожно спустилась с насыпи. Прошагав несколько десятков шагов по раскаленной степи, женщина углубилась в чахлую лесополосу. И с облегчением вздохнула: идти в тени было куда легче. Правда, приходилось смотреть под ноги, из утоптанной тропинки там и сям вылезали затейливо-скрюченные корни, так и норовя зацепиться за ногу. Ну да это пустяки в сравнении с путешествием по солнцепеку. Тут и обычный человек зажарится, а уж в ее-то положении протопать под солнцем три километра до родительских Кобельков — задачка не из простых.

Словно соглашаясь с матерью, в животе заерзал Лешка. И нетерпеливо пнул куда-то в печень: иди, дескать, не задерживай, обедать пора!

Нина охнула и улыбнулась. В свои восемь месяцев сын отличался завидной резвостью. Даже докторица удивлялась, когда УЗИ делала: мол, егоза он у вас, мамочка, ни секунды на месте не лежит! Хорошо хоть дал рассмотреть свое мальчишеское хозяйство. С того времени и превратился из безымянного плода в Лешку.

Она как-то сразу решила, что если мальчишка, то — Лешка. В честь отца, стало быть. И плевать, что отец о сыне ничего не знает и не узнает никогда (уж она-то об этом позаботится!). Главное — осталось у нее живое напоминание о том коротком, трехмесячном счастливом безумии: нахлынувшем, будто шальная волна в тихом море, закрутившем, завертевшем… да и швырнувшем на прибрежный песок ее, совершенно обессилевшую, опустошенную… и недоумевающую.

Собственно, она до сих пор так и не поняла, что же это с ней

было такое… но точно знает: прежде ничего подобного не испытывала и вряд ли, наверное, еще когда-то испытает. И ладно, не нужны ей эти потрясения, чай не девочка давно… Любовь-морковь и прочие сопли — это все для подростков. Жизнь должна идти по плану, иначе — теряешь себя.

Очередного мужа в ее планах не было… А вот ребенок — был.

Нина зябко передернула плечами, вспомнив, как посмотрел на нее Алексей, когда она заявила, что уходит. Что-то было такое в том взгляде… отчего она до сих пор иногда чувствует себя убийцей.

Женщина потрясла головой, отгоняя ненужные мысли, и ускорила шаг. Плевать. Главное: она сохранила свою независимость, свою собственную, годами выстраиваемую жизнь… и получила Лешку. А муж — это, знаете ли, для энергичной современной женщины придаток вовсе необязательный, даже лишний. Да и вредный: никакой, понимаешь, личной жизни…

Нина усмехнулась и прислушалась к тому, что происходило в ее животе. Лешка затаился, словно обдумывая материнские мысли. Ну, отдыхай, малыш, отдыхай: все-таки несколько часов тряслись по жаре из Нероградa, да и впереди еще почти час пешком… Ей и самой не мешало бы дух перевести.

…Впереди блеснула вода. Озеро. Небольшое, но с прозрачной, чистейшей водой. И очень, очень холодной: тут со дна ключи бьют. Собственно, озеро так и называется — Ключевое.

Женщина улыбнулась в предвкушении. Искупаться, конечно, не получится — вода ледяная, тут же судорогой все сведет. А вот умыть разгоряченное лицо родниковой водой, да напиться от души — это в самый раз. Эх, жаль живот не позволяет добежать до берега, как бывало в детстве… приходится вот так, степенно, вразвалочку, как и полагается будущей мамаше.

Она разулась, сошла с тропинки и напрямик, по траве, направилась к озерцу.

Волосы на затылке будто кто-то взъерошил холодной пятерней. Нина остановилась и резко оглянулась: ей хорошо было знакомо это ощущение чужого взгляда… недоброго взгляда.

Никого. Никакого движения среди деревьев. Даже листва не колышется в полном безветрии.

Женщина постояла минуту, прислушиваясь и всматриваясь в лес. Ошибиться она не могла: слишком часто прежде доводилось ей ощущать спиной и затылком взгляды многочисленных недоброжелателей (чаще, конечно, недоброжелательниц!). Что поделаешь, за природную красоту и успешную карьеру приходится платить!

Но в этот раз, похоже, ошиблась. В затихшем, разморенном от жары лесу людей не наблюдалось. Кроме нее.

Успокоившись, Нина вновь двинулась к озеру. Подойдя к воде, осторожно попробовала ее босой ногой — холодная! Женщина оглянулась еще раз и, убедившись в отсутствии наблюдателей, быстро стянула через голову легкий летний сарафан.

Оставшись в одних трусиках, она вошла в воду, поежилась и сделала несколько шагов вперед. Ноги до колен тут же потеряли чувствительность: несмотря на жару, вода была просто ледяной. Как в далеком детстве, Нина опустилась на колени, оперлась руками на дно, погрузив разгоряченное лицо в обжигающую воду. И сделала осторожный глоток.

Сразу стало легче. Холодный ком прокатился по горлу и растекся где-то внутри. Озеро ласково поглаживало мелкими ледяными волнами ее выросший живот с притаившимся внутри Лешкой и пощипывало оказавшиеся в воде соски. Это было неожиданно приятно, даже возбуждающе.

Нина с сожалением оторвалась от воды, чтобы сделать вдох. Солнце тут же мстительно наградило ее горячими пощечинами: лицо высохло моментально. Быстренько набрав побольше воздуха, женщина вновь опустила голову в воду. И открыла глаза.

Каменистое дно просматривалось далеко во все стороны, прозрачность пропитанной солнцем воды была идеальной. Наслаждаясь прохладой, Нина неторопливо поворачивала голову, рассматривая небогатый подводный мир лесного озера. Собственно, кроме мелкой округлой гальки, на дне и не было ничего.

Воздух как-то быстро закончился. Все-таки наличие увесистого животика сказывается: ни тебе побегать, ни понырять… Улыбнувшись прямо в воде, Нина оттолкнулась руками от донных камней и разогнулась…

Вернее, попыталась разогнуться. Но ее затылок встретил неожиданное препятствие: навалившаяся тяжесть пригнула голову еще ниже, больно ткнув лбом в дно.

Страха пока не было. Было удивление. Нина скосила глаза вправо, влево, пытаясь рассмотреть, что же ее держит. Не увидела ничего нового, кроме неясной тени на дне. Была ли она раньше, или нет, женщина вспомнить не успела…

В животе встрепенулся, забился Лешка. Почувствовав нехватку кислорода, малыш больно замолотил ножками и ручками. Помогло. Нина будто проснулась и рванулась изо всех сил, пытаясь освободиться от неведомой силы.

В ответ голову еще сильнее вдавило в камни. Правым глазом

женщина увидела медленно растекающуюся в воде розовую струйку и поняла, что это — ее кровь. Видимо, из рассеченной брови.

Вот тут-то и пришел страх. Грудь уже разрывало коварное желание вдохнуть, в глазах темнело и мельтешили какие-то цветные пятна. Не в силах оторвать голову от проклятых камней, Нина забилась всем телом, пытаясь освободиться. Вышло еще хуже: руки и ноги разъехались на скользкой гальке, и женщина распласталась на дне, сильно ударившись животом.

Резкая схваткообразная боль на несколько мгновений заставила Нину забыть об опасности. Низ живота сжался в тугой горячий комок, чуть расслабился, — и опять сжался. Боль часто пульсировала, нарастая и заполняя собой все сознание.

«Рожаю!» — удивленно констатировала женщина.

Она не знала прежде, как это бывает, но отчего-то сразу поняла, что новая боль — это именно схватки. Только почему-то очень уж частые.

Словно в подтверждение ее догадки, живот скрутило так, что лежащую на нем Нину ощутимо подбросило вверх. И тут же внутри будто что-то лопнуло. Вода между ног стала теплой, почти горячей.

Нина опять попыталась вырваться. Но руки и ноги уже почти не подчинялись ей. Наполненное болью сознание быстро умирало, напоследок балуя хозяйку чередой сменяющихся причудливых видений, звуков и ощущений. Самым ярким из которых было странное чувство, будто Лешка вылезает из нее, нещадно разрывая ручонками материнское лоно…

А потом все кончилось.

7 сентября 1987 года, 13.15,
Ноябрьский район

Древний санитарный «уазик» вдруг со страшным скрежетом свернул с грейдера (это дорога такая, из насыпанного и утрамбованного гравия, чтоб вы знали!), резво скатился вниз по откосу и сбрендившим тушканчиком поскакал по степи.

— Какого… — поинтересовался было я, но на очередной кочке ископаемую машину швырнуло вверх, и я влепился теменем в крышу кабины, пребольно прикусив язык.

Рот тут же наполнился кровью. Желание задавать вопросы сразу пропало.

— Спрямим тут, док! — оскалившись в улыбке, проорал Кешка, мой новообретенный персональный водитель. — По грейдеру крюк получится, километров двадцать! А мы —

прямиком, через лесок, потом полем, бродом… а там уж рукой подать! А чо, машина — зверь! Я в армии на такой по горам знаешь, как скакал? Что твой сайгак! — Кешка громко захохотал, поскреб пятерней тельняшку на груди и крутанул руль, объезжая невесть откуда взявшийся в степи валун.

«Уазик» послушно встал на два колеса и продолжил путь в таком положении. Навалившись на водилу, оказавшегося внизу, я прохрипел ему в ухо, борясь с тошнотой:

— А давай попробуем поездить на четырех колесах! Мне кажется, у тебя получится…

— Фигня вопрос! — легко согласился Кешка и с размаху поставил машину на четыре точки.

Меня швырнуло в пассажирскую дверь. Та с готовностью распахнулась, и я на три четверти туловища вылетел из кабины, едва успев уцепиться за дверную раму, стекло в которой, к счастью, отсутствовало.

— Док, ты куда?! По нужде, что ли? — деликатно поинтересовался мой драйвер, вдавливая в пол педаль газа.

— … … …ь! — витиевато объяснил я ему, судорожно цепляясь руками за открытую дверь, а ногами — за сиденье и обреченно наблюдая, как в каком-нибудь полуметре под моей… нижней частью спины с бешеной скоростью проносится неровная и очень твердая на вид земля.

— А-а-а! — с пониманием протянул Кешка.

Бросив руль, он наклонился ко мне и одним рывком втянул внутрь.

— Так бы сразу и сказал! Я-то подумал: может, приспичило, выйти решил, — Иннокентий заботливо и усердно принялся отряхивать с меня рыжую дорожную пыль.

— Кеша! — выдохнул я ему в ухо, обретя через какое-то время дар речи.

— Чо, Палыч? — улыбнулся он своей многозубой улыбкой и прозрачными голубыми глазами вопросительно уставился на меня.

— Кто ведет машину, Кеша? — ласково поинтересовался я.

— Какую машину, док? — озадачился мой собеседник, безуспешно пытаясь избавить меня от пятна на левой брючине.

— Нашу машину! — тихо и задушевно уточнил я, борясь с острым приступом тошноты и ненормативной лексики.

Водитель наконец развернулся в сторону лобового стекла и присвистнул: прямо по курсу был овраг, мало уступающий по размерам Большому Каньону.

— Ох, е! — констатировал Кешка, вцепился в руль и заложил очередной вираж.

Я уже привычно вылетел в дверь. Машина неслась над обрывом и теперь подо мной оказалась пропасть метров в десять глубиной.

— Док, держись, я сейчас! — проорал шофер и потянулся было ко мне…

— Держи руль, твою мать! — взвыл я на всю степь, почувствовав, как вильнула машина. — Держи руль и тормози!

Кешка удивленно взглянул на меня, но послушно убрал ногу с газа, неохотно переместив ее на педаль тормоза. «Уазик» крякнул, клюнул носом и остановился.

Я сполз на землю, нагнулся над оврагом и… впрочем, грубую натуралистическую сцену лучше опустить.

…— Да, Палыч, зря ты в больничную столовку заходил, — участливо сообщил мне Кешка, пристроившись на корточках рядом.

Занятый процессом, я только кивнул и промычал что-то невнятное. Это уж точно, зря. С Кешкой надо ездить натощак и желательно под глубоким наркозом. Или в состоянии тяжелого алкогольного опьянения — чтобы сохранить остатки психического здоровья.

— Далеко еще? — поинтересовался я, полностью очистившись от всего съеденного за неделю.

— Да ерунда, верст пять-шесть, не больше. Сейчас через лесок проедем, мимо озера потом и готово — считай, приехали! — с энтузиазмом, показавшимся мне подозрительным, воскликнул водитель.

— Что-то ты про брод говорил? — вспомнил я.

— А что брод? Там из озера речушка вытекает, крохотная такая. Моста нет, так я брод знаю. Проскочим, даже ног не намочим! — бодро заявил Кешка.

Я тяжело вздохнул. Видимо, в таинственные Кобельки мне предстоит приехать не только очищенным изнутри, но и выстиранным-вымытым снаружи. Ладно, слава богу, плавать я умею, а в такую жару намокнуть даже приятно…

— Поехали! — я поднялся и полез в опротивевшую кабину.

…Зациклившись на ключевом слове «брод», я совершенно пропустил мимо ушей упоминание о поездке через лес. А зря.

«Уазик», виляя, несся между деревьями, подпрыгивая на многочисленных корнях. Кешка, оскалившись в неподвижной улыбке, пялился в лобовое стекло, лихо уворачивая машину от несущихся навстречу сосен, берез и прочей поросли (ездить деревья совершенно не умели!).

А я вжался в кресло, вспоминая все хорошее, что было в моей короткой жизни. И заодно гадал, какое из набегающих деревьев

стукнет меня в лоб. Один раз, но сильно.

Просить водителя снизить скорость было бесполезно, это я уже понял: Кешка умел вести машину, только вдавив педаль газа до упора. Что такое тормоз, он представлял весьма смутно. Смирившись с судьбой, я закрыл глаза: одним доктором больше, одним меньше — какая, в сущности, разница!

— А вот и озеро! — радостно проорал Кешка мне в ухо.

Я встрепенулся и поднял веки. Последнее дерево со свистом пронеслось по правому борту — и лес кончился. Прямо перед нами и впрямь оказалось небольшое круглое озерцо.

— Ключевое. Озеро Ключевое, называется так! Тут со дна родники бьют, вода жуть какая холодная! — пояснил водитель.

— Однако же купаются! — заметил я.

— Кто купается? Палыч, тут и метра не проплывешь, судорогой скрючит! Вода — ледяная! — возмутился Кешка.

— Купаются! Вон, гляди! — упрямо стоял я на своем, показывая вперед.

На берегу пестрым блином валялась одежда. А ее хозяин, вернее — хозяйка, обнаружилась метрах в пятнадцати от берега. Женщина лежала на воде, раскинув руки и ноги, и опустив лицо вниз.

Кешка присвистнул:

— Во дает баба! Не всякий мужик в Ключевом окунуться решится, а этой — хоть бы хны!

— Не хоть бы хны, Кеша! — пробормотал я, всматриваясь в распластанную неподвижную фигуру в озере. — Давай-ка к берегу! Быстрее!

Водитель искоса взглянул на меня и крутанул руль. «Уазик» рванул к озеру. В считанные секунды машина преодолела оставшиеся метры и, вздымая фонтаны брызг, понеслась по мелководью к лежащему впереди телу. В том, что это именно «тело», я уже не сомневался.

Кешка ударил по тормозам. Я распахнул дверцу и, не разуваясь, спрыгнул в воду. И тут же невольно охнул, ноги до колен обожгло холодом: вода в Ключевом и впрямь была ледяная.

— Палыч, она, кажись, мертвая? — несмело предположил мой шофер, тоже выпрыгнув из кабины и остановившись над лежащей вниз лицом женщиной.

— Похоже, да. Помоги-ка! — я взялся за холодные плечи.

С трудом мы перевернули тело. Никаких сомнений теперь не осталось: женщина мертва, и уже давно. Лицо, грудь и живот утопленницы покрывали характерные багровые пятна. Я напряг память, вспоминая курс судебной медицины. Если ничего не путаю, трупные пятна появляются через два часа после смерти.

— Док, это что? — хриплым шепотом спросил Кешка, тыча пальцем куда-то вниз.

Я проследил взглядом и почувствовал, как ледяной холод, сковавший ноги, вдруг скакнул вверх и вцепился мне в грудь, заставив замереть сердце…

Трусики несчастной оказались спущенными до середины бедер. А чуть выше, между ног, виднелась синеватая, сморщенная, покрытая редкими волосиками головка младенца.

Кешка издал утробный звук и, зажав обеими руками рот, помчался к берегу. Я — за ним. Почти одновременно мы выбрались на сушу и упали на четвереньки.

Тошнило нас долго. Причем я совершенно не понимал, откуда во мне взялись такие резервы. Странным образом именно этот вопрос, а не наша страшная находка, завладел моим сознанием.

— Она что, в воде родила и утонула? — придя в себя, спросил Кешка.

Я пожал плечами.

— Там мелко, как она утонуть могла? Может, решила воды напиться, наклонилась, а тут схватки начались. Она от боли сознание потеряла, упала и захлебнулась. Может, сердце слабое было: не выдержало перепада температур… Или еще что. Вскрытие нужно делать. Экспертиза нужна. А так гадать — дело неблагодарное.

— И что нам теперь делать?

— Милицию надо вызывать.

— Участкового нашего, что ли?

— Наверное. Он же у вас тут всю милицию представляет?

— Ну да, он, Семен Михалыч. Суровый мужик! — с неподдельным трепетом сообщил мне Кешка.

— Так давай звать твоего сурового мужика. Вот только как? — вдруг озадачился я, поняв, что на ближайших соснах телефонов-автоматов нет.

— Так у нас же рация в машине! — небрежно пожал плечами Иннокентий и побрел по воде к «уазику».

Я оторопело поглядел ему вслед. Оказывается, у меня теперь есть доступ к передовым средствам связи?! В положении и. о. главврача Кобельковской сельской больницы начали появляться некоторые прелести.

Выйдя из ступора, я зашлепал вслед за Кешкой.

…— Как думаешь, Палыч, Нинка почему утонула? — Вопрос Семена Михалыча, прозвучавший после долгого молчания, заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

— Трудно сказать. Молодая женщина, на вид здоровая,

крепкая… Вскрытие, возможно, что-то прояснит, — выбираясь из задумчивости, пробормотал я.

И встрепенулся:

— Нинка?!

— Нинка Смурякова. Наша она, из Кобельков. Сразу после школы в область умотала, поступила в политех, кажется отучилась, да так в Нерограде и осталась. Замуж сходила ненадолго, потом развелась. В какие-то начальницы выбилась, к родителям в Кобельки редко заглядывала. Я ее последний раз года три назад видел, — объяснил участковый.

«Суровый мужик» Семен Михалыч оказался чуть старше меня. Длинный, худой парень в форме лейтенанта милиции приехал на место происшествия через час после нашего вызова. И тоже на «уазике». На классическом милицейском «воронке» с синей полоской по бортам, зарешеченной задней дверцей и даже с мигалкой на крыше.

Выслушав наш рассказ и скупо кивнув, участковый внимательно осмотрел тело и вернулся к своей машине. Негромко сказал что-то в рацию, выслушал ответ и ткнул пальцем в Кешку:

— Значит, так. Ты, Иннокентий, сейчас отвезешь труп в ЦРБ, в морг. Там уже в курсе…

— Михалыч, да ты что?! Не повезу я покойницу, не проси даже! Да и вообще… мне доктора надо доставить! — замахал руками мой верный водитель, бледнея на глазах.

— Доктора я сам доставлю.

— Все равно! Не повезу труп, хоть убей! У тебя машина есть, сам и вези! — храбро пискнул Кешка.

Семен Михалыч подошел к нему вплотную.

— Иннокентий! — ласковым тоном, от которого почему-то захотелось сходить повеситься в чаще, начал участковый. — Ну посуди сам, дружок, как я повезу? Лежачих мест у меня в машине нет, только сидячие. Ты видел когда-нибудь, чтобы трупы ездили сидя?

Кеша отрицательно помотал головой.

— И я не видел. Зато видел, как они ездят лежа. Вот мы сейчас все вместе, аккуратненько так, уложим покойницу на носилки в твою машину. В салон, стало быть. А ты, Иннокентий, сядешь в кабину и поедешь. В морге сдашь тело и мне доложишь по рации о выполнении. Вопросы есть?

Кешка икнул.

— Вопросов нет. Приступаем к выполнению первой части задачи. Док, ты нам поможешь?

Втроем мы в конце концов загрузили тело в салон

«санитарки». Бледный Кеша сел за руль.

— Давай, Иннокентий! Мы в тебя верим! — ободряюще заявил Михалыч и с размаху хлопнул ладонью по борту «уазика».

Кешка вздрогнул и дабанул на газ. Машина запрыгала к берегу и скрылась в лесу.

Участковый вздохнул и покачал головой:

— Молодежь… — философски произнес он.

Так мы и ехали с «суровым мужиком» — молча, думая каждый о своем, пока Михалыч не начал разговор про утопленницу.

— Долго едем. Кешка говорил, есть какая-то короткая дорога, через брод. А мы опять на грейдер выехали, — заметил я.

Участковый усмехнулся:

— Кешка, конечно, водитель хороший, спору нет. Но — безголовый. Ты, Палыч, построже с ним… и поосторожнее. Никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволяй ему ехать «короткой дорогой». В лучшем случае — опоздаешь на пару часов. В худшем — очнешься в гипсе… если очнешься.

— Добрый ты, лейтенант, — пробормотал я, ежась и вспоминая, как выпадал из машины.

— Мудрый я, — скромно констатировал Михалыч, — и Кешку знаю как облупленного.

Дорога резко свернула направо и за лесополосой открылась деревня.

— Приехали. Вот они, наши Кобельки! — с улыбкой и даже, как мне показалось, с некоторой гордостью объявил лейтенант.

Кобельки не производили впечатления мегаполиса. На берегу здоровенного озера — пара десятков домов (или изб, как там правильно-то?); в геометрическом центре деревни — непонятное строение с колоннами по фасаду и неразличимой отсюда вывеской. Поодаль особняком стояли небольшая церковь и приземистое одноэтажное здание, сильно смахивающее на барак.

— А вон и больница! — палец участкового указывал аккурат на него.

Я вздохнул. А чего, собственно, можно было ожидать от сельской участковой больницы? Бревенчатый барак, построенный по проекту местного архитектора дяди Пети еще в прошлом веке… Впрочем, вряд ли — такая хибара столько не простоит.

— Больница была построена в конце девятнадцатого века! — гордо заявил Михалыч.

Я присвистнул: надо же, умели предки строить!

— Правда, сначала она была конюшней… — закончил экскурс в прошлое лейтенант и, зарулив в просторный

больничный двор, остановил машину перед покосившимся крыльцом.

Главврач Светин П.П. прибыл в свои владения.

— Ну, Палыч, удачи тебе. Знакомься пока с персоналом, осваивайся, а я в район поеду. Узнаю, что там на вскрытии. А ты — принимай хозяйство! — участковый несколько раз нажал на клаксон.

«Воронок» противно крякнул. Дверь с гордой надписью «Приемное отделение» распахнулась, и из полумрака древнего строения повалил народ.

Спустя минуту перед крыльцом выстроилась неровная шеренга встречающих в количестве пяти голов. Во главе строя оказался приземистый мужичок лет тридцати, облаченный в явно большой ему белый халат.

— Здравствуйте, доктор! А мы вас ждали! — радостно улыбаясь, прокричал он.

Я опомнился и выпрыгнул из машины. Мужичок тут же оказался рядом, вцепился в мою руку своими обеими и принялся энергично ее трясти:

— Позвольте представиться: Антон Иваныч, здешний фельдшер. А вас как величать? Вы не представляете, как мы рады, пятый год уже без доктора! Нам как из района-то позвонили, что вы едете, так мы даже и не поверили сначала. Думали, может, шутит кто. Ан нет, не шутили, оказывается. А вы к нам как: насовсем, или…

— Или! — я решил прервать словесный поток восторженного фельдшера. — Я к вам на два месяца, по направлению облздравотдела. А величать меня — Пал Палыч Светин.

— Очень приятно! — улыбнулась мне красивая статная дама лет сорока-сорока пяти, тоже при халате. — А я — Мария Глебовна, акушерка. Семья-то с вами не приедет?

Я улыбнулся в ответ и отрицательно покачал головой. Попытка выяснить мое семейное положение была весьма прозрачной, но эффективной:

— Не женат я. Пока. Так что семья не приедет ввиду отсутствия оной.

— Как же так: такой интересный мужчина — и не женат?! — радостно возмутилась Мария Глебовна и медленно пошла на меня грудью (весьма нешуточной, надо заметить!). — Так мы это поправим!

— Машка, доктор, ежели захочет, сам все поправит! — Между мной и надвигающейся акушеркой возникла маленькая, худющая пожилая тетка. В белом халате, разумеется.

Решительно отпихнув распаленную Марию Глебовну,

спасительница обернулась ко мне:

— Вы, Пал Палыч, не тушуйтесь. Машка — она завсегда так: как увидит нового мужика, так начинает ему глазки строить. А уж неженатому-то и подавно!

— Очень обидны мне слова ваши, Клавдия Петровна! — классической фразой попробовала возмутиться акушерка, отнюдь не выглядящая обиженной. Скорее наоборот: в улыбающихся темных глазах Марии Глебовны резвились озорные чертенята.

Я вздохнул про себя: эх, была бы она помоложе лет эдак на двадцать…

Клавдия Петровна небрежно отмахнулась от нее рукой, будто от назойливой мухи, и потянула меня за рукав:

— Идемте, доктор, я вашу квартирку покажу. Устали, поди, с дороги-то!

— Квартирку?! — изумился я. — А что, разве она здесь?

— А где ж ей еще-то быть?! — в свою очередь удивилась моя провожатая. — У нас доктора испокон веку при больнице жили. На всем готовом.

Я опасливо покосился на исторический барак-конюшню. Ну-с, положим, лошадям когда-то здесь жилось неплохо. Наверное. Но я-то — не конь! Провести два месяца в стойле как-то не улыбалось.

— А… других вариантов никаких нет? — осторожно поинтересовался я.

Клавдия Петровна жалостливо посмотрела на меня.

— Да откуда ж им взяться-то? Гостиницы у нас тут отродясь не бывало… Есть, правда, в деревне пара-тройка пустых изб. Так они заброшены давно, разорены. Жить там нельзя… — она задумалась и окинула взором выстроившийся личный состав больницы. — Если только на постой к кому?

Мария Глебовна с четкостью кремлевского курсанта шагнула вперед.

— Очень правильная мысль! — одобрила она.

Я икнул и поволок Клавдию Петровну внутрь:

— Ладно уж, показывайте вашу квартирку!

Жилплощадь оказалась вполне сносной. Большая светлая комната, обставленная разномастной мебелью. Здесь было все необходимое, но до глубины души меня тронула огромная широкая кровать с резными деревянными спинками. Я подошел и потрогал резьбу пальцем:

— Это что, кто-то из пациентов из музея спер?

Клавдия Петровна оскорбилась:

— Да бог с вами! Это подарок. Пару лет назад мы цыганского

барона лечили. От пневмонии. Так он вылечился, уехал, а потом вот это чудо прислал. Мы думали-думали, куда его определить, да так ничего и не придумали. Так и стоит здесь с тех пор.

Я уселся на кровать и попрыгал на ней. Матрас приятно пружинил. Пожалуй, подарок неведомого барона сможет в какой-то мере скрасить мои серые будни в этой дыре.

— А удобства? — задал я главный вопрос.

— Чего? — озадачилась фельдшерица.

— Удобства, говорю, где?

— А, это сортир, что ли? — осенило Клавдию Петровну.

Я смущенно кивнул. Слово «сортир» отчего-то порождало во мне странную ассоциацию с дыркой в земле:

— Э-э… ну да. И еще душ.

— Есть, есть, как же! Вот, рядышком тут, в коридорчике: специально отдельный сделали для доктора. И сортир, стало быть, и душ с ванной. Окромя вас, Пал Палыч, никто не попользуется!

Я вздохнул с облегчением. Бегать по нужде за пару сотен метров в типовое деревянное строение, похоже, не придется. И то славно.

— Часы тоже от щедрот барона? — поинтересовался я, указывая на роскошные напольные часы с маятником, заключенные в резной деревянный корпус.

Маятник почему-то висел неподвижно. Весь прибор создавал впечатление очень древнего и ценного.

— Нет, откуда часы — никто не помнит. Скорее всего, из старой барской усадьбы.

— А почему стоят?

Клавдия Петровна таинственно улыбнулась, подошла к часам и открыла корпус:

— Механизма-то нет! Как им идти?

— Логично! — подтвердил я, заглядывая внутрь.

Механизма и в самом деле не было. Маятник и гири висели на гвоздиках, вбитых изнутри в заднюю стенку корпуса.

— Зато красиво! — гордо заявила Клавдия Петровна.

Я кивнул и аккуратно закрыл дверцу часов. Красиво, тут не поспоришь.

— Ой, я же так и не представилась! — вдруг вспомнила моя новая сослуживица.

— Вы — Клавдия Петровна, это я уже и так знаю! — успокоил ее я.

— Ну да. Фельдшерица я. Двое нас тут, фельдшеров: Антошка… ну, Антон Иваныч который, да я. Машка — акушерка. Еще две санитарки имеются: Инка и Нинка…

— Это мы! — хором подтвердили две толстушки, возникшие в дверях.

— Ага, вот они. Инка с Нинкой еще и готовят для больных, поварихи по совместительству, стало быть.

— Мы и для вас готовить будем, Пал Палыч! — обнадежила меня Инка. Или Нинка?

Я благодарно кивнул. По крайней мере, с голоду я тут не помру. Судя по комплекции поварих, готовили они много и сытно.

— Итак, Клавдия Петровна, подведем итоги. Всего в больнице я насчитал пять душ персонала: вы, Антон Иваныч, Мария Глебовна, две санитарки, они же поварихи… Никого не забыл?

— Никого… только… — фельдшерица замялась.

— Только что?

— Сынок мой, Данила…

— Что с ним?

— Он как бы при больнице…

Я потряс головой, пытаясь вникнуть в суть полученной информации:

— «Как бы при больнице» — это как?! Живет здесь, что ли?

— Да нет, живет он дома, со мной. А тут… ну, помогает… Инке с Нинкой по кухне, полы моет, дрова рубит, тут гвоздь забить, там — дверь навесить, лежачим больным судно подать, перестелить…

— Он что, не работает у вас? Сколько лет-то ему?

Клавдия Петровна тяжело вздохнула.

— Тридцать исполнилось. Он у меня… ненормальный. С детства. Меня молнией ударило, когда его носила… Ну и… Данилка с рождения чудн**о**й. Да вы не бойтесь, он добрый и тихий. Мухи не обидит! — поспешила заверить она.

— Да я и не боюсь.

— Так вы не будете возражать, если Данилка так и будет тут, при больничке? Привык он. Да и к нему все давно привыкли.

— Конечно, пусть остается.

Фельдшерица прыгнула ко мне и затрясла руку.

— Дай вам бог здоровья, Пал Палыч! Спасибо, спасибо огромное! А то я уж так боялась, думала: приедет новый доктор, да по строгости-то и отвадит Данилу от больницы. А вы — вон какой… Добрый! Данила!!! — вдруг пронзительно заверещала она.

От неожиданности и боли в ушах я вздрогнул.

— Данила, иди сюда, скажи спасибо доктору!

— Я тут, ма! — в дверь, распихивая Нинку с Инкой, протиснулся здоровенный увалень лет тридцати с характерным

выражением лица.

В комнате сразу стало тесно. Физическим здоровьем природа Данилу явно не обделила.

— Данька, это наш новый доктор, Пал Палыч! — представила меня Клавдия Петровна.

— Пал Палыч! — с готовностью повторил Данила и, широко улыбаясь, уставился на меня.

Я криво улыбнулся в ответ.

— Скажи спасибо доктору: он тебя при больнице разрешил оставить! — фельдшерица пихнула сына в спину костлявым кулачком.

Данила послушно шагнул ко мне и разулыбался еще шире:

— Спасибо, док! — и сграбастал меня в объятия.

— Не за что! — сдавленно пискнул я, чувствуя себя кроликом, сдуру попавшим в кольца удава. Мои ребра начали потрескивать.

— Вот видите, видите, Пал Палыч, какой Данька добрый! — приговаривала счастливая мамаша, бегая вокруг.

Подтверждая заявленный имидж, Данила сдавил меня еще крепче. Я понял, что моей врачебной карьере приходит конец. Как и жизни.

— Клавдия Петровна, скажите сыну, чтобы меня отпустил! — просипел я в широкую грудь олигофрена. — Помру ведь…

— Ась?! — уточнила фельдшерица.

— П……ц, — грустно констатировал я, поняв, что воздух закончился. И закрыл глаза.

Глава 2

7 сентября 1987 года,17.25,
Ноябрьский район

Лодка мягко ткнулась носом в илистый берег небольшого озерного острова. Терентий Иваныч с кряхтеньем перешагнул через борт и остановился, чувствуя, как кровь неохотно возвращается в затекшие ноги.

— Дед, ты чего? — Петька приобнял старика за плечи, заглядывая в лицо.

— Да затекло все. Сейчас постою минутку-другую — и отпустит.

— Ну ладно. А я пока пожитки выгружу.

Внук принялся деловито перетаскивать из лодки на берег палатку, удочки и прочий скарб. Наконец, уцепив опустевшую посудину за нос, Петька почти полностью вытащил ее на сушу.

— Не унесет? — больше для порядка осведомился дед.

— Да куда она денется? Не океан чай, приливов-отливов и прочих цунами не бывает, — усмехнулся парень и, взваливая на плечи палатку и рюкзаки, поинтересовался: — Ну что, дед, оклемался?

— Да вроде.

— Тогда бери удочки и пошли. Сейчас палатку поставим, костерок организуем да ушицы наварим. Что-то я проголодался уже.

— Так немудрено. Мы когда от Кобельков-то отчалили? Часов в пять?

— В пять пятнадцать утра, я запомнил.

— Во-во. С того времени почитай и не ели-то. Так только, сухарики да колбаски чуток.

— Ничего, сейчас наверстаем! — бодро заявил Петька и зашагал вверх по склону холма.

Дед, покряхтывая и бормоча что-то себе под нос, побрел следом.

Через пару минут внук добрался до вершины и скрылся из виду. Терентий Иваныч продолжал старательно карабкаться вверх. Его бормотание сменилось громким сопением: для старика подъем был крутоват.

— Дед! Давай скорее сюда! Тут… — донесся сверху встревоженный Петькин голос и оборвался на полуслове.

— Чего там у тебя?! — старик обеспокоенно встрепенулся.

Тишина в ответ.

— Петька! Ты чего? Что случилось?! — Терентий Иваныч ускорил шаг.

— Дед, тут человек… — голос внука прозвучал как-то растерянно.

— Уф! — с облегчением выдохнул старик. — Напугал-то как… И чего? Какой человек? Чего ему надо?

— Да ничего не надо. И не ему, а ей! — Петька появился над склоном и протянул деду руку, выдергивая его на вершину. — Вот, гляди!

В трех шагах от оторопевшего старика лежала девушка. В безмятежной позе, закинув руки за голову, она напоминала задремавшую под солнцем пляжницу. Сходство особенно подчеркивало то, что одежды на девушке не было. Никакой.

— Она… живая? — шепотом спросил Петька.

Опомнившись, Терентий Иваныч пожал плечами:

— Не знаю, — тоже шепотом ответил он и присмотрелся. — Дышит вроде.

— Спит? Да что она тут вообще делает-то? И как на остров попала? — продолжал допытываться внук, не отрывая глаз от странной находки.

— Не знаю, говорю! — огрызнулся дед. — И перестань пялиться!

Петька покраснел и отвел глаза.

Девушка была красива. Какой-то нездешней, непривычной красотой. Ослепительно-белая кожа резко контрастировала с пышными, огненно-рыжими волосами, рассыпавшимися по траве. Тонкое тело с маленькой юной грудью казалось изваянным из мрамора. Будто какой-то сумасшедший скульптор приволок на этот богом забытый островок мраморную глыбу, высек из нее чудную статую, да так и оставил здесь, неизвестно для кого и зачем…

— Прикрыть бы ее надо… Петька, доставай свой спальник, живо! Не дело это — голой перед мужиками лежать, — распорядился дед и склонился над девушкой.

— Живая! Дышит и жилка на шее бьется! — с заметным облегчением констатировал Терентий Иваныч.

Петька тем временем достал спальный мешок, расстегнул его и, старательно отворачиваясь, укрыл находку. Оценил дело рук своих и тщательно подоткнул края спальника.

— Эй! Барышня! Как тебя… Просыпайся, домой пора! Эй! — Дед потряс девушку за плечо, сначала осторожно, тихо, затем — все сильнее и сильнее.

Никакой реакции. Красавица и не думала открывать глаза. Она все так же безмятежно спала, слегка улыбаясь во сне яркими,

немного припухшими губами.

— Барышня, вставай! Вставай, кому говорят! — не на шутку рассердился дед, завидев такое равнодушие девушки к попыткам разбудить ее.

Нет ответа.

— Дед, что делать-то будем? — не сводя глаз со спокойного спящего лица, поинтересовался Петька, сидящий по-турецки в сторонке.

— А я знаю?! Оставлять ее тут нельзя, это понятно. Почему она не просыпается? Может, она и не спит вовсе, а без сознания? И как вообще она сюда попала? Где ее одежда, лодка? — Старик выглядел растерянным.

— В больницу ее надо везти! — резюмировал Петька и встал. — Давай, дед, хватай наши вещички, а я — девицу. И в лодку. Уха на сегодня отменяется: погребем обратно в Кобельки.

— Да уж! Поели ушицы… — крякнул дед и принялся навешивать на себя рюкзаки.

7 сентября 1987 года, 17.10,
Кобельки, участковая больница

Отобедав и отдав должное стараниям Инки с Нинкой, я в сопровождении новообретенной свиты отправился в обход своих владений. Процессия выглядела весьма внушительно.

Впереди Клавдия Петровна плечом к плечу с Антоном Иванычем. Оба безостановочно тарахтящие каждый свое, отчего уловить суть выдаваемой ими информации было практически невозможно.

За ними Пал Палыч Светин (я то есть), исполняющий обязанности главного врача. Невероятно важный и изо всех сил старающийся выглядеть старше своих лет.

Затем Мария Глебовна, как бы по инерции налетающая на меня грудью всякий раз, когда я останавливался. (Справедливости ради отмечу, что особого неприятия с моей стороны этот процесс не вызывал).

И в довершение — Инка с Нинкой — с трудом вписывающиеся в коридор, но упрямо шагающие шеренгой и в ногу. Отчего древнее здание больницы ритмично подпрыгивало.

Тылы наши надежно прикрывал Данила, улыбаясь во весь рот и периодически издавая жутковатые утробные звуки (Клавдия Петровна утверждала, что это — пение).

Обход, разумеется, мы начали с приемного отделения. К немалому своему удивлению, я обнаружил, что оно вполне недурно оснащено всем необходимым. Даже небольшие операции

можно было проводить…

Я тяжело вздохнул. Можно было бы, если бы вчерашний студент Светин имел хоть какой-то практический опыт… На меня вновь накатила легкая паника: с какой патологией мне придется тут столкнуться, как и чем буду лечить? А главное — и посоветоваться-то не с кем, один я тут такой, дипломированный. Савсэм одын!

— А тут у нас процедурная! — Клавдия Петровна распахнула очередную дверь.

Я шагнул внутрь, огляделся, важно кивнул и вышел. Процедурная как процедурная.

— Теперь давайте по палатам пройдемся! — перехватил инициативу Антон Иваныч и устремился к белой двери с ярко-алой цифрой «1», небрежно намалеванной масляной краской.

Палат оказалось пять. Вернее, когда-то их было семь, но две дальние отделили от общего коридора простенком. В палате № 6 теперь поселился я (весьма символично!). Седьмая палата, тоже переделанная в жилую комнату, пустовала.

Быстренько осмотрев имеющихся в наличии больных (всего в больнице их было четверо) и сделав назначения, я направился было к своему кабинету (да-да, теперь у меня имелся свой кабинет!). Но меня остановил оклик Клавдии Петровны:

— Доктор, куда же вы? У нас еще амбулатория есть!

Как же я забыл?! Ведь учил же когда-то структуру сельской участковой больницы: и в самом деле, должна быть при ней амбулатория. Сиречь — ма-аленькая такая поликлиника, где доктор ведет первичный прием приходящих страдальцев.

В амбулатории оказалось людно. На длинных скамейках, расставленных вдоль стен, сидели человек пять, старательно держась за разные части своих тел.

— Здрасьте! — оторопело выпалил я.

— Здравствуйте, доктор! — нестройным, но дружным хором протянули терпельцы.

Антон Иваныч открыл передо мной дверь с воодушевляющей надписью: «Прием круглосуточно»:

— Прошу, Пал Палыч, пожалуйте сюда. Народ уж заждался. Мы тут, конечно, с утра немного разгребли, но пятеро еще остались.

Я быстро прошел внутрь и, впустив свою свиту, плотно закрыл дверь:

— Вы что хотите сказать, что я прямо сейчас должен вести прием?!

В комнате повисла нездоровая тишина. Первой дар речи обрела Клавдия Петровна:

— Ну да, разумеется! А как же?

— Да вы не тушуйтесь, доктор, если что — мы вам поможем! — обнадежил меня Антон Иваныч, раскрывая дверцы огромного допотопного шкафа. — Здесь у нас картотека.

На полках и в самом деле выстроились брошюрки амбулаторных карт разной толщины.

— Все Кобельки тут! С окрестностями! — с гордостью заявил фельдшер, любовно проводя рукой по разноцветным корешкам.

Поняв, что романтика закончилась и началась суровая сермяжная проза трудовых будней, я вздохнул и уселся за стол:

— Приглашайте очередного! — и принялся нервно вертеть в пальцах карандаш.

В кабинете случилась короткая суета. Клавдия Петровна, разулыбавшись (как мне показалось, с облегчением), развернула персонал лицами к двери и в пару секунд вытолкала всех вон. И выпорхнула сама. Прикрывая за собой дверь, фельдшерица обернулась и игриво подмигнула мне. Меня передернуло.

Со мной остался лишь Антон Иваныч. Он уселся за свой столик, стоящий напротив моего, и деловито принялся раскладывать на нем какие-то журналы. Наконец, раскрыв самый толстый из них, фельдшер повернулся к двери и гаркнул:

— Следующий!

Дверь моментально распахнулась, и в кабинет влетела маленькая бабулька лет эдак ста-ста двадцати. Широко улыбаясь беззубым ртом, ископаемое уселось на стул рядом со мной и констатировало:

— Молоденький!

— Ничего, это пройдет! — успокоил я старушку и попытался направить разговор в деловое русло: — На что жалуетесь?

— Зинка, шошедка, шперла шо двора шоленые огуршы из кадки, шволочь шишяштая! — скорбно поведала бабка и с надеждой уставилась на меня.

— Какая сволочь? — оторопело уточнил я.

— Шишяштая! — с готовностью повторила пациентка.

Я вопросительно взглянул на Антона Иваныча.

— Сисястая! — перевел он, не отрывая взгляда от журнала, в котором что-то писал.

Я почувствовал, что краснею. Карандаш в моих пальцах с громким хрустом сломался. Бабка подпрыгнула на стуле и втянула голову в плечи.

— Что? У вас? Болит? — раздельно процедил я.

— А-а! — поняла посетительница. — Так это… Там!

— Где?

— Ну там! — явно удивляясь моей непонятливости, старушка

показала большим пальцем руки куда-то за свое плечо.

Я привстал и заглянул ей за спину:

— Спина, что ли?

— Не-е, милок, не шпина! — разулыбалась бабка. — Ниже!

Антон Иваныч оторвался от своей писанины и отчеканил:

— Евлампия Прокловна неделю назад обратилась к нам с жалобами на боли в заднем проходе и умеренное кровотечение оттуда же. После проведенного осмотра мною был установлен диагноз: хронический геморрой, обострение. В связи с чем было назначено лечение: свечи с реопирином и экстрактом ромашки. Сегодня Евлампия Прокловна явилась для контрольного осмотра и определения тактики дальнейшего лечения.

— Во-во, он шамый, еморой у меня! Там! — радостно закивала старушка и вновь махнула большим пальцем через плечо.

— Исчерпывающе! — пробормотал я и начал «определять тактику дальнейшего лечения». — Евлампия э-э… Прокловна, так вы свечи принимали?

— А как же, дохтур, принимала! Вот, как Антон Иваныч назначили, так и принимала: два раза в день, утром, штало быть, и перед шном.

— Хорошо. Легче стало?

— Штало, милок, штало! На третий день как рукой шняло!

— Замечательно. Но вы курс лечения закончили? — подозрительно нахмурил я брови.

— Как? — озадачилась Евлампия Прокловна.

— Я спрашиваю, свечи все использовали? — переформулировал я вопрос.

— Вше, вше! — поспешила она меня успокоить. — Шегодня только пошледнюю шъела!

Стул подо мной оглушительно треснул. Антон Иваныч закашлялся и, уронив ручку, полез за ней под стол. Кашель, донесшийся оттуда, носил явные нотки истеричности.

— Вы п-п-последнюю с-с-вечу — что?! — от переполняющих меня чувств я начал заикаться.

— Шъела, дохтур, шъела! — невозмутимо повторила Евлампия Прокловна.

— Вы? Ели? Свечи? — разум отказывался верить услышанному и требовал уточнений.

— Ага! — с улыбкой кивнула бабка.

— И помогло?

— Да как рукой! — в подтверждение своих слов долгожительница энергичным жестом чиркнула себя большим пальцем по шее.

Я вздохнул и начал санпросветработу:

— Видите ли, Евлампия Прокловна, то, что свечи вам помогли, — замечательно. Но мне кажется, что эффект от них был бы более ярким, если бы вы принимали свечи так, как положено…

— Так я ж их так и принимала! — удивленно перебила меня бабка.

Я покачал головой:

— Нет, голубушка, вы принимали их в рот… как таблетки.

Старушка часто закивала головой и скривилась:

— В рот, милай, в рот! Только таблетку раз — и проглотишь, а швечку жуешь-жуешь, жуешь-жуешь… шклизкая, шволочь!

Представив этот процесс, я поежился. Но терпеливо продолжал внушать:

— Евлампия Прокловна, свечи принимают не в рот!

— А в куда? — встрепенулась бабка.

Кашель под столом усилился. Я как бы невзначай дернул ногой, задев что-то мягкое. Антон Иваныч утробно охнул и завозился, однако кашлять перестал.

— Свечи принимают… э-э-э… с другой стороны, так сказать! — попытался я корректно сформулировать путь введения ректальной свечи.

Евлампия Прокловна уставилась на меня. В тусклых старушечьих глазках плескалось детское изумление:

— Чаво?!

Из-под стола, будто чертик из коробки, выскочил багровый и потный Антон Иваныч:

— В попу их вставляют, Прокловна, в попу!

Повисла нехорошая тишина. Фельдшер, осознав, что сотворил, съежился и втянул голову в плечи. Я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Вечер переставал быть томным.

— Куда-куда? — тихо переспросила Евлампия Прокловна и начала медленно приподниматься, нависая над залегшим на столе Антоном Иванычем.

— Туда! — пискнул тот, безуспешно пытаясь слиться с ландшафтом.

Бабка наконец со скрипом распрямилась полностью и принялась объяснять несчастному фельдшеру всю никчемность его жалкого существования. Получалось у нее весьма убедительно, хоть и не вполне цензурно.

Я невольно заслушался: в пылкой речи Евлампии Прокловны использовались такие обороты и метафоры, которых прежде нигде и никогда мне слышать не доводилось. Видимо, бабка принесла эти знания из прошлого века… или из позапрошлого? В

старой школе были мастера…

Минут через десять милая старушка, видимо, получила полную сатисфакцию. Она умолкла, чинно уселась на свое место и целомудренно расправила на коленях длинную черную юбку. Застенчиво мне улыбнулась:

— Уж проштите, Пал Палыч, вшпылила чуток!

— Да полноте-с, Евлампия Прокловна, пустое! — успокоил я ее, недоумевая, из каких глубин подсознания всплыли вдруг фразы, уместные разве что на балу у Шереметьевых, но никак не в амбулатории Кобельковской участковой больницы. — Не извольте беспокоиться, сударыня, любезнейший Антон Иваныч позволил себе моветон и получил по заслугам…

Растоптанный фельдшер вздрогнул и несмело оторвал голову от столешницы.

— …Однако смею вас уверить, что его пароле террибль… ужасные слова… не лишены некоторого смысла! — продолжал я свою мысль.

— Пуркуа? — осведомилась Евлампия Прокловна.

Антон Иваныч опять сполз под стол. Оттуда донеслось сдавленное:

— Опупеть!

Даже не удивившись глубоким познаниям собеседницы в области языков, я пояснил:

— Потому что свечи и в самом деле необходимо вводить в прямую кишку.

— Да ну? — изумилась бабка. — А больно не будет?

Ответить я не успел.

В коридоре раздался дробный топот, дверь распахнулась и в кабинет с перекошенным лицом влетела Клавдия Петровна:

— Пал Палыч, Антон, скорее в приемное! Там… там целый грузовик больных привезли! Тяжелые все, жуть!

Мигом позабыв про Евлампию Прокловну, я вскочил. Из-под стола, едва его не опрокинув, вылез Антон Иваныч. Вдвоем мы нависли над тяжело дышащей фельдшерицей:

— Какой грузовик?! Каких больных? Откуда? — наши вопросы прозвучали почти синхронно.

Вместо ответа Клавдия Петровна лишь махнула рукой, приглашая следовать за собой, и выскочила за дверь. Переглянувшись, мы с фельдшером рванули за ней.

Пробегая через коридор амбулатории, я краем глаза заметил, что ожидающих больных заметно прибавилось. Раза в два. Однако раздумывать на эту тему было некогда.

В приемном отделении было пусто. Зато на улице, перед крыльцом, жизнь била ключом.

Из кузова припаркованного у больницы грузовика какие-то мужики за руки и ноги вытаскивали тело. Оно было мужского пола и издавало невнятные звуки, которые при первом приближении можно было принять за стоны. Однако, прислушавшись, я с удивлением уловил знакомый мотивчик. Полуживой организм пытался напевать «Ой мороз, мороз»!

Между тем мужички довольно бесцеремонно швырнули поющее тело к моим ногам и вновь полезли в кузов. Через несколько секунд куча на травке пополнилась еще одной особью. Эта не пела, потому как была без сознания. Всего лишь часто и хрипло дышала.

Я присел рядом и взялся за запястье хрипящего. Пульс был, но совсем слабый, нитевидный. А рука болезного показалась мне невероятно горячей.

Подняв пациенту верхние веки, я осмотрел зрачки: широкие, реакции на свет почти нет. Плохо.

— Кто-нибудь может сказать, что случилось?! — не поднимая головы, крикнул я.

Вместо ответа рядом на траву плюхнулось еще одно тело. Тоже без сознания. Мной начала овладевать легкая паника.

— Антон Иваныч, займитесь им! — кивнул я на новоприбывшего. Этот хоть и в беспамятстве, но не хрипел: дышал спокойно и свободно.

Фельдшер присел рядом со мной и завозился над своим пациентом.

Я рванул у моего подопечного рубашку, оголяя грудь. И невольно присвистнул: она была интенсивно-синего цвета, причем синева переходила на шею и лицо несчастного. А граница между синюшностью и нормальным цветом кожи оказалась весьма четкой. Будто слюнявчик надели.

Синий «воротник»! Вкупе с сильнейшей одышкой и набухшими шейными венами, он давал классическую картину тромбоэмболии легочной артерии: крайне неприятного состояния, когда тромб отрывается где-нибудь в венах ног и летит с током крови в легкие, пока не закупорит собой один из тамошних сосудов. И все, привет. Если артерия крупная — почти наверняка мгновенная смерть. Если поменьше — возможны варианты: либо смерть, но не сразу, либо…

Я посмотрел в синее лицо и вздохнул. Либо получаем вот это. Как лечить тромбоэмболию в условиях Кобельковской участковой больницы, я представлял себе слабо.

— Антон Иваныч, у нас ИВЛ есть? — безнадежно поинтересовался я у копошащегося по соседству фельдшера.

— Чего? — изумленно воззрился он на меня.

— Аппарат искусственного дыхания, спрашиваю, в больнице есть?

Иваныч отвесил челюсть.

— Ясно… — пробормотал я.

Искомого аппарата в Кобельках явно не было.

Пациент захрипел еще чаще. Я засек время: частота дыхательных движений — сорок в минуту! Дыхание неэффективное. Ежели на искусственную вентиляцию больного перевести нельзя, надо срочно придумать что-то другое. Вот только что? В моем воспаленном сознании пронеслись обрывки воспоминаний из лекций и семинаров.

— Антон Иваныч, морфин в больнице найдется?

Не отрываясь от своих дел, фельдшер кивнул:

— Есть, конечно!

— Отлично. Клавдия Петровна, ставьте пока капельницу! — поймал я за халат проносящуюся мимо фельдшерицу.

— С чем? — присела она с другой стороны больного и принялась протирать его локтевой сгиб ваткой со спиртом.

— С физраствором. Когда поставите, введете морфин!

Она с недоумением уставилась на меня:

— Зачем?! У него же болей нет!

— Зато есть одышка. А морфин ее подавляет. Да делайте же, не теряйте время, — огрызнулся я. — Антон Иваныч, вашему — тоже капельницу с физраствором и больше пока — ничего. Будем разбираться. Ах да, кислород дайте обоим!

Клавдия Петровна пожала плечами и воткнула иглу в вену:

— А чего он такой горячий? — поинтересовалась она.

Это я и сам бы хотел знать. Пока фельдшерица возилась с капельницей, я перешел к следующему больному. Тому, который пел. Взялся за пульс и покачал головой: тоже так и пышет жаром!

Тем временем немногословные мужики выгрузили на травку еще двоих. Слава богу, эти пребывали в сознании, хоть и весьма спутанном. И тоже, тоже — горячие!

Какая-то странность, пока неосознанная, не давала мне покоя. Что-то было не так Вот только что? Ладно, доктор Светин, соберись и рассуждай. Итак, имеем пятерых пациентов с явной гипертермией (повышенной температурой тела, стало быть). При таком жаре они должны быть… Какими они должны быть? Правильно: влажными. Хотя бы местами. А эти — сухие, как песок в пустыне. И о чем это нам говорит?

Я хлопнул себя по лбу: точно, обезвоживание! Мужики, похоже, получили банальный тепловой удар. Но каким образом?

— Откуда вы их привезли? — поинтересовался я у переминающихся с ноги на ногу мужичков из грузовика.

— У грейдера нашли. Километрах в двадцати отсюда, — виновато пробубнил один из них.

— А что они там делали? Что значит «нашли»? Они у дороги валялись, а вы их просто подобрали? Подробности, мне нужны подробности! — не замечая того, я почти орал, наседая на съежившихся аборигенов.

— В машине они сидели! — подал голос второй, который помоложе.

— В какой машине?

— В «запоре»… Ну, в «Запорожце» то есть. В ушастом.

— И что?

— Что — «что»? — не понял мой собеседник.

— Сидели пять мужиков в «Запорожце»… — тут я запнулся, осознав фантастическую экстремальность этого явления, — … сидели, стало быть, пятеро здоровых мужиков в ма-аленьком таком «Запорожце», плохели, синели и теряли сознание?

Туземцы дружно пожали плечами:

— Да вроде…

Я оторопело переводил взгляд с них на лежащие в рядок полуживые тела. Понятно, анамнез болезни придется выяснять у самих пациентов. Когда оклемаются. Иначе толку не будет: водители грузовика застали, можно сказать, лишь финальный акт трагедии.

— Доктор, а доктор? — робко обратился ко мне старший.

— Что?

— Может, мы поедем, а? Нас в поле ждут, давно уже. Председатель головы свинтит и премии лишит.

Я невольно усмехнулся. Если процесс будет происходить именно в этой последовательности, о премии мужичкам можно будет уже не беспокоиться.

— Да, да, конечно езжайте! Спасибо вам. А насчет председателя не беспокойтесь — если что, адресуйте его ко мне. Я объясню, что вы вот этим, — я кивнул на лежащие тела, — жизнь спасли!

Мужики заулыбались, пожали мне руку и полезли в кабину. А я вернулся к своим доходягам.

«Синий» теперь дышал намного спокойнее. Клавдия Петровна успела ввести морфин и приладить кислородную маску. Да и синюшность у бедняги несколько уменьшилась. В вену резво капал физраствор, восполняя потерянную (пока неведомо, каким образом!) жидкость.

— Проверьте давление и сделайте в вену гепарин. Десять тысяч, — распорядился я и пошел дальше.

Пациент Антона Иваныча уже пришел в сознание и теперь

удивленно хлопал глазами поверх кислородной маски.

— Тоже — измерить давление. И температуру, всем обязательно измерить температуру! — спохватился я. — И еще — взять кровь на гематокрит!

— Чего?! — хором взвыли оба фельдшера.

Ясно. «Нам таких словов не нать, нам чаво бы попроще…» Я забыл, что нахожусь не в Нероградской областной больнице, где по первому щелчку пальцами прибегает толпа лаборантов и делает любые анализы. Вздохнув, я махнул рукой:

— Да так, ничего, перегрелся малость. Давайте-ка их по палатам определим. А то что ж они у нас так-то… в военно-полевых условиях.

— Данила!!! Айда больных таскать!!! — взвизгнула Клавдия Петровна.

У меня заложило уши.

7 сентября 1987 года, 19.10,
Кобельки, участковая больница

Я дописал историю болезни и потянулся. Первый день моей работы в качестве и.о. главврача полностью соответствовал определению «с корабля — на бал». За последние два часа я провел интенсивную терапию пятерым тяжеленным больным. В результате — из крайне тяжелого их состояние стало от просто тяжелого до вполне даже удовлетворительного.

Тяжелым оставался пациент с тромбоэмболией: он хоть и пришел в себя, но по-прежнему внушал мне серьезные опасения. Давление сам не держал, только на вазопрессорах и гормонах; к тому же после прослушивания его легких я пришел к нерадостному выводу о том, что назревает пневмония.

Зато остальные четверо поправлялись на глазах. Коррекция потерь жидкости и охлаждение (для чего пришлось выгрести почти все запасы льда из больничного погреба!) сотворили чудо. Недавние доходяги полностью пришли в норму и запросились домой. С каковой целью и отрядили делегата ко мне в кабинет пятнадцать минут назад.

Делегата я решил пошантажировать. Пообещал, что отпущу исцеленных лишь в том случае, если он, делегат, в подробностях расскажет мне обстоятельства, повлекшие за собой столь плачевное состояние моих пациентов.

Посланник помялся минуту… да и рассказал.

…Какое-то время после окончания его рассказа я хватал раскрытым ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова. Потом принялся биться лбом об стол в приступе истеричного смеха.

Впрочем, смехом это назвать было сложно. Ржание — добротное такое, переливчатое ржание. Ну а как еще прикажете смеяться в бывшей конюшне?

Делегат поведал мне историю, достойную пера Дюма. Вернее, обоих носителей этой фамилии — и отца, и сына.

Дело было так. В пятницу вечером пятеро мужичков решили съездить в соседнее село (пятнадцать верст!) в гости. Сборы были недолгими: прихватив с собой десяток литров самогонки, наши герои уселись в «Запорожец» и двинулись в путь.

Как пятеро упитанных организмов уместились в этой пародии на автомобиль, — объяснить не смог бы даже Эйнштейн с позиций собственной теории относительности.

Тронувшись, путешественники решили отметить благополучное начало тура. И отметили. Все, включая водителя (кстати, именно он и оказался в конце концов моим самым тяжелым пациентом).

В результате примерно на полпути «запор» не вписался в поворот, слетел с грейдера, проскакал по полю и въехал в столб. Но! Столб оказался непростым. Знаете, встречаются иногда у дорог такие, сделанные из двух длинных бревен, соединенных вверху и расходящихся книзу? Получается этакий треугольник, обращенный вершиной вверх.

«Запорожец» въехал аккурат промеж бревен. И заклинился там. Да так здорово, что обе двери (а в «запоре» их всего-то две!) оказались намертво заблокированными.

Осознание трагизма ситуации пришло к страдальцам не сразу. Поначалу они обрадовались тому, что живы. И тут же это отметили. Потом отметили то, что машина осталась цела. Потом тяпнули за преодоление половины пути. И понеслось…

Напомню: был вечер пятницы. По грейдеру и в будни-то редко кто ездит. А уж в преддверии выходных…

Через пару часов кому-то понадобилось выйти по естественной надобности. Поняв, что двери не открываются, мужички опустили стекла и попытались выйти в окна. Но проклятые бревна загораживали собой проемы. Тогда путешественники принялись звать на помощь. Эхо было им ответом…

Прошла ночь, настало утро субботы. Дорога по-прежнему была пуста. Сидельцы охрипли, безуспешно взывая к пространству. Воды у них с собой не было, поэтому жажду утоляли самогоном. А нужду, пардон, справляли в окна.

А потом взошло солнце… Температура за бортом неуклонно приближалась к обычным для этого времени года на

Нероградщине двадцати пяти градусам. В тени…

Тени столб не давал. А «запор», к несчастью, был темно-синим. И потому его содержимое вмиг нагрелось градусов до пятидесяти. Мужики пили, орали, опять пили, опять орали…

Так прошла суббота. Потом воскресенье. Потом — почти весь понедельник. И только на закате дня на грейдере появился уже знакомый нам грузовик…

Прекратив биться об стол, я поднял голову, вытер слезы и уставился на недоумевающего делегата:

— Вы, пятеро здоровых лбов, не могли выдавить лобовое или заднее стекло?! И вылезти? Вы же помереть могли, идиоты! И так уж почти померли!

Делегат шмыгнул носом и потупился:

— Не хотели.

— Не хо… — у меня перехватило дыхание. — Не хотели?! Да почему же?!

— Машину жалко!

— Клавдия Петровна! — заорал я.

Фельдшерица моментально материализовалась на пороге:

— Да, Пал Палыч?

— Проводите этого… автолюбителя к остальным. И оформите их на выписку, — устало распорядился я.

— Всех?!

— Кроме того, который под капельницей, разумеется.

— Есть! — по-военному отрапортовала Клавдия Петровна и вытолкала парламентера вон.

Воспользовавшись минутной передышкой, я подошел к окну. Вид отсюда открывался изумительный. Больница стояла на холме, и из ее окон видна была вся округа. Прямо перед глазами — большое озеро, на берегу которого примостились Кобельки. Справа — лес. Слева — тянущаяся до самого горизонта степь.

— Лепота! — пробормотал я.

— Пал Палыч! — раздалось за спиной.

От неожиданности я вздрогнул и резко обернулся. Передо мной, в каком-нибудь шаге, стоял Антон Иваныч. Вид у него был изрядно озадаченный.

— Уф, испугали! Чего подкрадываетесь так? А если бы я рефлекторно вас того… в челюсть?

Фельдшер криво улыбнулся:

— Значит, поделом мне.

«Фаталист, стало быть? Ох не похож!» — подумал я, рассматривая хитрые глазки Иваныча.

Но вслух спросил другое:

— Что опять случилось?

— Да у нас тут все время что-то случается! — оптимистично сообщил мне фельдшер. — Там рыбаки девушку привезли. Без сознания.

— Утонула, что ли? — уточнил я уже на ходу, выскакивая в коридор.

— Да нет вроде. Они ее на суше нашли уже в таком виде.

— В каком — «в таком»?

Антон Иваныч замялся:

— Да сами сейчас увидите. Сюда, пожалуйте, в смотровую! — и открыл мне дверь.

На кушетке, закутанная во что-то вроде одеяла, лежала девушка. Красивое, спокойное лицо ее обрамлял ореол из огненно-рыжих волос. Закрытые веки слегка подрагивали.

— Пульс шестьдесят в минуту, дыхание — шестнадцать, давление — сто десять на семьдесят! — сообщила Клавдия Петровна.

— При каких обстоятельствах ее нашли? — поинтересовался я у стоящих поодаль мужчин — старика и парня лет двадцати пяти.

— На острове. Она лежала на холме… голая совсем, — несмело сообщил дед.

— Голая?! А как она туда попала?

Старик развел руками:

— Не знаем. Лодки никакой мы не видели, ее одежду не нашли. Чудно как-то…

— Да уж… — согласился я и обратился к фельдшеру: — Антон Иваныч, надо бы участкового вызвать. Кто его знает, как она на остров попала. Может, и не по своей воле. Пусть разбирается, это по его части.

Иваныч кивнул и выскочил из кабинета. А я склонился над девушкой:

— Всех, кроме Клавдии Петровны, прошу выйти из смотровой.

Комната вмиг опустела. Убедившись, что со мной осталась лишь фельдшерица, я откинул одеяло. Вернее, спальный мешок. И замер…

Эх, учили меня, учили, что врач при исполнении существо бесполое, да все зря! Потому что, едва увидев мою новую пациентку, я понял, что пропал. Просто что-то щелкнуло где-то в голове — и все. Передо мной лежала уже не больная, жаждущая моей помощи, а — Мечта. Именно так, с большой буквы.

Я оторопело вглядывался в бледное лицо и не понимал, что

со мной происходит. Я *знал,* что всегда ждал встречи с той, которая сейчас мирно спала на обшарпанной больничной кушетке в богом забытых Кобельках. Откуда взялось это знание — неведомо. Но в его истинности я был уверен. Это лицо я уже видел раньше. В собственных снах.

— Пал Палыч! — подергала меня за рукав Клавдия Петровна.

— Да?! — встрепенулся я, пытаясь прогнать наваждение.

— Что с вами? Вы как-то побледнели весь. Устали, наверное, с дороги-то, да после всех наших заморочек?

Я замотал головой:

— Нет-нет, все в порядке! Задумался просто.

Осмотрев девушку, я присел рядом на стул и задумался. Никаких тревожных признаков болезней или, тем более, ранений, я не нашел. Красавица, похоже, просто-напросто спала. Очень крепко, потому что мои манипуляции ее не разбудили.

— Что с ней? — шепотом спросила Клавдия Петровна.

Я пожал плечами:

— Спит.

— Просто спит?

— Похоже, именно так. Кстати, вы ее не знаете? Не из местных часом?

Фельдшерица отрицательно помотала головой:

— Не из Кобельков, точно.

— Как же она на остров-то попала? — не надеясь на ответ, спросил я.

— Ох, не знаю, Пал Палыч. Да еще в таком-то виде! Может… — она запнулась.

— Может, что?

— Может, ее обидел кто? Ну, вы понимаете, о чем я? Снасильничал и бросил.

Я поежился. У меня и в мыслях не было, что над этим волшебным созданием кто-то мог вот так надругаться…

— Кто знает? Надо бы проверить, наверное?

Клавдия Петровна выглянула в коридор:

— Марья! Зайди-ка сюда!

В дверь павой вплыла Мария Глебовна:

— Что случилось? Рожает кто-то?

Я указал на странную пациентку.

— Мария Глебовна, осмотрите девушку, пожалуйста. Есть подозрение, что ее могли… изнасиловать, — глухо выдавил из себя последнее слово.

Акушерка присела у кушетки и принялась натягивать перчатки.

— Подождите! — остановил я ее и направился к выходу.

— Что? — Мария Глебовна в недоумении обернулась ко мне.

— Я… выйду пока! — сказал я и почувствовал, что краснею.

— Зачем?! — хором спросили акушерка с фельдшерицей.

Но я уже выскочил в коридор и захлопнул за собой дверь.

Через минуту из смотровой выглянула Клавдия Петровна:

— Пал Палыч, заходите!

— Что, уже?

— Уже, уже! — заулыбалась она.

Я вернулся в кабинет:

— Ну?

Акушерка с хитрой улыбкой окинула меня взглядом:

— Да все в порядке. Девочка она еще! — и принялась стаскивать с рук перчатки.

С души свалился здоровенный камень. Видимо, облегчение мое было столь явным, что Мария Глебовна хмыкнула себе под нос и покачала головой. Я тут же сделал строгое лицо:

— Клавдия Петровна, определите больную в пятую палату. Пусть там полежит, пока не проснется.

— Назначения какие-нибудь будут?

— Никаких. Спит человек — и пусть спит. Понаблюдаем пока.

Фельдшерица кивнула головой, высунулась в коридор и завопила:

— Данька! Давай сюда, работа есть!

Я вздохнул и с опаской поглядел на спящую красавицу. Та и ухом не повела.

Глава 3

20 августа 1987 года, 02.28,
Кобельки

Сон не приходил. Алена ворочалась в постели уже почти два часа, безуспешно пытаясь уснуть. В отчаянной злости она колотила кулачками подушку и даже кусала ее. Будто та виновата во всех бедах, так внезапно навалившихся на Аленины плечи.

Собственно, беда была только одна. Зато такая, которую сама Алена с радостью поменяла бы на десяток любых других. Если бы могла. Но — увы! Поздно, девочка, поздно…

Да уж и не девочка, кстати. Четыре месяца как рассталась с невинностью. И без всякого сожаления, надо заметить. Правда, удовольствия особого тогда она тоже не испытала. Скорее какую-то дурацкую гордость за себя: мол, вот теперь-то я совсем-совсем взрослая! И все у меня — как у людей. То есть как у подружек, которые давным-давно и без всякого стеснения хвастают, как у них ЭТО было…

Теперь ЭТО было и у Алены. А сегодня она узнала, что скоро у нее появится такой повод «похвастаться» перед подружками, какого у тех не будет еще долго! К их же счастью.

Алена зло усмехнулась и опять всадила кулак в несчастную подушку. Дура, полная, законченная дура! Решила доказать что-то… И кому, спрашивается? Витьке, который променял ее на эту очкастую плоскую дылду из 10 «А»? Ну уж нет, себе-то Алена врать не будет: Витька, по большому счету, ей был глубоко безразличен. И шансов никаких у него не было. Помнится, она даже вздохнула с облегчением, завидев на дискотеке Витьку в обнимку с этой… глистой.

И тогда, под тем симпатичным приезжим, Алена все доказывала исключительно себе: собственную полноценность, привлекательность и взрослость.

Доказала. Ай молодец! И спохватилась-то, дура, только тогда, когда аборт делать уже поздно. Это ей сегодня очень популярно акушерка объяснила.

Алена вздохнула. Нет, ну надо же, четыре месяца не было месячных, а она и не заметила! Просто забыла напрочь. Ну не дура ли?

Конечно, уважительных причин для такой «забывчивости» — хоть отбавляй: тут тебе и выпускные, и вступительные в медицинский… Она же теперь — студентка! И в сентябре переедет из опротивевших Кобельков в Нероград, в общежитие.

Начнется новая, веселая студенческая жизнь…

На глаза навернулись слезы, и Алена зарылась лицом в подушку. Ни хрена у нее не начнется! Потому что через каких-то пять месяцев ей рожать. А это значит — прощай учеба, прощай буйное, веселое студенчество… Здравствуй, сомнительное будущее матери-одиночки без образования и профессии!

Слава богу, хоть родители ничего не знают. Пока. Уехали оба куда-то в соседний Казахстан на похороны неведомого Алене дальнего родственника. Как ни цинично это звучит, но похороны случились кстати, ей ох как надо сейчас побыть одной. Собрать мысли в кучку и что-то придумать.

Хотя что уж тут придумаешь? Мария Глебовна, акушерка, сегодня вполне определенно сказала: теперь — только рожать! Поезд ушел…

Алена еще раз от души врезала бессловесной подушке и села в кровати. Сон отступил окончательно. Вместо него в голову лезли подленькие мыслишки о ее невеселых и, увы, таких близких перспективах.

Откуда-то из прихожей донесся легкий треск. Потом еще раз. И еще…

Алена вздрогнула и почувствовала, как покрывается «гусиной кожей». Этот звук она хорошо знала — так трещали половицы в сенях. Когда на них кто-нибудь наступал.

Опять треск! Уже ближе. Из прихожей в сторону ее спальни определенно кто-то шел. Не спеша, крадучись, явно стараясь производить как можно меньше шума.

Алена вскочила и торопливо принялась натягивать халатик, с трудом попадая в рукава трясущимися и вмиг онемевшими от страха руками. На цыпочках подошла к двери и приложила ухо к прохладному дереву. Прислушалась.

Тишина. Лишь за окном привычно орали сверчки. В соседней комнате, казалось, не было никого. Как и предполагалось.

Осторожно, стараясь не шуметь, Алена перевела дух. Неужели показалось? Она послушала еще минуту-другую, а потом рискнула приоткрыть дверь.

В большой прихожей темень стояла непроглядная. Если спальня хоть как-то освещалась скудным лунным светом, то здесь глубокую черноту не нарушало ничего. Окон в сенях не было.

Алена протянула руку, нащупала выключатель и щелкнула им. Свет не зажегся. Она безнадежно пощелкала еще, уже понимая, что — зря.

В центре прихожей что-то произошло. Темнота словно сгустилась в одном месте, приобретая неясные, расплывчатые очертания. Потянуло сквозняком с затхлым каким-то, неживым

запахом. И вновь послышался треск.

Бесформенный сгусток темноты наплывал на Алену. Бесплотным, похоже, он не был: половицы жалобно потрескивали под тяжестью.

Девушка отпрянула назад. Она во все глаза всматривалась во мрак, пытаясь разглядеть надвигающееся нечто.

Память некстати подсунула Алене картинку из недавнего совсем детства: она лежит, уютно свернувшись клубочком, в постели, пристроив голову на коленях отца. А он, повинуясь ее же просьбе, страшным (и смешным!) шепотом рассказывает очередную «страшилку» про домового. Как тот приходит ночью к непослушным девочкам и крадет их дыхание…

Треск раздался совсем близко. Темный сгусток уже был на пороге спальни.

На Алену вновь повеяло затхлостью и еще чем-то зловонным.

«Домовых не бывает!» — попыталась она себя успокоить, но только перепугалась еще больше.

Девушкой овладела паника. С трудом отведя взгляд от страшной тьмы, она развернулась и рванулась к единственному свободному выходу из спальни. К окну.

Три шага. Всего три шага отделяли Алену от спасительного, распахнутого по случаю жары окна. Чувствуя спиной холодный, злобный взгляд из темноты, она сделала один шаг, другой…

А на третьем ее нога зацепилась за предательскую складку на ковре, и Алена с размаху упала на постель. Лицом в подушку.

Тут же попыталась встать, но не успела: невероятная тяжесть навалилась ей на спину и затылок, вдавливая лицо в пеструю наволочку.

Девушка забилась, пытаясь освободиться. Но темный гость держал крепко, не позволяя своей жертве вырваться.

Тогда она попыталась позвать на помощь. Тщетно: в подушку много не накричишь.

А воздух очень быстро заканчивался. Алена забилась еще сильнее. Теперь не только от дикого, нечеловеческого страха, но и от удушья.

Тяжелая темнота все сильнее и сильнее вдавливала ее в постель. В какой-то миг Алена с ужасающей ясностью поняла, что вот-вот — и воздух закончится.

Он и закончился. Девушка попыталась сделать вдох, но в забитые подушкой рот и ноздри не попало ничего. Алена силилась вдохнуть еще и еще, до боли в сведенной судорогой груди.

Сознание стремительно затухало. Она уже не боролась, она просто смирно лежала, вдавленная в кровать. И без всякого

интереса наблюдала, как перед закрытыми глазами неторопливо проплывают кадры из ее же собственной жизни. Алена вяло смотрела это странное и страшное кино.

Пока оно не кончилось…

7 сентября 1987 года, 23.40,
Кобельки, участковая больница

— В следующий раз, поцарапавшись, используйте банальный йод. Или зеленку. Здоровее будете! — процедил я, вскрывая огромный гнойник на плече несчастного тракториста.

— Так ведь подорожник же прикладывал!.. — начал было оправдываться тот.

— Ах да, конечно! Как я мог забыть! Сорвали у дороги лопух, им и полечились…

— Подорожник!

— Сорри, подорожник! Присыпанный, надо полагать, толстым слоем землицы? — злобствовал я, вычищая и дренируя гигантскую гнойную полость.

— Я ж его вытер! — в отчаянии взвыл мой пациент, извиваясь от боли.

Я добавил еще новокаина и продолжил воспитательную беседу:

— Просто вытерли? Вот так вот — взяли и вытерли?

— Не-е! Поплевал сначала! — с достоинством уточнил болезный.

Я вздохнул и решил прекратить дискуссию ввиду наличия у оппонента явного преимущества в логике. Засунув в рану пару резинок и приладив поверх нее повязку с гипертоническим раствором, пробурчал:

— Завтра после обеда придете на перевязку. Температуру меряйте: если повысится, придете раньше!

Антон Иваныч вывел фаната подорожников за дверь и через пару секунд вернулся сияющий:

— Пал Палыч, все! Нет больше никого!

Я взглянул на часы — до полуночи оставалось несколько минут. Однако!

— У вас тут всегда так… насыщенно? Ну, амбулаторный прием до ночи — это в порядке вещей, или просто мне сегодня так повезло?

Фельдшер замялся:

— Э-э-э… Ну… Почти!

— Почти что?

— Почти всегда! — виновато развел руками Иваныч. —

Раньше, пока в Бедулино и Антоновке участковые больницы не позакрывали, у нас поспокойнее было. А теперь — со всех окрестных деревень народ, случись чего, к нам едет. Сюда-то ближе, чем в райцентр…

Фельдшер прервался на минутку, задумавшись, а потом еще добавил мне радости:

— Хотя, знаете, сегодня и в самом деле народу побольше, чем обычно. Слух-то прошел, что у нас доктор появился. Теперь косяком попрут!

Я поежился. Через два месяца, похоже, я вернусь в Нероград с истощенным организмом, с лицом спокойных сине-зеленых тонов и с тихим таким, шелестящим голосом… Ах да, еще и обросшим косматой бородой и шевелюрой а-ля Робинзон Крузо, поскольку стричься и бриться мне явно будет некогда. Ну и, разумеется, тени я отбрасывать не буду, потому как — нечем.

— Скажите, Антон Иваныч, а как же вы? Вы сами, Клавдия Петровна, Мария Глебовна? Вас же тут трое всего, медработников, верно? И все до сих пор в больнице! Когда же вы отдыхаете, спите, в отпуск уходите?!

Фельдшер пожал плечами:

— Да как-то… Попривыкли уж. Дежурим на дому, если что — ночью вызывают. В отпуск, правда, давно не ходили. Лет пять.

— Но это же… это же… — в волнении я даже не мог подобрать слов. — Так же нельзя, это крепостное право какое-то получается! Вы же просто привязаны к больнице, как, простите, пес цепью к своей будке!

Антон Иваныч немного удивленно посмотрел на меня:

— А что делать, Пал Палыч? Вы же сами сказали — нас тут трое всего, медработников. А люди ж болеют, травмируются, травятся, тонут, угорают, обмораживаются… да мало ли что! Тут, на селе, знаете, какие случаи тяжелые бывают? В городе такое и не снилось!

Я машинально кивнул. Знаю. Уже знаю.

— И все — к нам! — продолжал фельдшер. — И ведь никому не откажешь. Даже не потому, что долг медика и тэ дэ и тэ пэ. Мы живем тут, в Кобельках. И всех знаем как облупленных: с кем-то детей крестили, с кем-то на охоту ходили или там на рыбалку, кто-то мне крышу перекрывал, с кем-то в школе в подсобке целовались… — он улыбнулся. — Соседи мы тут все. А половина села — родственники второй половине. И как тут кому-то откажешь? Да после этого можно смело отсюда уезжать, потому что больше жизни в Кобельках тебе не будет…

Дверь в перевязочную распахнулась:

— Пал Палыч, больную привезли! — Клавдия Петровна

выглядела встревоженной.

Я взглянул на часы — полночь. Джентльмены пьют и отдыхают…

— С чем?

— Криминальный аборт. Кровотечение.

Лихорадочно вспоминая, что полагается делать в таких случаях, я помчался вслед за фельдшерицей. Позади с топотом бежал Антон Иваныч.

На улице темень стояла непроглядная.

«Надо бы как-то освещение перед приемным устроить!» — подумал я, направляясь к светлому силуэту машины, с трудом угадывающемуся в каких-нибудь трех шагах от крыльца.

Кто-то услужливо распахнул передо мной заднюю дверцу:

— Сюда, доктор, тут она! — сообщил взволнованный мужской голос.

Я наклонился и полез внутрь. В салоне моя нога угодила в лужу: в левом туфле противно захлюпало.

«Где же они грязь-то нашли, дождя вроде не было?!» — пронеслось в голове.

Впрочем, едва слышимый стон, раздавшийся из темноты в каких-то сантиметрах от моего лица, заставил меня забыть о несущественном. Я вгляделся в темноту.

Прямо передо мной светилось лицо. Именно «светилось», потому что было оно таким белым, что даже полуночная темнота оказалась не в силах погасить, спрятать в себе эту белизну.

— На что жалуетесь? — от неожиданности задал я совершенно дурацкий и неуместный вопрос.

Белое лицо хранило молчание, лишь часто дыша и слегка постанывая. На ощупь я нашел холодное тонкое запястье и сжал его пальцами. Пульс едва определялся.

Ладно, нет времени на вопросы. Все — потом.

— Помогите ее вытащить! — прокряхтел я, схватив хрупкое тело в охапку и пятясь наружу.

Тут же рядом возникла еще пара рук. Вдвоем с неизвестным мы извлекли обмякшую женщину из машины и на руках перенесли в приемное отделение.

— В смотровую, давайте в смотровую ее сразу же, Пал Палыч! И на кресло! — Мария Глебовна помчалась вперед, открывая нужную дверь.

Умостив пациентку в гинекологическом кресле, я бросил своему невольному помощнику:

— Выйдите и ждите в коридоре!

Мужчина молча кивнул и скрылся за дверью.

— Пал Палыч, да вы же в крови весь! — всплеснула руками

акушерка, указывая куда-то вниз.

Я посмотрел на ноги: весь левый ботинок и штанина почти до колена были в крови. Меня замутило. Так вот что за лужа была на полу в салоне машины! Господи, это сколько же из нее вытекло?! Литра два, не меньше! И до сих пор жива?!

— Полиглюкин, живо, ставьте струйно! В две вены! — рявкнул я ввалившимся в смотровую фельдшерам. — Головной конец кресла опустить, ноги ей задрать как можно выше!

Антон Иваныч с Клавдией Петровной захлопотали над бесчувственным телом.

— Мария Глебовна, что там? — вернулся я к акушерке, занятой осмотром.

— Льет! — коротко ответила она и посторонилась, открывая мне обзор.

Из несчастной и в самом деле лило. Темно-красный ручей неспешно вытекал из ее тела и жутковатым водопадиком низвергался на пол. Там уже образовалась приличных размеров лужа, которая расползалась все больше и больше.

— Вен нет! — почти хором заявили фельдшера. — Спались! Давление не определяется!

Естественно, вены спались, если давление — почти на нуле! Я на секунду прикрыл глаза. Господи, за что мне все это!

— Антон Иваныч, садитесь на нее верхом, вот сюда, на живот! — скомандовал я, пытаясь согнать разбегающиеся мысли обратно в мозг.

Фельдшер испуганно и с оттенком жалости выпучил на меня глаза:

— Зачем?!

— Будете пережимать брюшную аорту. Надавите кулаками вот сюда! — я показал. — Изо всех сил будете давить, ясно?

— А почему я? — засомневался Иваныч.

— Потому что вы — самый упитанный! Лезьте, живо! — сделав страшные глаза, прикрикнул я на него.

Антон Иваныч мигом оседлал пациентку и надавил в нужном месте. Темный ручей тут же стал тонкой-претонкой струйкой.

— Подействовало! Ей-богу подействовало! — радостно воскликнула Мария Глебовна.

— Толку-то?! Иваныч слезет — опять ливанет! — справедливо заметила Клавдия Петровна.

Я кивнул. Разумеется, ливанет. Но пока мы выиграли немного времени.

— Набор для подключичной катетеризации есть? — безнадежно спросил я, предполагая ответ.

И в самом деле, откуда такая роскошь? Реанимацию тут,

похоже, сроду не проводили!

— Ага! — неожиданно кивнула фельдшерица и метнулась прочь из смотровой.

Я оторопел. Ну надо же!

Через минуту Клавдия Петровна вернулась со всем необходимым. Быстренько натянув перчатки, я поставил катетер в правую подключичную вену, затем — в левую. Мысленно поблагодарил судьбу за то, что подрабатывал в свое время медбратом в реанимации. Вот он, бесценный практический опыт! Впрочем, этим, собственно, он и ограничивался… Пока.

— Полиглюкин в обе вены, струйно! Добавить окситоцин и мезатон. Преднизолона девяносто! — распорядился я.

Клавдия Петровна завозилась с капельницами. Я вернулся к Марии Глебовне. Темная струйка не иссякала.

— Не выскоблили ее до конца, — заметила акушерка.

Я вздохнул. Козе понятно, что неведомая бабка напортачила, делая аборт вязальной спицей (или чем там они делают?). Вопрос в другом: что нам-то делать? Пока из матки сифонит, как из прохудившегося ведра, все наши попытки вернуть несчастную жертву аборта к жизни — мартышкин труд. Есть, конечно, вялая надежда на то, что окситоцин заставит матку сократиться и кровотечение прекратится. Но если в полости после выскабливания что-то осталось — окситоцин не поможет. А значит…

Я помотал головой, отгоняя мысль о том, что мне придется сделать, если окситоцин не подействует:

— Значит так: ждем пять минут, оцениваем результат. Если кровить перестанет — отлично, после стабилизации давления повезем в район.

— А если нет? — поинтересовался багровый от натуги Антон Иваныч.

— А если нет — буду выскабливать сам. По жизненным показаниям. Мария Глебовна, стерильный набор для аборта есть?

Акушерка кивнула:

— А как же! В спирту храню, как знала.

— Отлично. Но лучше бы он не пригодился, — тихо пробормотал я.

Аборт мне доводилось делать лишь один раз. Даже не делать, а так: дали подержаться за рукоятку кюретки разок, во время практики в гинекологии после четвертого курса. Теоретически, конечно, знаю, как это делается. Да и видел со стороны процесс. Но чтобы самому…

— Пал Палыч, я никогда сама не выскабливала! — прошептала мне на ухо акушерка. — Роды принимала, много.

Даже осложненные. Но аборты — ни разу! Боюсь я их…

Я шмыгнул носом. Спокойно, Маша, я Дубровский… Сам боюсь.

— Время! Антон Иваныч, сейчас на счет «три» убираете руки. Но будьте готовы тут же вернуть их на место. Все ясно?

Иваныч молча кивнул.

— Раз! Два! Три!

Фельдшер убрал руки и разогнулся. Я уставился на красную струйку. Только не расширяйся, пожалуйста, только не расширяйся!

Не расширилась. Просто хлынуло: кажется, даже сильнее, чем прежде!

— Давите! Давите, Антон Иваныч! — заорали хором мы с акушеркой.

Фельдшер чертыхнулся и вновь навалился на живот несчастной. Кровяная река иссякла.

— Несите набор, Мария Глебовна! — обреченно распорядился я, чувствуя, как по моей спине строем прохаживаются ледяные муравьи.

Акушерка разложила на стерильном столике инструменты.

— Готово, доктор!

Я мысленно перекрестился и взялся за зеркала:

— Мария Глебовна, подержите вот так!

Она торопливо кивнула и перехватила рукоятки.

Так, смотрим, что тут у нас. Расширители не понадобятся, подпольная бабка-абортмахер поработала на славу: все просто зияло. Пытаясь подавить дрожь в руках, я взялся за кюретку.

— Зеркала шире! — прикрикнул я на акушерку. И ввел инструмент в кровоточащую полость.

Скребок, еще один. Внутри явно что-то было: кюретка постоянно «спотыкалась» о какие-то препятствия. Легко, впрочем, их преодолевая.

«Только бы стенку не проткнуть!» — приговаривал я мысленно, методично, сантиметр за сантиметром, выскабливая полость матки.

Пот градом катился со лба и заливал глаза. Завидев это, ко мне подбежала Клавдия Петровна и принялась заботливо промокать меня салфеткой.

— Спасибо! — благодарно кивнул я ей и продолжил свое занятие.

Сколько прошло времени, не знаю. Наконец, пройдясь еще раз инструментом по стенкам полости и не встретив сопротивления, я осторожно извлек кюретку наружу.

— Все? — шепотом спросила Мария Глебовна.

— Кажется, — так же, шепотом, ответил я.

Сверху раздался натужный голос Иваныча:

— Ну что, мне отпускать? Не могу больше, руки затекли. И спина.

— Отпускайте. Но сильно не расслабляйтесь: если что, придется опять давить! — я отошел на шаг.

Что делать, если и сейчас кровотечение не остановится, я не знал. Вернее, знал, но прекрасно понимал, что в условиях кобельковской больницы это недостижимо.

Антон Иваныч вновь отнял руки от живота болящей и разогнулся. Три пары глаз уставились в… хм, в общем, куда надо уставились.

Наружу вялым толчком выплеснулась кровь вперемешку с какими-то сгустками. Акушерка с фельдшерицей хором охнули. Иваныч напрягся.

— Спокойно! — удержал его я. — Нужно какое-то время, чтобы матка сократилась.

Сколько потребуется времени, я не представлял. Про себя решил, что подожду минуты три, не больше. Правда, если кровотечение будет продолжаться и после назначенного времени, мне придется либо удалять матку, либо… Впрочем, другого «либо» не существовало. До райцентра мы пациентку не довезем, это очевидно. А все, что можно было сделать тут, в Кобельках, мы уже испробовали.

— Может, на себя бригаду из ЦРБ вызвать? — шепотом предложила Клавдия Петровна.

— Не успеют. Добираться будут час, не меньше! — возразила акушерка.

Я молча кивнул. Часа у нас не было. Даже, наверное, не было и четверти часа. Эх, была не была!

— Идем на резекцию матки. Готовьте инструмент и операционное поле.

Женщины опять слаженно охнули и поглядели на меня как на камикадзе.

— Инструмента стерильного нет! — виновато развела руками Клавдия Петровна. — Кто ж знал-то?

— Обжечь в спирту, живо! Антон Иваныч, слезайте: нужно обработать живот и лобок. Займитесь этим!

Иваныч с облегчением спрыгнул с несчастной и захлопотал над ней.

Я отрешенно стоял в сторонке, наблюдая за подготовительной суетой. И было мне ох как хре… невесело.

Теоретически я помнил, как удалять матку. Практически — присутствовал пару раз на подобных операциях. Один раз даже

удостоился чести подержать крючки. Я тогда вцепился в них и любовался отточенными, уверенными движениями рук хирурга.

Украдкой я взглянул на свои руки и огорчился еще больше. Конечности мои заметно подрагивали от избытка адреналина в организме. Воровато оглянувшись по сторонам, я спрятал руки за спину. Чего позориться-то?

— Все готово, Пал Палыч! — синхронно доложили фельдшера.

Рядом с истекающей кровью пациенткой уже стоял столик, накрытый стерильной простыней, на которой красовались свежеобожженные хирургические инструменты. Живот несчастной женщины после антисептической обработки приобрел лимонно-желтый оттенок и был обложен стерильными салфетками.

— Все по-взрослому! — пробормотал я.

— Что-что? — переспросила Клавдия Петровна.

— Отлично, говорю! — как мог, бодро заявил я. — Приступаем! Мы с Антоном Иванычем и Клавдией Петровной моемся на операцию…

— И мы?! — недоуменно воскликнули упомянутые коллеги.

— И вы. Антон Иваныч будет мне ассистировать, а вы, Клавдия Петровна, будете операционной сестрой. Подавать инструменты.

— А я? — возмутилась акушерка.

— А вы, Мария Глебовна, побудете анестезиологом. Поскольку наша пациентка в наркозе не нуждается, да и нечем его давать, будете следить за пульсом, давлением и обеспечивать медикаментозную терапию по моим назначениям. Всем задачи ясны?

— Ясны! — дружно гаркнула импровизированная операционная бригада.

— Отлично! Моемся!

— Пал Палыч!!! — заверещала вдруг акушерка так, что я невольно подпрыгнул.

— Ты чего орешь, Машка?! — угрожающе зашипела на нее Клавдия Петровна.

— Пал Палыч, кровотечение остановилось! — на полтона ниже заявила Мария Глебовна и торжествующе обвела взглядом всех присутствующих.

Мы бросились к источнику кровотечения. Багровая река и в самом деле иссякла. Полностью.

О недавней катастрофе напоминала лишь широкая полоса запекшейся крови на коже.

— Слава Богу! — выдохнула Клавдия Петровна и широко

перекрестилась.

Коллеги уставились на меня с таким благоговением, что мне стало неловко.

— Ну что же… Вот и славно. Сейчас давление поднимем, стабилизируем, в сознание приведем — и аккуратненько свезем в район, — смущенно пробормотал я, в душе откровенно ликуя. — Антон Иваныч, что там с давлением?

— Сто на шестьдесят, пульс сто десять! — отрапортовал фельдшер через минуту.

— Отлично. Холод на живот. Пусть пока тут на кресле полежит, в палату не отвозите. Мало ли что… — распорядился я, стянул перчатки и направился к выходу из смотровой.

Такого огромного облегчения, граничащего с восторгом, я не испытывал никогда прежде. Хотя где-то в глубине души притаился коварный червячок сожаления: когда бы мне еще довелось самому делать резекцию матки, да еще и по жизненным показаниям?

«Радуйся, что все обошлось, Пирогов хренов!» — оборвал я свои хирургические амбиции и взялся за ручку двери…

— Доктор, она не дышит! И пульса нет! — раздался позади вопль Иваныча.

Чертыхнувшись, я одним прыжком пересек комнату и склонился над головой пациентки.

— Остановка сердца и дыхания! — еще раз уточнил Иваныч.

Я поднял пальцами бледные веки: зрачки медленно расширялись.

— Клиническая смерть! Антон Иваныч — на массаж сердца! Знаете, как?

Фельдшер кивнул, от души врезал кулаком по грудине и принялся «качать».

— Четыре нажатия — пауза для вдоха, ясно? Считайте вслух!

— Раз, два, три, четыре… Вдох! — скомандовал Иваныч.

Я запрокинул голову несчастной, зажал ей нос и выдохнул весь воздух из своих легких в ее.

— Дальше!

— Раз, два, три, четыре! Вдох!

Все повторилось.

— Клавдия Петровна, нужны гармошка, маска, интубационный набор! Быстро! И еще — дефибриллятор, — в перерывах между вдохами выпалил я.

— Есть только гармошка с маской! — протягивая мне их, фельдшерица выглядела виноватой.

Ладно, на безрыбьи — и рак рыба. Приладив маску к лицу умирающей, я разогнулся:

— В вену — лидокаин, адреналин, преднизолон. Обе капельницы открыть до максимума, чтобы водопадом лилось!

В смотровой опять воцарилась суета. Мы с Иванычем «качали», женщины хлопотали с капельницами и шприцами. Вот только на пациентку нашу все эти телодвижения никакого влияния не оказывали. Эх, дефибриллятор бы!

— Клавдия Петровна! — окликнул я фельдшерицу. — Срочно найдите мне длинный электрический провод с вилкой. Оторвите от чего-нибудь! И две ложки. Только не алюминиевые, стальные!

Она с недоумением уставилась на меня.

— Быстро! — подогнал я ее. — И еще — четыре пары перчаток.

Фельдшерица кивнула и испарилась.

— Дефибриллятор делать будете? — раскусил мой замысел изрядно вспотевший Иваныч. — Я где-то читал о таком.

— Вот и я где-то читал. Причем не уверен, что не в фантастической литературе! — подтвердил я и скомандовал. — Меняемся!

Поменялись. Теперь я «качал», а Иваныч — дышал. Остановился на миг, ткнулся пальцами в сонную артерию: нет пульса!

— Вот, все принесла! — запыхавшаяся Клавдия Петровна свалила трофеи на столик.

— Отлично! Теперь очистите от изоляции оба конца провода и прикрутите к каждому из них по ложке!

Фельдшерица справилась с заданием весьма проворно:

— Готово!

— Мария Глебовна, подмените меня пока! — попросил я акушерку.

Та с готовностью принялась массировать сердце.

А я стал натягивать перчатки: одну пару, другую, третью… Натянув все четыре, взялся за ложки, разведя их подальше в стороны:

— Клавдия Петровна, воткните вилку в розетку!

— Да вы что, Пал Палыч?! Вас же током шарахнет!

— Не шарахнет, я заизолировался. Втыкайте же, время уходит!

Фельдшерица взвизгнула, воткнула вилку и зажмурилась.

Зажмурился и я. Но через мгновение приоткрыв глаза и обнаружив себя живым, приободрился:

— На счет три убираем от больной руки! Раз! Два! Три!

Коллеги торопливо отпрыгнули от тела. Не теряя времени, я ткнул ложками в грудь несчастной. Затрещало, заискрило и противно запахло паленым мясом. Верхний свет замигал.

Я убрал ложки:

— Пульс?

Иваныч ткнул пальцами в шею пациентки:

— Нет ничего!

— Качайте дальше!

Фельдшер с акушеркой продолжили реанимацию. Выждав пару минут, я опять скомандовал:

— Отошли все! Разряд!

Под ложками вновь затрещало. Тело слегка дернулось.

— Пульс?

— Отсутствует.

— Продолжаем.

Тридцатая минута реанимации. Все, что могли, мы уже испробовали. Но — увы… Даже импровизированный дефибриллятор не помог. Я приподнял бледные веки: зрачки, разумеется, были просто огромными и на свет не реагировали. Роговичных рефлексов тоже не наблюдалось.

— Прекращаем реанимацию. Антон Иваныч, зафиксируйте время биологической смерти, — я стащил перчатки и рухнул на стул.

В полной тишине мои коллеги принялись наводить порядок в смотровой. С головой накрыли тело простыней, собрали разбросанные повсюду шприцы и салфетки. Иваныч уселся заполнять историю болезни. А я… я просто сидел и безучастно наблюдал за этой никому уже ненужной суетой. Вот и первый крест вкопан на моем персональном врачебном кладбище.

Так прошло минут десять. Наконец я начал приходить в себя:

— Клавдия Петровна, как вы тут поступаете с… трупами? — последнее слово выдавилось с огромным трудом.

— Обычно в ЦРБ увозим, в морг. Там вскрытие, ну и все, что положено…

Я встал, подошел к телу и откинул простынь с лица. Оно было бледным и спокойным.

— Что ж ты наделала, глупая? — тихо спросил я.

Синеватые, полупрозрачные веки дернулись и открылись. Я отшатнулся назад, налетев на акушерку.

— Что с вами, Пал Палыч? — удивилась она.

Вместо ответа я молча указал на покойницу. Та слегка приподняла голову и с видимым любопытством оглядывалась по сторонам.

— Мама! — басом прошептала Мария Глебовна и осела на пол.

Придерживая бесчувственную акушерку одной рукой, другой

я нащупал артерию у ожившего трупа. Пульс был! Он бился ровно и уверенно.

— Э-э-э… — начал было я, но меня перебил незнакомый мелодичный голос за спиной.

— Здравствуйте! Меня зовут Аля. Пожалуйста, объясните мне, где я?!

Я обернулся. В дверях стояла ОНА — та самая «спящая красавица», которую привезли рыбаки несколько часов назад. Кутаясь в больничное одеяло, она смущенно улыбнулась и повторила:

— Давайте знакомиться: я — Аля. А вы кто?

Глава 4

7 сентября 1987 года, 20.40,
озеро близ Кобельков

— Ленька, ну хватит уже, маньяк чертов! — Анюта спихнула с себя мужа и, смеясь, выбралась из палатки.

Леонид, рыча и делая страшные глаза, успел поймать ее за ногу:

— Я буду познавать тебя, женщина, все глубже и глубже! Раз пять!

— Милый, я тоже хочу того… познаваться, — она наклонилась и чмокнула мужа в щеку. — Но Марья сказала, что сейчас нам слишком часто нельзя!

— А кто у нас Марья? И что значит «слишком часто»? — вкрадчивым голосом вопрошал Ленька, перебирая руками по ноге жены и медленно поднимаясь.

— Акушерка наша, Мария Глебовна, забыл? У меня матка в тонусе!

— Так это же хорошо, если в тонусе? — уточнил муж, выпрямляясь и обнимая Анюту.

— Наоборот, плохо! Может случиться… выкидыш, — споткнувшись на мерзком слове, тихо объяснила она.

— Ну уж нет, такого мы не допустим! — заявил Леонид. — Придется мне поумерить пыл и собрать волю в кулак!

Анюта опустила глаза, посмотрела, как муж «собирает волю в кулак» и прыснула:

— Так вот она какая, воля! Больно, наверное?

— Угу! — подтвердил он, морщась.

— Бедненький! — погладила мужа по макушке Анюта. — Ну давай потерпим пока, а? У меня и в самом деле низ живота тянет немного.

Леонид встревожился:

— Так что же ты молчала? Мы бы не…

— Хотелось очень! — улыбнулась ему жена. — Да ты не переживай: я сейчас но-шпы тяпну, полежу с полчасика, все и пройдет. А ты пока ужин приготовишь. Кто-то, кстати, уху обещал! Не знаешь, кто?

— Мужик сказал — мужик сделал! — гордо заявил Леонид и принялся мягко заталкивать Анюту обратно в палатку. — Нютка, ты давай ложись и отдыхай. А я пока сплаваю к острову, раколовки проверю. Хочешь раков?

— Хочу, конечно! Только… — Анюта запнулась.

Внезапная, необъяснимая тревога накрыла с головой. До дрожи в поджилках и «гусиной кожи».

— «Только» — что? — переспросил муж, заботливо упаковывая ее в спальный мешок.

— Ты… Ты побыстрее, ладно? — попросила Анюта, пытаясь побороть дрожь в голосе. Получилось довольно-таки жалко.

— Ты чего, Нют? — Леонид приподнял за подбородок ее голову. — Тебе совсем плохо, да?

— Нет, нет, у меня уже все прошло! Почти прошло! — замотала она головой. — Просто… Не оставляй меня одну надолго, ладно? Как-то тоскливо мне…

— Так я вообще не поплыву никуда!

— А как же раки? — кисло улыбнулась женщина.

— Да леший с ними! Рыба есть, ухи наварю. Как обещал! — заявил Ленька.

— Ладно уж, плыви давай. Правда, так раков захотелось! — Анюта мечтательно закатила глаза.

Тревога схлынула — также внезапно, как и появилась.

— Уверена, что у тебя все в порядке? — подозрительно поинтересовался муж.

— Уверена, уверена! Плыви, за меня не волнуйся. Раньше отплывешь — раньше вернешься: соскучиться не успею.

— Да тут плыть-то… За полчаса управлюсь. А ты подремли пока, — Ленька чмокнул жену в нос и выбрался из палатки. Через минуту снаружи послышался его голос. — Нютка, я дров в костер подкинул, так что — не вставай!

— Ладно, не буду! Спасибо! — крикнула она в ответ.

И услышала, как зашлепали по воде весла.

Тревожная тоска навалилась, будто только этого и ждала. Анюта свернулась клубочком, пытаясь избавиться от бьющего ее озноба. Тщетно: согреться не удавалось.

— Да что же это со мной такое?! — пробормотала она, слушая неприятный стук собственных зубов.

Тревога стремительно нарастала: теперь это была уже настоящая паника. Женщина с трудом сдерживалась, чтобы не выкарабкаться из спальника и не помчаться сломя голову куда угодно: в лес, в степь, в воду… И — бежать, бежать, или плыть, не останавливаясь, прочь от этого жуткого места.

Почему это чудесное местечко, которое они с мужем облюбовали и освоили давным-давно, стало вдруг жутким, Анюта объяснить не могла. Но ее подсознание, казалось, кричало во весь свой неслышный голос: «Беги, беги отсюда!» И требовательно, часто молотило кулачками в грудь… Впрочем, это уже не подсознание, это сердце.

Повинуясь этой команде, женщина торопливо выскользнула из спального мешка и, трясясь всем телом, выбралась наружу.

Смеркалось. На озеро опустился туман, в котором едва различимы были очертания удаляющейся лодки.

Снаружи страх набросился на нее, будто стая оголодавших комаров. И точно так же укутал все тело липким шевелящимся пологом.

— Леня! — Анюта попыталась крикнуть, но получился лишь какой-то несуразный хрип.

Она сделала несколько шагов и присела у костра. Протянула к пламени дрожащие руки. Теплее не стало. Зато рядом с огнем окружающие сумерки разом сгустились до почти полной темноты. Отчего стало еще страшнее.

Анюта опасливо покосилась в сторону леса. Тот стоял сплошной темно-синей стеной. И из-за этой стены кто-то пристально и недобро смотрел на сжавшуюся у костра испуганную женщину.

— Кто здесь? — прохрипела она, почувствовав на себе этот чужой взгляд.

Тишина. Даже эхо, такое веселое днем, теперь увязло в тумане и сумерках. Анюта до рези в глазах всматривалась в лес, но ничего, кроме сгущающегося мрака, не видела.

Устав наконец вглядываться в темноту, женщина опустила глаза. И замерла. На какое-то время даже ее необъяснимый страх исчез… вытесненный другим, вполне даже реальным.

Совсем рядом с костром лежала канистра. Пламя лениво облизывало ее, когда могло дотянуться. А удавалось огню это все чаще и чаще, потому что поднялся ветер. И канистра лежала аккурат с подветренной стороны.

В канистре был бензин. Ленька специально заправил не только бак их «Лады», но и эту железную посудину: для растопки и для небольшого электрогенератора, который заводился вечером и обеспечивал им необходимый минимум комфорта.

И вот теперь почти полная канистра бензина валялась рядом с Анютой практически в пламени костра!

Женщина поспешно выхватила из огня прилично уже нагревшуюся емкость и оттащила к входу в палатку. Подальше от жадных языков пламени.

За этим нехитрым занятием Анюта и не заметила, как вернулся ее ужас. Как только женщина разогнулась, поставив канистру у нейлоновой стенки (или из какой там другой синтетики шьют палатки?), страх хищно вспрыгнул на ее плечи. Пригибая, прижимая ледяными своими лапами к земле.

Невольно застонав, Анюта вползла в палатку и закрыла на

«молнию» вход. Будто можно было этим отгородиться от преследующего ее ужаса.

Господи, как холодно-то! Трясясь всем телом и выбивая зубами частую дробь, женщина забралась в спальный мешок. Подумала немного — и застегнула над головой замок.

Уютно устроившись в теплой, душной темноте импровизированного кокона, Анюта попыталась унять противную, изрядно уже ей надоевшую дрожь. И вроде бы сейчас это почти удалось. Слегка успокоившись, женщина задремала.

Леонид выдернул со дна очередную раколовку и удовлетворенно хмыкнул: в сетке вяло шевелились, грозно топорща усы и поигрывая внушительными клешнями, с десяток весьма упитанных раков. Еще один-два таких улова — и глядишь, целое ведро наберется! А непроверенными остались еще шесть ловушек.

Молодой человек торжествующе поднял трофей над головой и обернулся в сторону берега. Разумеется, Анюта не могла его увидеть: стемнело уже, да и туман плотно накрыл озеро. Даже берега не видно, хотя до него по прямой всего-то каких-нибудь метров триста. Если бы не желтое пляшущее пятно костра, ни за что бы не разобрал, в какую сторону плыть к их палатке.

Ленька швырнул сетку с невезучими раками на дно лодки и взялся за весла. Пора поскорее проверить остальные раколовки, да и возвращаться. Там Нютка ждет… теплая, сонная и мягкая.

Он улыбнулся, вспомнив все, что происходило в их палатке всего-то час назад. И, охваченный острым желанием, быстрее заработал веслами. Лодка вздыбила нос и со скоростью торпедного катера понеслась вдоль острова.

Леонид покосился на берег. Пламя костра по-прежнему мерцало в тумане, служа своеобразным маяком. А рядом с ним…

Ленька бросил весла и резко привстал в лодке, отчего та чуть не опрокинулась. Рядом с далеким пляшущим оранжевым пятном появилось еще одно. Пока маленькое, робкое, но с каждой секундой расползающееся по темноте все шире и шире. Аккурат в том месте, где была палатка… в которой спала Анюта!

— Нютка! — не помня себя от навалившегося ужаса, закричал Леонид. — Нютка, беги из палатки!

Тишина в ответ. Даже эхо куда-то пропало. А жуткое пятно света на берегу, будто подстегнутое криком, выплеснулось высоко вверх и победно заплясало на усилившемся ветру.

Ленька вновь схватился за весла и со всех сил погреб к берегу. Лодка неслась, будто подталкиваемая мощным мотором, но все-таки недостаточно быстро. Молодой человек греб,

бормотал что-то себе под нос, всхлипывал и кричал, кричал… Понимая уже, что в том пламени на берегу не осталось никого, кто мог бы ему ответить.

Словно в подтверждение этой страшной догадки, огонь внезапно взметнулся высоко вверх клубящимся багрово-черным столбом, напоминая миниатюрный ядерный «гриб». И тут же донесся хлопок взрыва.

«Канистра!» — догадался Ленька, не в силах оторвать остановившийся взгляд от буйствующего на берегу пожара.

Там горело все: огромное пламя теперь выхватило из мрака даже далекий лес. Вся узкая прибрежная полоска земли, на которой совсем недавно стояла их палатка, теперь была охвачена огнем. И, кроме огня, ничего там не было. И никого.

Ленька бросил весла и дико, по-волчьи завыл.

7 сентября, 18.15,
поселок Ноябрьский, ЦРБ

Участковый присел на ступеньки больничного морга рядом со старым патологоанатомом. Неторопливо достал сигарету, закурил. Помолчали оба, наблюдая, как тонкая струйка дыма от лейтенантовой сигареты сливается с основательными густыми клубами из трубки доктора.

— Что думаете, Абрам Меерович? Причину смерти установили?

Старик вынул трубку изо рта, прокашлялся и констатировал:

— Утопление. Банальнейшее утопление, милейший Семен Михалыч.

— Но…

— Знаю, знаю, голубчик, вы, верно, хотите меня спросить, каким образом молодая, абсолютно здоровая женщина умудрилась утонуть в нескольких метрах от берега, где глубина едва доходит до колена? Так я вам отвечу, как на духу: не имею ни малейшего понятия! — патологоанатом раздраженно пыхнул трубкой.

— И опять…

— И опять беременная, вы совершенно правы! — вновь перебил лейтенанта Абрам Меерович. — Третий случай за последние два месяца! Признаться, я начинаю находить это несколько необычным. А вы?

— Четвертый.

— Что, простите?

— Четвертый случай. Одну погибшую родственники забрали без вскрытия, — тихо уточнил участковый.

— Ах вот даже как? Ну тем более: за два месяца в окрестностях ваших Кобельков по разным причинам погибли четыре беременные женщины. Четыре, Семен Михалыч! Причем, заметьте, не по причинам, связанным с внутренними болезнями. Все эти дамы погибли в результате несчастных случаев! Утопление, падение с высоты, отравление (случайное, разумеется!) и тому подобное. Ах да, чуть не забыл: одна из этих несчастных просто задохнулась во сне! Будто младенец! — старый врач наклонил голову и заглянул в глаза лейтенанта. — Меня все это, мягко говоря, удивляет. А нашу доблестную милицию, как я понимаю, нет?

Участковый покачал головой и глубоко затянулся:

— Удивляет, Абрам Меерович! Весьма удивляет. Но по каждому случаю силами районного УВД проводилось тщательное расследование…

— И?

— И — ничего. Это и в самом деле были несчастные случаи. Никаких следов преступления и преступника. Никаких улик. Никаких зацепок. Да и в самом деле, если предположить, что всех этих женщин убили, то — кто? И, что главнее, — зачем? Их ведь ничего не связывало. Каков мотив?

— Как это — «не связывало»?! А то, что все они были в положении — чем не связь? А то, что все они погибли в радиусе двадцати-тридцати верст от Кобельков? Это что, геопатогенная зона такая? Гиблое место, как говаривали прежде? А мотив — это, знаете ли, задача следствия — мотив определить! Даже я сейчас, не сходя с этого места, предложу вам пяток гипотез по поводу мотива! Но я-то не сыщик. Не мое это дело — следственные версии выстраивать.

Лейтенант вздохнул:

— Так предложите, Абрам Меерович! Чем черт не шутит, вдруг и в самом деле мы чего-то не замечаем. Иногда полезен взгляд со стороны, сами знаете.

— Знаю. Вот вам первый мотив: имеется некая психопатичная дамочка с неудавшейся личной жизнью, бездетная и, возможно, бесплодная. Она не может спокойно переносить существование более удачливых в семейном вопросе женщин. И целенаправленно истребляет беременных. Мотив — зависть и месть. Она мстит им за счастье, которого лишена сама. Принимается?

— Принимается, — кивнул головой Михалыч. — Я и сам подумывал о чем-то подобном.

— Хорошо. Вот еще мотив: женщина, которая не доносила по каким-то причинам ребенка. Как говорит нынешняя молодежь, на

этой почве у нее поехала крыша. И наша гипотетическая дамочка теперь пытается не дать доносить беременность другим женщинам. Тонко инсценируя несчастные случаи. Возможно такое?

Участковый молча кивнул.

— А как вам такая версия: есть некая секта, которая решила, что в районе ваших Кобельков в скором будущем должен родиться Антихрист. И вот фанатики начинают рьяно истреблять всех беременных в округе, устраивая своеобразную профилактику. Что-то вроде метода царя Ирода.

Старик выбил потухшую трубку о перила крыльца и принялся сосредоточенно прочищать ее замысловатым инструментом.

— Видите ли, Абрам Меерович, мы с вами можем до полного обалдения сидеть тут и придумывать мотивы убийств. Но… есть одно, огромное «но»! Ни в одном из случаев не был доказан сам факт убийства. Поверьте, мы искали весьма и весьма тщательно! Преступник всегда оставляет следы, это аксиома. Мы могли бы не найти их в первом случае, во втором, в третьем, наконец! Но не найти ничего, что могло бы позволить предположить убийство в *четырех* случаях, — это, знаете ли, из области сказок. Не было убийств! А значит — и мотив искать незачем. Думаю, мы имеем дело с каким-то чудовищным, невероятным стечением обстоятельств…

Патологоанатом с прищуром взглянул на милиционера:

— Скажите мне, Семен Михалыч, как на духу: вы сами-то в подобные совпадения верите?

Лейтенант надолго замолчал. Неторопливо вытащил из кармана пачку, зацепил губами сигарету, прикурил. И только тогда, когда столбик пепла дорос почти до фильтра, ответил:

— Не верю, Абрам Меерович. В том-то и дело, что — не верю! Как говорится, печенкой чую, что нечисто здесь, а зацепок найти не могу. И следователи из района — тоже не могут.

— Ищите, товарищ лейтенант, — патологоанатом усмехнулся и встал, покряхтывая. — Наплюйте на факты и верьте вашей печенке. Это не несчастные случаи, это — убийства. И чем дольше вы будете отгонять от себя эту простую мысль, тем больше жертв получите. Ищите, Семен Михалыч. Этого мерзавца надо остановить.

— Или мерзавку! — уточнил участковый и тоже поднялся.

— Или мерзавку, — согласился старик.

14 августа 1987 года, 13.36,
окрестности Бедулино

Велосипед наконец одолел крутой подъем и теперь весело катился по узенькой тропинке, протоптанной по гребню длинного холма. Слева внизу, прямо под откосом, блестели рельсы железной дороги. Поезда здесь ходили редко, поэтому Женя без особых опасений накручивала педали, торопясь попасть домой к обеду. Муж и так бурчал недовольно весь вчерашний вечер, когда она заявила ему, что поедет к акушерке в Кобельки на велосипеде.

— Женька, ну куда тебе на восьмом-то месяце на велике гонять?! Давай я тебя на машине отвезу: тридцать минут туда, тридцать обратно. За час-полтора управимся. А на велосипеде своем — полдня потеряешь. Да и растрясешь живот, не дай бог, родишь раньше срока где-нибудь в поле. Как крепостная крестьянка.

— Типун тебе на язык! — она шутливо шлепнула мужа по губам. — Не рожу я в поле, не бойся. А велосипедные прогулки для беременных очень даже полезны, я статью читала в «Здоровье». Хочешь, покажу?

— Нужна мне твоя статья! Не понимаю, зачем так рисковать, если можно спокойно съездить на машине? — муж не унимался.

— Объясняю: погода замечательная, птички поют, воздух свежий… Едешь себе спокойненько, крутишь педали и наслаждаешься окружающим великолепием. А в твоей машине трясет и бензином воняет! Меня от этого тошнит.

В общем, настояла на своем. И не пожалела. С утра пораньше выехала, к десяти уже была в Кобельках. Мария осмотрела, сказала, что все хорошо, дала какие-то витамины. Женя посплетничала с ней немного да и подалась в обратный путь.

Тропинка прижалась почти вплотную к крутому откосу. Женя чертыхнулась: вправо принять тоже не было никакой возможности — к тропе подступили густые заросли кустов. Пришлось значительно сбавить скорость, чтобы не скатиться случайно на железнодорожное полотно.

Ветви больно захлестали по ногам.

«Угораздило же меня! — подумала Женя, старательно направляя переднее колесо по воображаемой осевой линии тропинки. — Надо было по проселку ехать, потеряла бы лишние полчаса, зато — никаких тебе проблем! А тут мало того, что приеду вся исцарапанная, так еще и вниз того и гляди свалюсь…»

Она покосилась влево. Метров десять до полотна, не меньше! Если, не дай бог, колесо туда вильнет — мало не покажется.

Женщина отвернулась от обрыва, отгоняя ненужные мысли. И сконцентрировалась на дороге, не позволяя велосипеду ни на сантиметр отклониться в сторону.

Сзади послышался невнятный пока, но нарастающий шум. Занятая удержанием равновесия, Женя не сразу обратила на него внимание. А когда поняла, что это, почувствовала, как холодеет спина. Это на жаре-то!

Поезд. Ее нагонял поезд! Не рискуя оглянуться, женщина по звуку пыталась определить, когда состав поравняется с ней. И зачем-то, по велению непонятного инстинкта, крутила педали все быстрее и быстрее, словно пытаясь убежать от приближающегося многотонного монстра.

Разумеется, тщетно. Боковым зрением Женя увидела, как совсем близко под ее левой ногой показалась крыша электровоза. И тут же умчалась вперед, втащив за собой в поле зрения огромные черные цистерны, увенчанные горловинами в каких-то маслянистых потеках.

Товарняк резво пробегал под Женей, обдавая ее теплым ветром, смешанным с бензиновой вонью. Женщину замутило: этот запах она во время беременности перестала выносить совершенно!

Борясь с подступающими рвотными позывами, Женя изо всех сил пыталась удержать велосипед на тропинке. Сквозь навернувшиеся слезы она с трудом могла разглядеть, что творится впереди. И молила Бога, чтобы проклятый товарняк поскорее прошел мимо.

А он все не проходил. Внизу с ритмичным грохотом проносились грязные цистерны, и конца им не было.

Вдруг сквозь влажную пелену Женя увидела, как кусты справа зашевелились, вспухли темным комом и растопыренными ветвями в мгновение столкнули ее вместе с велосипедом с тропинки. Вниз, к поезду!

Колеса весело запрыгали по крутому откосу. Сама не понимая, что делает, Женя пыталась рулем удержать взбесившийся велосипед в вертикальном положении. И ей это удалось.

Набрав бешеную скорость, двухколесная машина подскочила на кочке и, будто с трамплина, влетела точно в узкое пространство между двумя несущимися цистернами.

«Испачкаюсь вся!» — успела подумать Женя, заметив стремительно надвигающуюся на нее стальную стену в черных масляных потеках.

Товарняк легко перемолол колесами неожиданное препятствие и умчался. Вновь наступившую тишину нарушало лишь ленивое пение утомленных жарой птиц.

8 сентября 1987 года, 03.15,

Кобельки, участковая больница

— Итак, подведем итоги. Вы не знаете, как попали на тот остров, не знаете, почему оказались там без одежды, не можете вспомнить, кто вы и откуда, не помните вообще ничего до того момента, как проснулись в палате моей больницы. Так? — стараясь говорить строго, я не мог оторвать глаз от загадочной пациентки.

А она сидела напротив за обшарпанным письменным столом в моем кабинете, отпивала маленькими глотками горячий чай из огромной больничной кружки и тихо улыбалась чему-то. Казенный фланелевый халатик мышиного цвета смотрелся на ней как вечернее платье.

— Так, — Аля вскинула на меня глаза и виновато пожала плечами.

Ее улыбка, до сих пор едва намеченная на пухлых по-детски губках, теперь заиграла в полную силу.

Немногие оставшиеся мысли мигом покинули мой мозг. Забыв обо всем, я любовался этим лучистым чудом и не понимал, как это раньше я мог обходиться без ее улыбки. Видимо, вид при этом у меня был совершенно идиотский.

— Я и в самом деле не могу вспомнить ничего из своей жизни, доктор! — с легкой жалобой в голосе сказала девушка, не переставая улыбаться.

— Павел!

— Простите?

— Меня зовут Павел. Поскольку вы, по моему разумению, абсолютно здоровы и лечить я вас не собираюсь, можете не обращаться ко мне как к врачу. А что касается вашей странной амнезии — так это не по моей части, — пояснил я.

Аля помолчала немного. И очень серьезно посмотрела мне в глаза:

— Хорошо, Павел. Или Пал Палыч, как вас зовут коллеги?

— Павел. Просто Павел, — уточнил я и мысленно хмыкнул.

«Бонд. Джеймс Бонд!»

Чтобы скрыть собственное замешательство, я уткнулся в свою чашку.

— Обращение по имени у вас ко многому обязывает, верно? — девушка по-прежнему пристально рассматривала меня, слегка склонив голову набок.

Я поперхнулся чаем:

— У кого это «у нас»?! Насколько мне известно, обращение по имени не налагает каких-то дополнительных обязательств. На вас, Аля, по крайней мере — точно! — я прокашлялся и

продолжил: — Впрочем, если вам неудобно, можете обращаться ко мне по отчеству.

— Нет, нет, что вы, вполне даже удобно! — она слегка поморщилась и помассировала виски. — Вы простите, Павел, я, наверное, кажусь вам странной?

«Еще какой!» — мысленно подтвердил я, не сводя восхищенного взгляда с прекрасного лица.

— Я и сама чувствую, что говорю что-то не то… Знаете что? Не обращайте внимания на эти мои… странности! Пожалуйста, Павел, считайте это побочным эффектом потери памяти. А я постараюсь как можно быстрее прийти в норму. Договорились?

«Да как же тебе откажешь-то?!» — умилился я про себя, а вслух торжественно произнес:

— Договорились! — и зачем-то сурово сдвинул брови.

Аля рассмеялась:

— У вас очень забавный вид, когда вы пытаетесь выглядеть строже и старше, чем на самом деле!

Я открыл рот… и тоже расхохотался:

— А ведь вы меня раскусили! Неужели так заметно, что я пыжусь?

— Да как вам сказать? Мне — заметно. И мне это нравится.

— Это почему же?

— Потому что если бы вы на самом деле были таким, каким пытаетесь казаться — суровым, чопорным и серьезным, — вы были бы невероятным занудой! — смеясь, пояснила Аля и на миг коснулась пальчиками моей руки.

Никогда меня не било током, но ощущение, наверное, схожее. Упругий, живой комок обжигающего тепла от ее пальцев в мгновение ока прокатился под кожей моей руки, нырнув в грудь. И взорвался там пульсирующим горячим фонтаном, вмиг наполнив огнем самые отдаленные закоулки моего тела.

Исчезло все:

…ободранный стол в скромном кабинете затрапезной земской больнички…

…ночь, наполненная запахом крапивы и орущими сверчками…

…дружный лай деревенский псов, будто сошедших нынче с ума и не умолкающих ни на миг вот уже почти час…

…это странное место под названием «Кобельки», начавшее с аппетитом пережевывать своего нового доктора…

…даже дикая, свинцовая усталость этих бесконечных, первых моих врачебных суток..

Исчезли мысли и слова…

Осталось лишь тепло от ее пальцев на моей руке. И глаза…

Смеющиеся зеленые глазищи, заглядывающие в самую душу и освещающие ее уголки лучами ласкового, живого света.

(Охарактеризовать свое состояние тогда, в тот самый момент, когда Аля впервые невзначай коснулась меня, я не смог. Много позже, уже немного придя в себя, я решил, что испытал то, что в книгах называют простым и емким словом — «Восторг». Именно так, с большой буквы!)

Девушка давным-давно отняла руку, а я все сидел в той же позе, боясь пошевелиться и спугнуть это восхитительное чувство.

— Павел, вам нехорошо? — ее голос вывел меня из сладкого оцепенения.

— Нет, наоборот! — пробормотал я, во все глаза рассматривая свою руку. Алиных пальцев на ней уже не было. Но я по-прежнему их чувствовал!

— Наоборот? — заинтересовалась она и тряхнула копной рыжих волос. — Это как?

— Наоборот — хорошо! — признался я и рассмеялся. — Аленька, я не знаю, как вы это сделали, но у меня совершенно прошла усталость после нынешнего безумного дня! И еще… вы не поверите!

Она прищурилась:

— А вдруг поверю?

— Вряд ли. Сам не верю… я спать не хочу!

Девушка демонстративно взглянула на настенные часы и сдвинула брови.

— Вы правы. Не верю! — и, рассмеявшись, встала и подошла к окну. — Красиво тут, правда?

Я подошел и встал рядом.

— Да, днем очень красиво. Только сейчас ведь не видно ничего. Темно.

— Ах, да! Темно… — будто спохватившись, подтвердила Аля.

В заоконной темноте, в невидимых Кобельках с новой силой радостно затявкали собаки.

— Интересно, это они каждую ночь такие концерты устраивают или только сегодня? — пробормотал я.

— Собаки-то? Только сегодня, — уверенно ответила Аля.

Я в недоумении посмотрел на нее. Она-то откуда знает?

— Павел, вы же обещали не обращать внимания на некоторые мои странности, верно? — девушка резко повернулась ко мне. Глаза ее из зеленых почему-то стали карими. — Ну да, я знаю, что местные псы так шумят только сегодня! Но представления не имею, *откуда* я это знаю! Поверьте, меня саму это весьма и весьма интересует.

— Аля, не злитесь. Уверен, со временем вы все вспомните. Я

вовсе не пытаюсь выяснить у вас то, чего вы не знаете сами, — я улыбнулся и осторожно взял ее под руку. — Давайте лучше вернемся к чаю.

У нас еще есть ряд очень важных вопросов для обсуждения.

Девушка послушно вернулась за стол.

— Так какие же важные вопросы вы намерены обсудить? — ее улыбающиеся глаза вновь стали зелеными.

Чудеса, да и только! С огромным трудом я заставил себя переключиться на деловую волну:

— Аля, есть проблема. Видите ли, я не знаю, что мне с вами делать…

Она удивленно подняла брови:

— О чем вы?

— Я поясню. Поскольку физически вы совершенно здоровы, находиться вам в этой больнице нет никакого резона: мне лечить вас неотчего и незачем. Я не специалист по амнезиям и совершенно не смогу помочь вам вернуть память…

— Но…

— Пожалуйста, дослушайте меня до конца! Не уверен, что и в райцентре найдется необходимый специалист. Но как бы то ни было мне придется направить вас в район, а оттуда уж вас, вероятно, перенаправят для обследования и лечения в областной центр, — говоря все это, я с ужасом понимал, что именно так мне и следует поступить. — Кроме того, вполне вероятно, что вас уже разыскивают ваши близкие… а значит, обязательно нужно сообщить в милицию о том, что вы нашлись. Дать в газеты и на телевидение вашу фотографию, приметы… ну, не знаю точно, как там это делается, но сообщить о вас необходимо.

Я умолк, переводя дыхание.

— Меня никто не ищет, Павел, — тихо сказала Аля.

Так уверенно, что я сразу понял — и в самом деле не ищут.

— Откуда вы… — начал было я, больше по инерции.

— Просто знаю. Как про собак, — невесело улыбнулась девушка. — Более того, меня некому искать. Это я тоже знаю.

— Вы… сирота? — оторопело уточнил я.

Она пожала плечами:

— А вот это мне неизвестно. Пока.

Я молчал, не зная, что и сказать.

— Павел, я не хочу никуда уезжать отсюда. Я… я не готова. Пожалуйста, позвольте мне пожить здесь! — в ее просьбе явственно слышались нотки отчаяния.

— «Здесь» — это в Кобельках? — уточнил я.

Аля помотала головой.

— Здесь, в больнице. Тут же есть свободные палаты, верно?

— Но…

— Я не буду доставлять неудобств, обещаю. Я могу даже поработать у вас тут… в качестве санитарки, например! Вы не думайте, я смогу ухаживать за больными, у меня получится! И еще: я, кажется, готовить умею… — не очень уверенно добавила она, как бы прислушавшись к себе.

Я вздохнул. Представить себе это хрупкое, неземное создание выносящей судно или перестилающей лежачего больного у меня как-то не получалось.

— Пожалуйста, Павел! — Аля умоляюще сложила ладошки на груди. — Позвольте мне пожить здесь!

Я откашлялся, прочищая горло:

— Аля, я не могу вас выгнать из больницы, потому что, пока вы не вспомнили, где ваш дом, идти вам некуда…

Она с готовностью кивнула.

— В район, как я понимаю, вы ехать категорически отказываетесь?

Аля часто закивала головой:

— Абсолютно категорически! Как и в область!

— Насильно я вас, разумеется, отправить не могу. И не хочу, если уж быть предельно честным.

— Значит… — девушка улыбнулась.

— Значит, вы остаетесь при больнице! — резюмировал я. — До утра — в качестве пациентки, в той же палате. А утром я распоряжусь, чтобы Клавдия Петровна подготовила для вас жилую палату, тут есть еще одна свободная.

Аля радостно засмеялась и захлопала в ладошки:

— Вот спасибо, Павел, вы — прелесть!

— А вот тут вы ошибаетесь: вовсе я не прелесть! — я опять сдвинул брови и заговорил строго (по крайней мере, мне так показалось!). — С завтрашнего дня приступите к исполнению обязанностей санитарки Кобельковской участковой больницы. Ваши должностные обязанности утром вам разъяснит все та же Клавдия Петровна.

— Уверяю вас, доктор, у меня все получится! Спасибо за доверие! — Аля говорила серьезно, даже торжественно, но в зеленых глазах плескался смех.

— И еще… — я решил сразу же расставить все точки над «i».

— Да, доктор? — девушка была воплощением смирения и послушания… но верилось в это слабо.

— Аля, я завтра же приглашу сюда местного участкового. Его зовут Семеном Михалычем, и он производит впечатление очень порядочного человека и хорошего специалиста. Я хочу, чтобы он помог вам найти вашу прошлую жизнь. Ну и, разумеется,

придется пройти какие-то формальные процедуры: у вас же нет никаких документов, ничего!

Девушка пожала плечами:

— Павел, делайте все, что считаете необходимым. Уверена, вы поступаете правильно.

Я с облегчением выдохнул и улыбнулся.

— Вот и славно! Значит, договорились.

— Договорились! — тоже с улыбкой подтвердила Аля..

— А теперь, голубушка, ступайте в палату и ложитесь-ка спать! Пока еще вы на правах пациентки, а больничный режим никто не отменял. Да и я бы, с вашего позволения, вздремнул до утра, — я посмотрел на часы и покачал головой. — Собственно, утро-то уже наступило! Ладно, Аленька, и в самом деле — пора на боковую. Позвольте, я вас до палаты провожу. Засиделись мы с вами, однако!

— Вы тоже странный, Павел! — констатировала девушка уже в дверях своей палаты.

— Это почему же? — я остановился и обернулся к ней.

— С вами не страшно время! — загадочно произнесла Аля и закрыла за собой дверь.

8 сентября 1987 года, 11.45,
Кобельки, участковая больница

Я наложил последний шов на бедро незадачливого тореадора, полюбовался аккуратными стежками и приладил поверх них повязку.

— Ну-с, вот, пожалуй, и все. Будете приходить ко мне на перевязки каждый день после обеда.

— Спасибо, доктор! — пробасил селянин и принялся слезать со стола.

— Виктор э-э… Петрович! — окликнул я его, когда он принялся натягивать штаны.

— Че? — абориген замер в пикантной позе.

— Большая личная просьба: не дразните больше быков!

Виктор Петрович широко заулыбался и разогнулся:

— Так я ж его и не дразнил! Иду, гляжу — стоит. И дышит так тяжело: уф-ф, уф-ф-ф! Ну, я подошел, встал напротив и тоже дышу…

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы жить! — изумился он моей непонятливости.

— Да я не о том… Для чего вы дышите, я догадываюсь. Зачем к быку-то подошли?

— А че он стоит? — резонно возмутился Виктор Петрович.

— Действительно, — согласился я. — И что потом?

— А что потом? Постояли, подышали. Потом он ка-ак дыхнет на меня! С меня аж кепку снесло. Ах ты ж, думаю, скотина такая! И в обратку ему!

— Что?! — не понял я.

— Ну, это… Воздуха набрал и на него дыхнул!

— А он?

— А он меня — рогом за ногу поддел да и швырнул… в навоз прямо! И ушел. С-с-скотина! — с чувством закончил свою печальную историю быконенавистник.

— Радуйтесь, что ушел, — пробормотал я.

И в самом деле, терпению быка можно было позавидовать: амбре, источаемое Виктором Петровичем, разбудило бы зверя даже в ягненке. Впрочем, вру. Ягненка один выдох моего пациента попросту убил бы. На месте.

В перевязочную заглянула Клавдия Петровна.

— Пал Палыч, там Семен Михалыч в вашем кабинете ждет. Он уже закончил.

— Иду! Вы там ему чаю предложите, что ли, — отозвался я, стаскивая перчатки.

Фельдшерица ухмыльнулась:

— Третью чашку уже пьет! Чегой-то он взволнованный какой-то, — и скрылась за дверью.

Участковый и в самом деле был слегка не в себе. Его спокойная уверенность, которая так понравилась мне в нашу первую встречу, куда-то испарилась. Лейтенант усердно хлебал чай и весь был какой-то взъерошенный.

— Ну-с, и каким будет твой вердикт? — поинтересовался я, присаживаясь напротив и придвигая к себе вторую чашку. — Наша новая пациентка — кто она?

Михалыч отставил чашку и обеими руками схватил себя за голову. Посидел так молча с минуту. Я терпеливо ждал.

— Нехорошо стало в Кобельках! — неожиданно выдал он.

— Начало многообещающее. А поподробнее? — я отпил глоток и посмотрел на измученного лейтенанта поверх чашки.

— У нас люди гибнут, Палыч! — участковый упорно говорил загадками.

Я молча ждал продолжения.

— Понимаешь, за последние два месяца в округе по разным причинам погибли четыре женщины. И, что характерно, все — беременные.

Я поежился. И в самом деле, жутковато.

— Следов — никаких! Каждый раз — несчастный случай.

Причем случаи-то все — разные, повторений нет! Никаких свидетелей, никаких улик, ничего! Хотя, не совсем! — Семен Михалыч с шумом глотнул из чашки и продолжил: — Сегодня ночью опять погибла беременная. Сгорела в палатке, на берегу озера. Нашелся свидетель, он же — подозреваемый. Муж. Утверждает, что отплывал на соседний островок за раками, когда все и случилось. Сам понимаешь, проверить, так ли это, нет никакой возможности.

Я кивнул. Разумеется, если других свидетелей нет, никак не проверишь.

— Мужа, конечно, арестовали?

— Конечно. Хотя лично я уверен, что он не врет. Мужик просто в шоке от случившегося. И он не играет.

Я пожал плечами.

— Тебе виднее. Ты считаешь, что эта смерть как-то связана с предыдущими? Если да — то муж и в самом деле ни при чем.

Лейтенант хлопнул меня по плечу.

— Зришь в корень! Главный вопрос: это серия убийств или и в самом деле лишь цепочка совпадений?

— Я не верю в совпадения, Михалыч! Тем более — в *такие* совпадения, — безапелляционно заявил я.

— Вот и я — не верю. А в райотделе, и даже в области — верят. «Нет оснований для возбуждения уголовного дела!» — раздраженно передразнил участковый кого-то мне неизвестного. — Зато сегодня основания сразу же нашлись! И упекли несчастного мужика в кутузку ни за что ни про что!

— Может все-таки есть за что? — осторожно поинтересовался я.

Михалыч махнул рукой:

— Да Ленька ни при чем. Я его как облупленного знаю. И Нютку его тоже… знал. Не мог он ее… — участковый внезапно охрип и вновь уткнулся в свою чашку.

Помолчали. Гостеприимные Кобельки начали вырисовываться для меня с другой стороны. С мрачноватой.

— Все погибшие — местные?

— Имеешь в виду — из Кобельков? Да нет, конечно, откуда у нас тут столько беременных-то наберется?! Из нашей деревеньки — одна. Нинка Смурякова, которую ты вчера днем в озере нашел. Остальные — из окрестных сел: Бедулино, Соколовка, Антоновка… Все — в радиусе двадцати-тридцати километров от Кобельков.

— Значит, если предположить, что всех этих женщин убили, то убийца обосновался здесь? — блеснул я дедукцией.

Участковый согласно кивнул:

— Похоже на то.

— Дела! — теперь я схватился за голову. — Это что же, у вас под носом разгуливает маньяк, а его даже никто не ловит?

Михалыч угрюмо пробурчал:

— Потому что никто, кроме нас с тобой… ну, и еще одного человека, не верит в его существование!

В волнении я сорвался со стула и кругами заметался по кабинету:

— Но это же… Это бред какой-то! Сколько еще должно погибнуть женщин, чтобы твое начальство увидело в этом закономерность, а не случайность? Десять, пятьдесят, сто?

— Да хоть тысяча! — участковый тоже встал и прислонился лбом к дверце шкафа. — Нет признаков убийства — нет убийства! Точка. Никто не будет сам раскручивать заведомый «висяк»! Да еще такой! У них же статистика, понимаешь… А если вдруг обнаружится, что и в самом деле проморгали серию убийств… Ты представляешь, что начнется? Головы полетят на всех уровнях, включая область! Все ж это понимают, вот и отмахиваются от очевидного!

— А ты?

— А что я?

— Ты же понимаешь, что это — убийства, верно?! Да у тебя же у первого голова покатится, когда найдутся-таки доказательства! А они ведь обязательно найдутся, так?

— Найдутся! — Михалыч боднул шкаф. — Если только мы с тобой не ошибаемся.

— Да не ошибаемся мы! Сам понимаешь — не ошибаемся! Ты же — участковый, у тебя ведь есть какие-то свои возможности, связи, полномочия. Ты тут всех знаешь, тебя все знают… и уважают, как я успел заметить! Что мешает провести свое собственное расследование? Найдешь улики, доказательства… может, даже убийцу сможешь вычислить. А тогда уж и райотдел свой подключишь. С областью.

— Да я уже…

— Что «уже»?

— Уже начал. Расследование, — лейтенант еще раз боднул шкаф, потер лоб и вернулся за стол.

Я перестал бегать по кабинету и оторопело уставился на него:

— Да? Ну… молодец.

— Только, Палыч, я тебя попросить хотел… Понимаешь, один в поле — не воин. Мне нужен кто-то головастый, кто может посмотреть на проблему как бы со стороны. Ну, не наш, не местный. Словом, мне твоя помощь нужна! — участковый озадаченно повертел в руках пустую чашку. — Чаю дашь еще?

— Клавдия Петровна, принесите чайник, пожалуйста! — крикнул я в дверь и уселся напротив лейтенанта. — Михалыч, я тебе, конечно, всегда помогу… только вот не знаю, чем именно?

— Да я и сам не знаю пока… будешь доктором Ватсоном!

Мы расхохотались.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла Клавдия Петровна, неся огромный чайник:

— Желаете чаю со сливками? — церемонно осведомилась она.

Мы переглянулись с участковым и расхохотались еще громче: чем не миссис Хадсон!

Клавдия Петровна с легкой жалостью посмотрела на нас, поставила чайник и выплыла из кабинета.

Отсмеявшись и заправившись свежим чаем, я вспомнил:

— Семен, а что с Алей-то? Ты с ней поговорил?

— Поговорил. — Лейтенант разом стал серьезным. — Девушка и в самом деле ничего о себе не помнит. Кроме имени.

— Да и имя-то какое-то странное. Аля — это Алевтина? Или Алла? Алина?

— Она говорит, просто — Аля. Это полное имя.

— Чудно́. Ну ладно, я тебя перебил, извини, — спохватился я. — И что ты думаешь? Надо, наверное, как-то организовать поиск ее близких?

Участковый покачал головой.

— Понимаешь, какая штука… Естественно, я запущу процедуру поиска ее родственников, друзей, знакомых. Проверю по базе пропавших без вести… Словом, все, что необходимо в таких случаях, сделаю. Но есть одна странность… — он опять надолго замолчал, уткнувшись носом в чашку.

«Если бы только одна!» — подумал я, вспоминая наш ночной разговор с невесть откуда взявшейся незнакомкой.

— Я хотел взять у нее отпечатки пальцев. Ну, это обычная процедура в таких случаях… — Михалыч опять умолк.

— Ну взял, и что? — поторопил его я, поняв, что очередная пауза вновь может затянуться.

Участковый хмыкнул:

— Да в том-то и дело, что не взял!

— Почему?

— Не смог!

Я озадаченно уставился на новоявленного Холмса.

— Не смог? Это что, так трудно?!

— Абсолютно не трудно. Когда они есть!

— Кто «они»? — не понял я.

— Отпечатки! — вздохнул Михалыч и сделал шумный глоток

из чашки.

— В смысле? — я и в самом деле сейчас ощущал себя доктором Ватсоном — таким же тугодумом и недотепой.

— В прямом смысле: у нашей Али нет отпечатков пальцев! То есть ее пальчики, разумеется, оставляют отпечатки краски на бумаге, но кожного рисунка, который, собственно, меня интересовал, у нее нет!

Я, как идиот, отвесил челюсть. Через минуту с трудом вернул ее на место, сглотнул и уточнил:

— Совсем-совсем нет?

— Совсем-совсем! — грустно подтвердил Михалыч и виновато развел руками.

— Так не бывает! — авторитетно заявил я.

— Не бывает! — подтвердил участковый.

— Но у Али отпечатков нет?

— А у нее — нет! — на лейтенанта жалко было смотреть.

— Аля!!! — взревел я.

В коридоре послышались легкие приближающиеся шаги. Дверь распахнулась, и в кабинет впорхнула она.

Меня опять пронзило теплом. Как и ночью, в момент касания ее пальцев. На какое-то время я вновь выпал из реальности, полностью захваченный прекрасным явлением, возникшим на пороге.

На этот раз девушка была в белом халате. Рыжие волосы, упрямо выбивающиеся из-под белого же колпачка, струились на больничном сквозняке, создавая полную иллюзию живого пламени. А странные глаза ее вновь были зелеными. И улыбались.

— Да, доктор?

Крепко зажмурившись на миг, я ухитрился-таки вернуть себя в здесь и сейчас.

— Аля… Мы тут говорили с лейтенантом о вас, и он рассказал о некоторой странности, — начал я.

Не дослушав, она подошла ко мне вплотную и протянула руки. Ладошками вверх.

— Наверное, об этой?

Осторожно я взял ее руки в свои. Меня вновь накрыло тепловой волной, но на этот раз я сдержался. И внимательно посмотрел на маленькие ладони.

Они были гладкими.

Глава 5

8 сентября 1987 года,
11.58, Кобельки

— Господи, как хорошо-то, что больница близко! — с облегчением выдохнула Ирина прямо в полосатую морду Трофима.

Кот скептически мяукнул и спрыгнул с калитки. Подождал, пока хозяйка закроет ее за собой и неторопливо прошествовал к дому, изредка оглядываясь. Ирина — за ним.

Несмотря на откровенный скепсис кота, женщину и в самом деле радовало то, что на регулярные осмотры к акушерке ходить надо недалеко. На последнем месяце беременности Ирина здорово прибавила в весе, за что и получила сегодня нешуточный нагоняй от Марии Глебовны. Да и новый доктор заметно озаботился, выслушивая ее сердце. Все допытывался, не находили ли у нее порок, не болят ли суставы, не было ли ангин… Она, конечно, успокоила Пал Палыча: шумы в сердце у нее врачи выслушивали с детства, но никогда ничего серьезного не находили. И все-таки…

Все-таки в последние недели ходить Ирине стало тяжело. Пара шагов всего — и готово: сердце заходится, одышка, в глазах темнеет. Потому-то и радуется она, что до больницы — рукой подать. Коту этого не понять.

С облегчением сбросив босоножки, Ирина босиком прошлепала на кухню и жадно присосалась к носику чайника. Мысленно оправдываясь, поскольку нарушала запреты акушерки и доктора на обильное питье. Да пропади оно все пропадом, в конце-то концов! Пока сегодня дотопала до больницы вверх по холму, с нее семь потов сошло. Литр потеряла, не меньше. Надо же восполнять!

И восполнила. Чайник опустел подозрительно быстро. Ирина поставила его на стол, икнула и осторожно похлопала себя по огромному животу. Нет, прав все-таки Пал Палыч: питье срочно надо ограничить!

Улыбаясь собственному непостоянству, Ирина взглянула в окно: прямо за ним, на холме, красовалось убогое здание больницы. Метров триста всего.

О ноги требовательно потерся Трофим.

— Проголодался, обжора? Молоко будешь?

Кот утробно мяукнул. Будет.

Ирина открыла холодильник и взялась за приятно-холодную,

запотевшую бутылку…

Дзынь!

В гостиной со звоном посыпалось стекло. От неожиданности женщина вздрогнула. Влажная бутылка, с готовностью выскользнув из пальцев, грохнулась на плиточный пол. И, разумеется, разбилась.

Трофим радостно заорал, прыгнул в самую середину образовавшейся молочной лужи и принялся торопливо ее вылизывать.

— Вот оно, кошачье счастье! — невесело усмехнулась Ирина и отправилась в гостиную.

Судя по всему, придется вставлять стекло в окне. А это — внеплановые хлопоты… вместо давно намеченного валяния с книжкой на диване.

Ну конечно, от оконного стекла остались лишь жалкие воспоминания. В виде торчащих по периметру рамы острых разнокалиберных осколков, хищно сверкающих на солнце.

— Твою мать! — с досадой воскликнула Ирина.

Весь пол у окна был усыпан битым стеклом. Женщина озадаченно посмотрела на свои босые ноги и побрела в прихожую. Кряхтя, натянула кроссовки и вернулась в гостиную.

— Как же оно разбилось-то? — поинтересовалась она у самой себя и озадаченно осмотрела пол. — Камнем, что ли, запустили?

Но камня нигде видно не было. Ирина подошла вплотную к окну и внимательно осмотрела раму. Осколки торчали вплотную друг к другу, окантовывая собой большущую дыру в форме звезды со многими лучами.

Женщина осторожно высунула голову наружу. Посмотрела вниз: почти от самой стены начинались грядки ее, Ирининого, огорода. Внизу, разумеется, никого не было.

Она повернула голову направо. И тут — никого.

Посмотреть налево Ирина не успела: на ее затылок вдруг навалилась чудовищная тяжесть, которая в мгновение ока пригнула, придавила женщину вниз, насаживая шеей прямо на торчащие из рамы осколки.

Боли она не почувствовала. Зато удивилась, успев заметить, как густо окрасились вдруг красным грядки под окном.

И тут же кто-то выключил солнце…

8 сентября, 12.05,
Кобельки, участковая больница

…То есть — абсолютно гладкими. На Алиных ладошках не было даже привычных складок, по которым так любят гадать

цыганки и прочие предсказатели судеб. Не говоря уж о том, что папиллярный узор на пальцах отсутствовал напрочь. Лейтенант оказался прав.

— Так не должно быть, да? — тихо спросила Аля, вскинув на меня глаза. Теперь карие.

Я покачал головой:

— Не совсем. Так просто не бывает.

— Потому что не может быть никогда… — философски добавил участковый и опять уткнулся носом в чашку.

— Но вот же — есть! — справедливо возразила нам девушка, демонстрируя свои руки. И улыбнулась.

— Ага! — подтвердили мы с Михалычем хором.

А что еще нам оставалось делать? Ее улыбка оказалась железным аргументом. Да и факт, что называется, имелся налицо: перед нами стоял, вероятно, единственный человек на планете без отпечатков пальцев.

— Видите ли, Аля… — начал было я подводить теоретическую базу под это невероятное открытие, но продолжить не успел.

В кабинет ворвалась миссис Хад… тьфу ты, Клавдия Петровна, разумеется. На этот раз от ее давешней степенности не осталось и следа:

— Пал Палыч, скорее! Вас вызывают, срочно!

— Кто вызывает?! Куда?

— Да тут рядом, с холма только спуститься! Ирка Леонова, помните, утром вы ее смотрели? Ну беременная с шумом в сердце?!

— Помню, конечно. Что с ней?

— Не знаю точно. Соседка ее прибежала, кричит благим матом, толком ничего сказать не может. Все про кровь блажит. Истерика у нее. Машка ее валерьянкой отпаивает. Я только поняла, что Ирка то ли разбилась как-то, то ли порезалась… Словом, кровищи там — море!

— Ясно, на месте разберемся. Показывайте дорогу! — следом за Клавдией Петровной я выбежал в коридор. Лейтенант с Алей — за мной.

Там нас уже поджидал Антон Иваныч с «дежурным чемоданчиком» в руках.

— Не отставать! — деловито скомандовал он и рванул с места, будто заправский спринтер.

Бежать и в самом деле оказалось недалеко. Уже через пару минут мы ворвались в калитку небольшого одноэтажного дома. Фельдшер подлетел к двери, постучал в нее и, не дождавшись

ответа, рванул на себя ручку.

— Заперто! — удивленно, даже обиженно констатировал он.

— Надо сзади зайти! Соседка что-то про огород твердила, — предложила Клавдия Петровна.

Я побежал за дом. Свита устремилась следом.

Повернув за угол, я *увидел*… И остановился как вкопанный. В спину тут же врезался участковый.

— Ты чего? — удивился он.

Я обвел рукой залитые кровью грядки:

— Поздно, Семен. Мне тут уже делать нечего. А вот тебе, кажется, работы добавилось! — и сел, где стоял, прямо на какую-то ботву.

— ……ь! — протяжно и как-то жалобно выругался лейтенант и уселся рядом. — Пятая!

Голова, лежащая под окном, удивленно смотрела на нас остановившимися глазами.

— Что скажешь, лейтенант? Опять несчастный случай? — ехидно поинтересовался я у Михалыча, когда он наконец вышел из дома.

Мы с Антоном Иванычем курили на крыльце. Вернее, Иваныч курил, а я, прислонившись затылком к перилам, тупо пялился в высокое равнодушное небо. Женщин мы сразу же прогнали обратно в больницу. Не для них это зрелище…

— Черта с два! — буркнул участковый. — Можно, конечно, было бы предположить, что потерпевшая по каким-то причинам потеряла равновесие, влетела головой в окно и напоролась на осколки…

— Но что-то мешает этому предположению, верно?

— Две вещи. Во-первых, Ирина в собственной гостиной оказалась в грязных уличных кроссовках. А она была большой аккуратисткой.

— И о чем это нам говорит? — не унимался я.

— Погоди, не перебивай! — остановил меня лейтенант. — И вторая вещь: почти все осколки обнаружились *внутри* комнаты. Понимаешь? Внутри, а не снаружи!

— То есть, если бы она сама влетела головой в стекло, то осколки…

— …оказались бы, разумеется, снаружи! — закончил за меня участковый.

— Тогда как же все случилось-то? — недоуменно поинтересовался фельдшер.

Лейтенант пожал плечами:

— Ну, я не эксперт, конечно… Думаю, кто-то снаружи разбил

стекло и затаился у окна. А Ирка… потерпевшая, то есть, надела кроссовки, чтобы не поранить ноги, и подошла посмотреть, что случилось. Высунулась в дыру. Вот тут-то этот самый «кто-то» рванул ее за затылок и насадил шеей на осколки.

— А ты искал под окном в огороде? Неужели опять следов нет?

Семен тяжело вздохнул и покачал головой:

— Никаких! Я там все осмотрел.

Я прикрыл глаза. Кобельки явно переставали быть райским местечком.

— Семен, надо что-то делать! Не может, никак не может все это быть совпадением. Их кто-то убивает!

— Или что-то… — задумчиво протянул лейтенант.

— Что-то?! — я встрепенулся и открыл глаза. — Ты что, в мистику веришь? Это при твоей-то должности?!

— Не верю, — Михалыч старательно пытался прикурить фильтр у сигареты. Тот не прикуривался. Участковый вынул сигарету изо рта, задумчиво осмотрел ее. Выругался, перевернул, закурил наконец. — Не верю я в мистику, док! Но и в то, что преступник, кем бы он там ни был, не оставляет *никаких* следов на месте преступления, я тоже не верю. А он — не оставляет! Отсюда вывод: либо все это и в самом деле — невероятное совпадение, либо наш гипотетический убийца — бесплотный дух или что-то вроде того… такое же нематериальное.

— Бред! — я вскочил и принялся расхаживать перед крыльцом. Участковый и фельдшер синхронно поворачивали головы, провожая меня взглядом. — Полный бред! А тебе не приходило в голову, что ты просто не находишь следов? Может…

— Может, есть смысл вызвать следственную группу из района? Ты это имеешь в виду? — довольно бесцеремонно перебил меня лейтенант.

— Ну да, что-то вроде того… У них же должны быть какие-то спецсредства? Ну, для обнаружения микрочастиц одежды, кожи… Не знаю, чего там еще. Или просто кинолога с собакой вызвать. Вдруг пес след возьмет?

— Да вызову, конечно. Только поверь мне, за исключением случая со Смуряковой, ну с утопленницей, которую вы с Кешкой вчера нашли, собака работала по всем убийствам. И криминалисты — тоже. Результат — большой жирный ноль. Никаких следов преступления или преступника обнаружено не было. Просто несчастные случаи! — участковый невесело усмехнулся и в сердцах ткнул окурок в землю.

Антон Иваныч кашлянул и встрял в разговор:

— Если я правильно понял, эта смерть — не единственная?

Кто-то убивает женщин?

Мы с участковым оторопело переглянулись. Как-то не учли мы присутствия фельдшера, не посвященного в детали этого странного и страшного дела.

Первым опомнился лейтенант:

— Антон, раз уж так вышло… Словом, ты должен пообещать мне, что никому об этом не расскажешь. Иначе в округе начнется паника, а мне только ее для полного счастья и не хватало!

— Не расскажу, не бойся!

— Слово?

— Зуб даю! — вполне серьезно пообещал фельдшер. Странно, но прозвучало это вполне убедительно.

— Ну, смотри у меня… Ладно, все равно мы уже проболтались. В районе действительно гибнут женщины. Не просто женщины, а беременные… — в нескольких фразах Михалыч обрисовал сложившуюся ситуацию.

Повисла тишина. Судя по перевернутому лицу фельдшера, он был шокирован.

— Вот такие пироги с котятами! — констатировал я, когда пауза перевалила за пять минут. Просто чтобы что-то сказать.

Антон Иваныч по-прежнему сидел в ступоре. Я осторожно тронул его за плечо:

— С вами все в порядке?

Он встряхнулся и затряс головой:

— Со мной — да! Жена…

— Что с ней? — хором спросили мы с участковым.

— В Сосновку, к матери поплыла. На лодке. Полчаса назад! — фельдшер вскочил на ноги и устремился к калитке.

Мы рванули следом. Нагнав Иваныча уже у забора, я забежал вперед и заглянул в его испуганное лицо:

— И что?

— Беременная она! Десять недель! — отчаянно выкрикнул фельдшер, оттолкнул меня и, выскочив за калитку, понесся вниз, к озеру.

— Твою мать! — в сердцах ругнулся лейтенант и гаркнул вслед удаляющемуся Иванычу: — Антон, давай к моему причалу! На катере пойдем! — и, не оглядываясь, побежал по узкой тропинке, уходящей куда-то влево.

Фельдшер затормозил, развернулся и помчался следом, размахивая так и не понадобившимся «дежурным чемоданчиком». Я оказался в арьергарде. В пару минут мы добежали до маленькой пристани с пришвартованным к ней милицейским катером.

Семен прыгнул к рулю и мигом завел мотор. Дождавшись, пока мы с Иванычем разместились в суденышке, лейтенант отдал

концы. Катер с неожиданным остервенением рванул вперед.

8 сентября, 12.35, озеро Белое

Оксана не торопясь работала веслами. Лодка степенно плыла по спокойной воде, оставляя за собой длинный, расходящийся двумя бесконечными лучами след. Солнце давно уже весьма ощутимо припекало даже через соломенную шляпу с широкими полями. Недолго думая, женщина стянула с себя одежду, оставшись в одном белье. Все равно никто не увидит, озеро было абсолютно пустынным. Зато позагорать можно.

Кобельки давно скрылись за островками, которых в Белом было великое множество. Вот и сейчас, оглянувшись, Оксана обнаружила прямо по курсу еще один. И удовлетворенно улыбнулась. Сразу же за ним нужно будет взять правее, а там уж и до Сосновки недалеко.

Женщина вспомнила, как несколько лет назад, когда она сразу же после свадьбы переехала к мужу в Кобельки, решила в первый раз сплавать к матери на лодке. Антон очень долго и обстоятельно рассказывал ей тогда, как правильно грести и куда именно плыть.

Ну, положим, грести-то она с детства умеет. Однако Оксана терпеливо выслушала мужа, справедливо полагая, что тому доставляет некоторое удовольствие учить слабый пол уму-разуму. Как и любому мужику, впрочем.

А вот, как оказалось, не зря он тогда ее учил. Оксана едва не заблудилась в россыпи островков. Да чего уж там — на самом деле заблудилась окончательно. Помнится, тогда еще и туман стоял, так что немудрено было потеряться в огромном озере. Она и потерялась. И несколько часов гребла в густой белой пелене, периодически натыкаясь на одинаковые с виду берега островков.

Выручили тогда Оксану рыбаки, едва не наткнувшиеся на нее в тумане своей лодкой. Как уж там они ориентировались в белом мороке, непонятно, но через каких-нибудь полчаса обе лодки причалили к берегу у Сосновки.

Негромкий треск под ногами прервал ее воспоминания. Лодку ощутимо качнуло. Вздрогнув от неожиданности, женщина посмотрела под ноги. И не поверила глазам: одна из узких досок, из которых было собрана лодка, треснула посередине. Да не просто треснула, а вздыбилась вверх двумя обломками, будто снизу по днищу кто-то от души ударил чем-то тяжелым. В образовавшуюся пробоину лениво начала вливаться вода.

Оксана чертыхнулась и попыталась ногой вправить обломки на место. Получилось еще хуже: те отломались полностью и

отвалились. Дыра в днище увеличилась, чем не преминуло воспользоваться озеро — поток воды, устремившийся в пробоину, существенно расширился и ускорился.

Женщина прекратила грести и, скомкав футболку, попыталась заткнуть ею пробоину. Помогло, поток почти прекратился. Вздохнув с облегчением, Оксана взялась за черпак и принялась вычерпывать воду.

Лодка опять дернулась. И вновь — мерзкий треск. Прямо под носом у оторопевшей женщины доска разлетелась в щепки. Новая пробоина оказалась раза в три больше первой. И в нее тут же радостно хлынула вода. Лодка моментально осела.

Оксана лихорадочно заработала черпаком, одновременно пытаясь осознать происходящее и сообразить, что же ей делать. Эту пробоину уже не заткнешь: шорты, которые оставались в качестве возможной пробки, просто вывалятся в дыру. Пока женщине удавалось вычерпывать воду чуть быстрее, чем та прибывала. Но нельзя же вечно оставаться здесь, посреди озера! Грести-то как? Стоит только на пару минут отложить черпак — и лодка затонет. А до ближайшего островка — метров пятьсот-шестьсот…

Плавала Оксана не очень-то хорошо. А если честно — почти не плавала. Так, гребла себе по-собачьи, умудряясь худо-бедно удерживаться на воде. А вот так, чтобы проплыть полкилометра в прохладной уже сентябрьской воде — это вряд ли!

Она почувствовала страх. И, чтобы приглушить его, еще быстрее заработала черпаком. Это помогло — из-под воды показалось днище.

Оксана бросила черпак и схватилась за весла. *Так* она еще никогда не гребла: лодка понеслась, будто катер, направляясь по прямой к ближайшему острову. Но, увы, замедляясь с каждой секундой, неумолимая вода заливала суденышко, *делая его тяжелее.*

Остановка. Опять — лихорадочное вычерпывание воды. Опять — черпак заскреб по днищу лодки. Опять — за весла и вперед!

Сколько же удалось проплыть? Оксана обернулась и чуть не завыла от досады: проклятый остров почти не приблизился! Женщина с удвоенной силой заработала веслами.

Вновь треск и толчок! В днище образовалась еще одна пробоина, шире, чем прежние. Лодка моментально на четверть заполнилась водой. И тут же — новый удар и новая дыра!

— Да что же это?! — прохрипела Оксана, внезапно потеряв голос от навалившегося ужаса.

Попыталась вычерпывать — да куда там! Лодка на глазах погружалась в равнодушное озеро, наполняясь прохладной

осенней водой. Сжимая в руках бесполезный черпак, женщина тоскливо смотрела, как уходят вниз борта суденышка.

Когда они скрылись под водой, Оксана оглянулась на остров — такой далекий…

8 сентября, 12.35,
Кобельки, участковая больница

Он закрыл глаза и привычно потянулся *другим* своим взглядом к женщине. Та плыла в лодке посреди озера. Почти голая.

«Бесстыжая! — вздохнул *Он* про себя. — Все они — бесстыжие! Мало того, что делала такую мерзость с мужчиной, так еще и голышом по озеру раскатывает!»

В том, что женщина в лодке делала мерзость, *Он* не сомневался: иначе бы не забеременела. *Он* много раз слышал, какими грязными делами занимаются мужчины с женщинами для того, чтобы у них появились дети. А однажды даже удалось случайно увидеть, как все это происходит на самом деле. Потом долго, очень долго *Его* рвало на заднем дворе.

Странно, но тогда, после того как *Его* буквально вывернуло наизнанку от увиденного, вместе с отвращением накатило невероятное по силе желание немедленно, сейчас же, проделать то же самое. И проделал бы, если бы курносая дрянь, к которой *Он* подошел тогда с этой просьбой, не подняла *Его* на смех, обозвав «вонючим недоумком с кривым сучком». Смысл последних слов *Он* не понял, но, судя по хохоту окружающих, это было что-то обидное. Вот именно с того момента все они стали для *Него* «дрянью». Вернее — «дрянями». Мерзкими, бесстыжими дрянями!

Ощутив гадкий холод в животе, *Он* еще раз с отвращением взглянул на бесстыдницу и нырнул взглядом под лодку.

Там было светло и спокойно. Солнечные лучи легко пронизывали прозрачную осеннюю воду, дотягиваясь до самого дна, по которому, далеко внизу, неспешно плыла заостренная спереди тень лодки.

Он затаил дыхание и начал лепить себя. Холод в животе усилился, захватив грудь. Вода под лодкой сгустилась, быстро обретая твердость. Но оставаясь при этом такой же прозрачной. Бесформенный поначалу, прозрачный сгусток разрастался, вбирая окружающую воду и выпуская из себя отростки, будто гигантская амеба.

Через несколько секунд все было готово. *Он* проворно выбрался из своего тела и перенесся в новое, только что

слепленное из воды. Огляделся, пошевелил пальцами рук и довольно улыбнулся: это тело получилось ничем не хуже того, постоянного, оставленного пока без хозяина на койке больницы.

— Пора за дело! — пробормотал *Он* и поднял голову.

Прямо над *Ним* медленно проплывало днище лодки. Той самой, в которой находилась очередная бесстыжая дрянь. В голове застучало, холод охватил уже все тело. Не сдерживая больше свой гнев, *Он* размахнулся и ударил кулаком в днище.

Хлипкая доска с готовностью проломилась. В пробоине показался свет, который, впрочем, тут же исчез: дыру, видимо, сверху чем-то заткнули.

Он зарычал от ненависти и ударил вновь. Размахнулся было еще раз, но удержался. Эта, в лодке, не должна умереть сразу — пусть сначала покорчится от ужаса и непонимания происходящего, а уж потом… Кроме того, *Она* говорила, что все должно выглядеть как несчастный случай: ни к чему им привлекать ненужное внимание.

Тяжело вдыхая воду, *Он* наблюдал за продырявленной лодкой. Какое-то время та покачивалась на одном месте. В дыре то и дело мелькала какая-то тень. Судя по всему, дрянь пыталась вычерпать воду Ну-ну!

Вдруг с обеих сторон от темного днища в воду плюхнулись весла. Лодка рванула вперед, да так быстро, что *Он* даже присвистнул. Это в воде-то!

Не торопясь, *Он* поплыл за удаляющимся суденышком, прекрасно понимая, что далеко тому не уйти.

И в самом деле, через десяток метров лодка остановилась, заметно осев. Женщина, видимо, опять принялась вычерпывать воду. В этот раз она закончила гораздо быстрее, и лодка вновь устремилась вперед.

Ну, хватит! В несколько мгновений догнав лодку, *Он*, уже не сдерживаясь, принялся снизу молотить в днище, разнося его в щепки. В сознании пульсировала, бесновалась одна лишь мысль: поскорее бы добраться до бесстыжей дряни в лодке…

…— Что это с ним?! — раздался испуганный голос прямо над ухом.

Он резко обернулся. Но, кроме пронизанной солнечными лучами воды, ничего, разумеется, не увидел. Голос прозвучал там, у оставленного пока в палате постоянного тела.

С сожалением *Он* опустил уже занесенную для очередного удара руку. Надо возвращаться. Иначе поднимется переполох, и *Она* будет недовольна — просила же не привлекать внимания! А *Он* очень хорошо знал это недовольство. И боялся его.

Взглянув напоследок вверх, *Он* удовлетворенно хмыкнул:

лодка ушла под воду почти полностью. До ближайшего берега далеко, а вода — холодная. Вряд ли дрянь доплывет. Жаль все-таки, что *Он* не сможет быть рядом в тот момент, когда жизнь покинет ее и плод. Получается, зря топил лодку: главное-то сделано не будет!

— Доктора, скорее доктора зовите! — не унимался голос там, в палате.

— Да нет доктора! На вызове он, — с досадой откликнулся другой голос.

Все, больше ждать нельзя, пора возвращаться. *Он* задержал дыхание и потянулся сознанием к своему постоянному телу. Водяной фантом тут же потерял твердость и бесследно растворился в окружающей воде.

Он открыл глаза уже в палате. И улыбнулся.

8 сентября, 13.25, озеро Белое

Катер шнырял между многочисленными островками уже почти полчаса. Антон Иваныч поначалу пытался показывать дорогу, которой его жена обычно плавала в Сосновку. Но потом как-то потух, скукожился весь на корме, да так и сидел там до сих пор. Молча вглядываясь стеклянными глазами в пробегающую мимо борта воду.

— Иваныч, может, сразу в Сосновку пойдем? — не отрывая взгляда от курса, прокричал лейтенант. — Наверное, все обошлось и Оксанка давно у матери. Чай пьет.

Фельдшер вяло пожал плечами и кивнул.

— Он согласен! — перевел я молчаливый ответ участковому, с трудом перекрикивая встречный ветер.

Все так же, не оборачиваясь, Семен кивнул и заложил лихой вираж Обогнув очередной островок, катер помчался к неведомой мне пока Сосновке.

Несколько минут мы плыли в полном молчании. Тишину нарушали лишь ровный рокот мощного мотора, да свист ветра в ушах. Но так продолжалось недолго.

— Стой! Вернее нет, правее, правее возьми! — Антон Иваныч вдруг встрепенулся и вскочил на ноги, едва не перевернув катер.

Лейтенант в недоумении обернулся:

— Ты чего? Увидел кого?!

Вместо ответа фельдшер показал рукой куда-то вправо. Мы посмотрели туда. Далеко, в сотне метров на гладкой воде что-то было.

— Непонятно… Плывет кто-то, что ли? — протянул лейтенант, направляя судно к находке.

Нещадно кромсая носом озеро, катер понесся к белеющему вдали предмету. Мы молча вглядывались вперед. Украдкой я наблюдал за Антоном: чем ближе мы подплывали к цели, тем сильнее менялось его лицо. И отнюдь не в лучшую сторону.

Домчались наконец. Лейтенант заглушил мотор, и в неожиданной тишине катер по инерции подплыл к качающемуся на мелких волнах предмету.

Антон Иваныч перегнулся за борт и выудил из воды… шляпу. Соломенную женскую шляпу с большими полями и голубой ленточкой.

— Оксанкина, — тихо объяснил он и уткнулся лицом в мокрую находку.

Мы с Семеном молчали. Не было слов, вместо них вдруг навалилась какая-то обреченность. Сгорбившись, мы втроем стояли в катере, не понимая, что происходит. И не зная, что делать.

Первым молчание нарушил фельдшер. Он тихо завыл в шляпу, уселся на корме и принялся лихорадочно стаскивать с ног обувь.

— Антон, ты чего?! — лейтенант опустился перед ним на корточки.

— Она здесь! Она здесь где-то! Раз шляпа тут, то и Оксанка — тоже! Найти надо, спасти… Может, не поздно еще! — выкрикивал Иваныч, разувшись и стаскивая халат.

— Поздно! Поздно, Антон! — участковый схватил его за плечи и встряхнул. — Ты уже ничем не поможешь. Я вызову водолазов, найдем потом ее. А сейчас — успокойся. Ты ничего уже не сделаешь, а вода холодная…

Не дослушав лейтенанта, фельдшер с силой оттолкнул его и прыгнул за борт. Как был, в одежде. Снять он успел только халат.

— Антон! — участковый перегнулся через борт.

Но тот уже скрылся под водой. В воздухе на миг мелькнули босые пятки. Лейтенант с маху уселся на скамью и вопросительно посмотрел на меня.

— Его сейчас не остановишь. Аффект, — пояснил я. — Будем ждать, пока не нанырялся. И следить, чтобы не утонул.

— Палыч, ты понимаешь, что происходит? — тоскливо спросил Семен.

— Не понимаю. Ничего я не понимаю! — я уселся рядом и обхватил голову руками.

— Вот и я — ничего! — скорбно констатировал лейтенант.

Молча мы смотрели за борт, где нырял, выныривал и вновь нырял Антон Иваныч.

Семен вдруг встрепенулся и вопросительно уставился на

меня:

— Слышал?

— Что?

— Тихо! — прикрикнул он на меня и прислушался. — Вот, опять!

Теперь услышал и я.

— Вроде, кричит кто-то?

— Похоже на то! — согласился лейтенант.

Ветер опять донес до нас тот же звук. Крик, нет сомнений!

— На острове, что ли? — участковый вскочил и принялся всматриваться в далекий островок, прикрывая ладонью глаза от солнца.

Присмотрелся и я. В нескольких сотнях метров от нас, по берегу острова металась человеческая фигурка!

— Антон! — лейтенант нагнулся над бортом и схватил несчастного фельдшера за шиворот как раз в тот момент, когда тот приготовился к очередному нырку.

— Ну чего? — губы у Иваныча заметно посинели.

— Антон, на острове есть кто-то! Поплыли, посмотрим: вдруг Оксана выплыла?

— Где? — Иваныч в воде заозирался.

— Вылезай. Это с другого борта. Отсюда не увидишь.

Фельдшер подтянулся и перевалился через борт. Пошатываясь, встал.

— Ну, где?!

Я показал. Иваныч больно вцепился мне в плечо и захрипел:

— Поплыли! Семен, заводи, поплыли скорей!

Катер рванул к острову. Не отпуская моего плеча, фельдшер вглядывался в приближающийся остров, подавшись вперед всем телом:

— Семен, ты быстрее можешь?!

Лейтенант покачал головой:

— На пределе. Потерпи, через пару минут причалим!

Но уже через минуту стало видно, что фигурка на берегу — женская. В одном белье.

— Оксанка! — с улыбкой протянул Иваныч.

И осел на скамью.

Глава 6

8 сентября, 15.30,
Кобельки, участковая больница

— Докладывайте! — я плюхнулся на стул и обвел взглядом выстроившийся в кабинете персонал.

Вперед выступила Мария Глебовна.

— За время вашего отсутствия, доктор, особых происшествий не было! — бодро отрапортовала она.

Как-то уж слишком бодро…

— А не особых? — подозрительно уточнил я.

— Ну… — замялась было акушерка, но я пресек колебания:

— Давайте без «ну»! Что стряслось?

— У Зотова, который с тромбоэмболией, приступ был.

— Что за приступ? Одышка?

— Нет, непонятное что-то. Потерял сознание, побледнел, затрясся. Да, еще очень мокрый был весь, прямо в крупных таких каплях! Похоже на эпилепсию, но не совсем, — акушерка выглядела немного растерянной.

Я тоже озадачился. Что еще за новости?!

— Сейчас-то он в сознании? Сколько времени продолжался приступ? Пульс, давление какие были? Сахар в крови определили? — засыпал я вопросами Марию Глебовну.

— Да, он в сознание минут через десять пришел. Пульс был под двести, давление — нормальное. Кровь на сахар взяли уже после приступа — немного снижен. Три ровно.

— Чем купировали приступ? — я не унимался.

— Да ничем. Сам в себя пришел, мы только следили, чтобы язык не прикусил да не задохнулся. Он трясся-трясся, а потом раз — и все закончилось. Как-то сразу в себя пришел: лежит довольный такой, улыбается! — закончила доклад акушерка.

— Улыбается? — машинально переспросил я.

— Ага! — хором подтвердили Мария Глебовна с Клавдией Петровной.

— Сейчас как себя чувствует?

— Вполне удовлетворительно.

— Вот и славно, — я вздохнул с облегчением. — Что еще?

— Еще да… — начала было акушерка, но ее локтем в бок ткнула Клавдия Петровна.

— Да ничего больше, Пал Палыч! Тут у нас с Машкой маленькие женские секреты. Верно, Марья?

Та, потирая бок и морщась, закивала головой:

— Верно, верно! А больше — ничего.

— Ну, если это ваши, как вы говорите, женские тайны, то я в них лезть не буду! — великодушно заявил я. — На прием народу много пришло?

— Да, сегодня наплыв: человек двадцать первичных и еще с десяток на повторный осмотр. Плюс шесть перевязок! — обрадовала меня фельдшерица.

Свет в моих глазах померк. Опять до полуночи!

— Значит, так. Клавдия Петровна, вас я прошу заняться перевязками. Можете привлечь к процессу Марию Глебовну. Насколько я помню, там ничего сложного не предвидится. А я пойду на прием. Антона Иваныча, в силу определенных уважительных причин, сегодня не будет. Поэтому работаем за себя и за того парня. Как в песне поется! — с фальшивой бодростью закончил я и отправился в амбулаторию.

В коридоре я наткнулся на Алю. Она взглянула на меня своими невероятными глазищами и тихо спросила:

— Их кто-то убивает, верно?

— Верно, — механически подтвердил я и запоздало спохватился. — Кого это «их»?

— Женщин. Беременных. Как сегодня, — терпеливо объяснила девушка.

Я схватил ее за плечи:

— Откуда вы знаете?! Кто вам рассказал?!

Аля покачала головой.

— Павел, мне никто ничего не рассказывал. Даю вам слово. Я просто знаю — и все. Вернее, сегодня только узнала, когда увидела ту женщину… в окне.

Спохватившись, я неохотно отпустил девушку.

— Аля, вы не должны никому, слышите, ни-ко-му рассказывать об этом, — быстро оглядевшись, я затащил ее в пустую процедурную, подпер спиной дверь изнутри и тихо, почти шепотом, продолжил: — Всех этих женщин действительно убили. Лейтенант, с которым вы сегодня беседовали, проводит расследование. А я ему помогаю. Он сам просил меня об этом, хотя я так и не понял, какая от меня может быть польза в этом деле…

— Может. И будет! — на полном серьезе пообещала Аля.

Я запнулся, потеряв нить разговора.

— Уверены? Впрочем, не о том сейчас речь. Беда в том, что, кроме нас с лейтенантом, да еще одного-двух человек, посвященных в эту историю, никто не верит в то, что это — убийства. Милицейское начальство Семена уверено, что все эти несчастные случаи — несчастные случаи и есть. Потому что

следов преступления и преступника во всех пяти случаях обнаружить не удалось.

— Шести, — поправила меня девушка.

— Почему шести? Лейтенант утверждает, что было пять смертей, — оторопело возразил я.

— Он просто ничего не знает о шестой. Вернее, о первой, — грустно сказала Аля и резко отвернулась.

Я успел заметить, как в ее глазах блеснули слезы.

— Аленька, что с вами? — я опять, на этот раз осторожно, взял ее за плечи и развернул к себе.

Девушка и в самом деле плакала. Тихо, без всхлипываний и рыданий. Просто крупные слезы вытекали из ее глаз и прозрачными ручейками сбегали вниз по щекам.

— Я не знаю, что со мной! В том-то и дело, что не знаю, — она уткнулась лицом в мое плечо. — Не знаю, откуда мне все это известно, не понимаю, как эти убийства связаны со мной! А они ведь как-то связаны, я это чувствую. Я даже не знаю, кто я!

Последние слова Аля почти выкрикнула. Я покрепче прижал ее к себе. Никаких подходящих слов в голову не приходило. В нее вообще ничего не приходило. После всех нынешних событий мозг, видимо, включил защитное торможение.

Минут пять мы так и простояли. Наконец девушка оторвалась от моего плеча, подняла влажные зеленые глаза и тихо, очень тихо сказала:

— То, что их убивает, очень странное. Я не понимаю.

— «То»?! Вы хотите сказать, что убийца — не человек?! — изумился я.

За сегодня это уже второе предположение о нечеловеческой природе убийцы. Первое, помнится, высказал лейтенант. Правда, я так и не понял, насколько серьезно он это говорил. И вот теперь — Аля. По непонятным причинам словам этой девочки я верил. Всем, даже самым невероятным. Наверное, в силу невероятности ее самой…

— Человек… и — не человек. Я не могу понять, не могу почувствовать. Сейчас пока — не могу. Может быть, позже… — Аля выглядела растерянной.

В коридоре началась какая-то суета. В разных направлениях затопали ноги, слышались приглушенные голоса. Наконец все фоновые шумы легко перекрыл визг Клавдии Петровны:

— Пал Палыч! Доктор! У вас вызов!

Я виновато посмотрел на Алю. Она улыбнулась:

— Идите, доктор! Кому-то без вас плохо.

Неожиданно для самого себя, я поднес к губам ее руку и поцеловал.

И выскочил за дверь.

8 сентября, 16.15, Кобельки

Странно, но по улочкам Кобельков Кешка вел машину очень осторожно. Вспоминая его недавнее лихачество, я недоверчиво косился в сторону водителя. Боясь, что он вот-вот привычно вдавит педаль газа в пол, и «уазик» вновь горным козлом пойдет скакать по окрестностям.

Но ничего подобного не происходило. Машина спокойно, даже как-то торжественно, двигалась к цели.

Наконец я не вытерпел:

— Кеша, ты побыстрее немного можешь? Там ребенку плохо!

Иннокентий с достоинством взглянул на меня и пояснил:

— Палыч, это я за городом гоняю, а в городе — ни-ни! Тут же люди кругом!

Я согласно кивнул, окидывая взором пустые улицы. И верно, люди кругом!

Из окошка, ведущего в салон, высунулась Клавдия Петровна:

— Минут через пять будем на месте. Зара на отшибе живет, под дамбой.

— Кто? — переспросил я.

— Зара. Мать мальчика, к которому мы едем.

— Странное имя какое!

— Цыганка она, — пояснила фельдшерица. — Помните, я вам рассказывала про цыганского барона? Ну который кровать подарил?

— Помню, конечно.

— Та вот, у нас тут неподалеку, в степи прямо, тогда табор стоял. Зара в нем жила. А когда табор снялся и ушел, она тут, в Кобельках осталась. Беременная. Уж не знаю, почему она так решила, но осталась. Родила вскоре мальчишку, на работу в совхоз устроилась. Словом, прижилась как-то.

— А барон?

— А что барон? — удивилась Клавдия Петровна. — Барон тут ни при чем. Он просто тем табором командовал.

«Уазик» подпрыгнул на колдобине и, свернув к берегу озера, покатил вдоль него. Дорога резко пошла под уклон. С удивлением я обнаружил, что машина спускается ниже уровня воды. Причем намного.

— Сейчас дамба будет, — заметив мое удивление, пояснил Кеша. — Озеро-то искусственное. Лет тридцать назад речку запрудили, вот и получилось наше Белое.

Впереди и впрямь показалась дамба. У ее основания,

вырываясь из-под немного приподнятых створов, бурлила вода. А от этого бурления начиналась небольшая речушка. Скорее даже ручей.

Подкатив к самой реке, наша машина свернула вправо и по узенькой грунтовой дороге запрыгала вдоль русла.

— Не страшно тут жить-то? А ну как плотину прорвет? Смоет же все к лешему! — поинтересовался я, обнаружив с десяток изб, прижавшихся вплотную к речушке.

Кешка пожал плечами:

— А кто их знает? Может, и страшно. Только все равно здесь строятся: речка под боком, озеро рядом, земля — сплошной чернозем. Здесь на огородах знаешь какие чудеса вырастают! Впору в книгу рекордов заносить. А наверху не земля — глина одна пополам с песком.

Проехав мимо «нижних» Кобельков, мы направились к небольшому одноэтажному домику, стоящему особняком. Тоже — на самом берегу.

— Ну вот, приехали. Тут Зарка и живет! — лихо затормозив у калитки, сообщил мне Кешка.

Вдвоем с фельдшерицей мы выгрузились из машины и направились к дому. Дверь на крыльце распахнулась, и нам навстречу устремилась растрепанная молодая женщина в яркой цветастой юбке и неожиданной футболке с олимпийским мишкой. Подбежав к нам, она вместо приветствия схватила меня за руку и молча потащила за собой.

— Добрый день, Зара! — я решил взять инициативу в свои руки. — Рассказывайте, что стряслось?

— Сыну плохо. Совсем плохо! — выдохнула цыганка. В ее голосе явственно слышалось отчаяние.

— С чего все началось? — взбегая по ступеням крыльца, я продолжал опрос.

— Он во дворе играл. Залез на забор, — она кивнула на невысокий заборчик, огораживающий участок. — Не удержался, упал. Боком ударился о камень.

— Каким боком?

— Правым. Сначала-то ничего: похныкал, конечно, да и побежал опять играть. А потом я обед приготовила, выхожу — а он лежит на земле… лицо синее, дышит тяжело, стонет. Я Мишку в дом занесла и сразу же за вами послала.

В моей голове начался интенсивный мыслительный процесс. Бессвязные воспоминания из области травматологии со щелканьем сменяли друг друга, но ничего подходящего случаю не находилось. Пока.

— Вот, доктор. Это — Мишка! — в комнате Зара указала на

лежащего в постели малыша лет пяти.

Мишка слегка приоткрыл глаза, грустно, по-взрослому совсем, взглянул на меня и опять опустил веки. Дышал он тяжело и часто. Очень часто. Его лицо и в самом деле было синим.

— Помогите мне его раздеть! — попросил я цыганку.

Зара попыталась стянуть майку через голову, но малыш громко закричал от боли. Оттолкнув мать, к Мишке подскочила Клавдия Петровна и несколькими точными движениями разрезала майку ножницами. Оголилась худенькая детская грудь с торчащими ребрами.

Я присел на краешек постели и принялся внимательно осматривать правый бок бедняги. Ага, вот и огромный синяк от удара!

Очень осторожно я нажал на центр синяка. Под пальцами противно заскрипело, а малыш взвизгнул от боли.

— Все, Мишка, все! Ну, извини. Мне нужно было кое-что проверить! — успокаивающе бормотал я, лихорадочно пытаясь вспомнить, что полагается делать в таких случаях.

А случай оказался не из простых. Судя по всему, ударившись о камень, Мишка сломал ребро. Или ребра. Они своими острыми обломками повредили легкое. И теперь из разорванной легочной ткани в грудную полость малыша поступает воздух, поджимая поврежденное легкое и не давая тому возможности дышать.

Напряженный пневмоторакс, вот как это называется. Сейчас Мишка дышит только одним легким. Потому и синий, потому и одышка такая.

И что мне прикажете делать? Лечить парня нужно срочно: плохеет на глазах. Требуется вмешательство грудного хирурга, а где его взять-то в Кобельках?

— Доктор, ему хуже! — закричала Зара, дергая меня за рукав.

Осторожно освободившись от ее рук, я полез в дежурный чемоданчик, перебирая его содержимое и пытаясь собрать все нужное для неотложной манипуляции.

«Перевести напряженный пневмоторакс в открытый», — будто мантру повторял я про себя фразу из учебника по хирургии.

А это значит, что мне придется поставить в грудную полость Мишки специальный дренаж, чтобы отсасывать поступающий в нее воздух.

Нужное в чемоданчике упорно не находилось. Вернее, находилось, но не все. Большой шприц Жанэ отыскался моментально, да и немудрено: огромный прибор занимал собой добрую четверть саквояжа. Перчатка и одноразовая капельница тоже не стали проблемой. Но вот где раздобыть специальный стилет для пункции с уже надетым на него катетером?

Краем глаза я посматривал на Мишку. Тот посинел ее больше и начал закатывать глаза.

— Клавдия Петровна, кислород ему дайте, живо! А потом возьмите флакон с физраствором и разведите в нем фурацилин. Будем дренаж ставить. По Бюлау! — невесть зачем уточнил я авторское название манипуляции. Вряд ли, конечно, фельдшерица его слышала.

Ошибся. Клавдия Петровна быстренько приспособила к лицу малыша маску кислородного ингалятора, развела фурацилин и принялась споро отрезать ножницами пальцы от резиновой перчатки. Для дренажа. Старик Бюлау в Кобельках явно был популярен!

Оставив бесплодные попытки отыскать стилет, я решил импровизировать дедовскими методами. Вооружился банальным скальпелем и склонился над Мишкой. Тот уже был без сознания. Ну что ж, по крайней мере, можно обойтись без анестезии. Нет худа без добра!

Нащупав пальцами нужное межреберье, я вонзил в него скальпель…

— Ай, доктор, вы что?! — заверещала Зара и принялась хватать меня за руки.

От неожиданности я едва не протолкнул лезвие глубже, чем следовало.

— Отойди, Зарка, доктор знает, что делает! Мишка твой ребром легкое проткнул, надо лишний воздух вывести. Иначе — помрет! — весьма доходчиво разъяснила ситуацию Клавдия Петровна и быстренько выпихнула плачущую цыганку из комнаты.

— Спасибо! — с облегчением выдохнул я и продолжил работу.

— Не за что! — ответила фельдшерица и протянула мне отрезанную от капельницы прозрачную трубку. — Это ставить будете?

— Ага! — уже не удивляясь, подтвердил я. И ввинтил трубку в только что проделанную дырку в Мишкиной груди.

А Клавдия Петровна уже подсоединяла к другому концу шприц Жанэ с фурацилином. Я принял его из ее рук и осторожно потянул за поршень. По трубке в шприц пробежало немного крови. А потом — пошел воздух. Поршень шел с небольшим усилием.

Пятьдесят кубиков…

Сто…

Двести…

Триста…

На пятистах миллилитрах поршень уперся в заднюю стенку шприца.

— Зажать! — скомандовал я.

Клавдия Петровна с готовностью пережала зажимом трубку. Я отсоединил шприц, вернул поршень в исходное положение и подсоединил вновь. Фельдшерица освободила трубку.

Еще двести…

Триста…

Триста пятьдесят…

Поршень двигался заметно туже. Я взглянул в лицо малыша: синева явно уменьшилась, да и дышит теперь намного спокойнее.

Четыреста двадцать.

Все. Поршень остановился. Воздух в шприц больше не поступал. Хочется верить, что и легкое расправилось.

— Зажать!

Опять зажим на трубке. Фельдшерица без моих команд приладила к свободному концу трубки палец от резиновой перчатки со вставленной в него спичкой. И засунула получившийся клапан во флакон с фурацилином. Простая, но чертовски эффективная конструкция! Имени Бюлау.

Мишка открыл глаза. Дыхание его стало совсем спокойным, гадкая синева ушла. Из трубки, погруженной в желтый раствор, время от времени вырывались пузырьки воздуха. Дренаж работал.

— Как дела, молодой человек? — улыбаясь, спросил я пацана.

Вместо ответа он показал мне большой палец. И тоже улыбнулся.

— Клавдия Петровна, пригласите мать!

Зара влетела в комнату и с разбега грохнулась на колени у постели сына, уронив голову ему на живот. Роскошные черные волосы блестящим одеялом укрыли всего Мишку.

— Мам, ты чего? — все еще улыбаясь, поинтересовался он.

Зара встрепенулась. Она подняла голову и недоверчиво всмотрелась в лицо сына:

— Мишенька? Золотой мой, тебе лучше?!

— Ага! — гордо ответил он.

Цыганка вспорхнула с пола и повисла на моей шее. Что-то бессвязное шепча по-своему, будто в бреду.

— Все уже хорошо, Зара. Самое страшное позади. Сейчас мы вызовем «скорую» из района, и Мишку отвезут в больницу. Отлежится недельки две — и будет как новенький! — поглаживая по спине бормочущую женщину, приговаривал я.

Потом, в ожидании «перевозки» из района, мы все сидели на

кухне у Зары и пили безумно вкусный чай, заваренный на каких-то травах. Вернее, все, кроме Мишки. Парень, намаявшись, мирно спал в своей постели под аккомпанемент тихого бульканья пузырьков во флаконе.

Поглядев на часы, я покачал головой: мы уже почти два часа пробыли в этом доме. А в больнице — куча народу приема ждет!

— Клавдия Петровна, боюсь, вам придется вернуться в больницу. Иначе Мария Глебовна там костьми ляжет! Так что собирайтесь. Кеша вас отвезет и за мной вернется, — прервал я почти семейную идиллию.

Фельдшерица с водителем с сожалением оторвались от своих чашек и засобирались.

— Только чемоданчик оставьте на всякий случай! — попросил я, очень надеясь на то, что такого случая не будет.

Зара проводила их до машины и вернулась. Уселась напротив, подперла подбородок руками и принялась сверлить меня огромными черными глазами. Чтобы скрыть неловкость, я уткнулся носом в чашку.

— Вы вчера только приехали, Пал Палыч, верно? — поинтересовалась вдруг цыганка.

Я кивнул:

— Вчера.

— А ведь вас уже присушил кто-то тут, в Кобельках! — торжественно констатировала она.

Я поперхнулся чаем. Прокашлявшись, поинтересовался:

— Это как так «присушил»? И кто же?

Зара улыбнулась.

— Женщина ваше сердце заняла. Да прочно-то как! — прищурясь, она посмотрела мне в грудь, будто и в самом деле разглядев «занятое сердце» сквозь одежду и тело. — А вот кто — не скажу. Знаю только, что не наша она. Не здешняя. Красивая, наверное?

— Очень! — машинально подтвердил я. И покраснел, сообразив, что попался.

Цыганка рассмеялась и взялась чайник.

— Еще чаю, Пал Палыч? Да вы не смущайтесь, это же хорошо, когда любишь. Главное это. Многих любят, многие думают, что любят… А вот так, чтобы по-настоящему, из души — немногим дано. Счастливый вы, доктор!

— Наверное… Только я и сам пока еще не понял, люблю ли… — ни с того, ни с сего разоткровенничался я с Зарой.

— Поймете. Обязательно поймете. А когда поймете — не испугайтесь. Многие пугаются той силы, которой полна настоящая любовь… и бегут от нее. Чтобы никогда больше ее не

встретить. Вы — не убегайте! — строго сдвинув брови, приказала цыганка.

— Не испугаюсь. И не убегу! — абсолютно серьезно пообещал я.

Зара вдруг протянула через стол руки и взяла меня за щеки.

Я замер. Ладони цыганки были невероятно горячими. С минуту она пристально вглядывалась в мои глаза. А я не мог оторвать взгляда от двух глубоких черных омутов, вбирающих, засасывающих в себя свет.

— Верю! — она наконец отпустила меня и улыбнулась. — Так что, чаю вам еще налить?

— А давайте! — махнул я рукой.

Наваждение исчезло.

Еще с полчаса мы болтали о всяких пустяках. Время от времени выходя в спальню проведать спящего Мишку. А потом вдруг Зара коснулась темы, которая никак не могла оставить меня равнодушным. После всех нынешних событий.

— Вы в неудачное время приехали в Кобельки, доктор. Нехорошо здесь стало.

Я вздрогнул. Точно такими же словами, помнится, охарактеризовал положение дел в округе и участковый.

— Что вы имеете в виду, Зара?

— У нас тут женщины гибнут. Да не просто женщины, а беременные. Слышали, наверное? За два дня — три покойницы.

«И чуть не случилась четвертая!» — мысленно уточнил я, вспомнив чудесное спасение жены Антона Иваныча.

А вслух подтвердил:

— Слышал, конечно. И, к сожалению, двух из них даже видел. Беда.

— Это убийства? — цыганка сверлила меня испытующим взглядом.

— Не знаю, я же не криминалист, — пожал я плечами. — Насколько мне известно, никаких следов чьего-то злого умысла на местах происшествий обнаружено не было.

Зара в задумчивости покачала головой:

— Пал Палыч, вы верите в поверья? В легенды, приметы всякие, предсказания?

От неожиданного вопроса я опять чуть не поперхнулся.

— Зара, я врач. Мне не положено верить во всякую мистику. Уж извините, если я вас этим задел.

— Да нет, вовсе не задели, — она невесело усмехнулась. — Мистика, говорите? Ну, переубеждать вас я не стану: вы пока слишком молоды, понимание многого к вам еще придет…

Теперь усмехнулся я. Зара была не старше меня.

Она заметила усмешку.

— Мы жили в разных мирах, доктор. Да, мы ровесники. Но я — старше. Намного старше. Поверьте, так бывает!

Я поверил. Странно, за сегодня Зара была уже второй женщиной, которой верилось во всем и безоговорочно.

— Так вот, я не буду вас переубеждать, Пал Палыч. Расскажу только одно старое цыганское поверье, которое жило в моем таборе. Я ведь в таборе выросла, знаете?

— Знаю, — кивнул я.

— Страшное поверье. И очень, очень древнее, — Зара прикрыла глаза, откинулась на спинку стула и замолчала на минуту.

Потом протяжно заговорила тихим, неузнаваемым голосом.

— Нет в мире ничего более прекрасного, чем женщина, носящая под сердцем дитя. И нет в мире никого более уязвимого, чем она. Ибо красота ее и неродившегося ребенка желанна не только для того, кто любит их, но и для того, кто алчет бессмертия. И придет тот в недобрый час, и отберет две жизни: матери и плода ее. И вольет он душу нерожденного в свою, будто светлый ручей в черную топь. И пойдет дальше по миру, собирая нерожденные, ясные души, пока не наберется таких трижды по три. И тогда обретет собравший их исцеление от всех недугов, бессмертие тела и исполнение единственного желания своего…

Зара замолчала. По моей спине пробежал холодок.

— Если я правильно все понял, убийца девяти беременных женщин должен исцелиться от всех болезней, обрести бессмертие, да еще и одно его желание исполнится?!

Цыганка открыла глаза и потрясла головой, будто стряхивая с себя остатки сна.

— Согласно поверью, именно так. При условии, что сам он в момент убийства будет находиться рядом с жертвой. Чтобы душа неродившегося ребенка переселилась в него.

— Бред! — подытожил я.

Зара пожала плечами:

— Я серьезно отношусь к нашим поверьям, Пал Палыч. Предки не могли просто так, ни с того ни с сего, придумать *такое*… Кто знает: может, и в самом деле бред? А вдруг — мотив?

За окном послышался звук подъехавшей машины и скрип тормозов. Я встрепенулся и вскочил.

— Это, наверное, «скорая» из района. Вот и славно! Сейчас отправим вас с Мишкой в больницу, там его подлечат и будет опять по заборам скакать!

Зара с улыбкой поднялась из-за стола:

— Ну нет, на забор он теперь долго не полезет. Уж я об этом

позабочусь!

Вдвоем мы вышли на крыльцо. Перед домом и впрямь стояла «скорая помощь».

9 сентября, 00.30,
Кобельки, участковая больница

— И запомните: никаких больше мочегонных! — погрозил я пальцем тучной даме лет пятидесяти, местной продавщице.

Та, старательно прижимая сосискообразным пальцем ватку к локтевому сгибу, заныла:

— Так ведь хотелось же вес согнать! Вы только посмотрите на меня — это ж уму непостижимо!

— Согнали? — осведомился я.

Она потупилась.

— Не согнали, — констатация факта, подкрепленная суровыми нотами в моем голосе, прозвучала достаточно жестко. — Зато чуть не ушли в страну вечной охоты!

— Что? — не поняла жертва мочегонного.

— Я говорю, чуть не померли. Еще немного — и повывели бы весь калий из организма. И ваше сердце грустно трепыхнулось бы напоследок, да и остановилось. Потому, как не может оно, сердце, без калия. Ясно?

— Ясно! — вздохнула она. — Но как же похудеть-то? Уж я чего только не перепробовала…

— Увы, мой совет может свестись лишь к двум правилам. Потому, как я не диетолог и большой циник, — развел я руками.

Уже открыв дверь, дама с интересом обернулась:

— Так скажите же, доктор! Что за правила?

— Простейшая физиология: чтобы похудеть, надо меньше кушать и больше какать. Следующий! — через плечо оторопевшей дурочки крикнул я в коридор.

Вместо следующего в кабинет вплыла Мария Глебовна.

— Все, доктор. Больше нет никого!

Дождавшись, пока осчастливленная новым знанием пациентка выйдет на улицу, я торжественно заявил:

— Любого, осмелившегося разбудить меня раньше восьми ноль-ноль утра, заранее объявляю личным врагом!

— Идите отдыхать, Пал Палыч! — улыбнулась акушерка. — Умотались вы за сегодня.

— Да уж… Вы тоже отдохните, Мария Глебовна. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Водные процедуры прошли уже в полусне. Почти не открывая глаз, будто заправский лунатик, я прошествовал из душа в свою палату… пардон, квартиру! И упал на баронову кровать. Сознание тут же отключилось.

Проснулся я от странного чувства. Если попытаться его сформулировать, то получилось бы что-то вроде «если-я-немедленно-не-проснусь-то-пропущу-нечто-очень-важное». Сон улетучился сразу.

Рывком я сел в постели. В комнате был кто-то еще.

— Я поняла, что не могу не прийти! — голосом Али сказал светлый силуэт у двери.

— Ты пришла, когда я понял, что не могу без тебя, — неслышно прошептал я. Даже не удивившись.

Она услышала.

— Я с первой минуты знала, что так будет. Как только открыла глаза здесь, в больнице. Еще не видя тебя.

— А я — знал всегда. Я видел тебя раньше много раз. Во сне.

По интонации Алиного молчания я понял, что она улыбается.

— Ты странный, Паша.

— Ты тоже. Кто ты, Алька?

Бледный силуэт у двери пожал плечами:

— Я и сама не знаю, кто я. Забыл?

Я встал и подошел к ней. Совершенно не стесняясь собственной наготы.

Аля сбросила с плеч казенную простынку и положила руки мне на плечи:

— Ты веришь в судьбу?

— Я верю в нас.

— Как это?

— Знаешь легенду о том, как давным-давно Бог разделил людей на половинки?

— Расскажи! — попросила она.

— Когда-то не было мужчин и женщин. Были просто люди. И однажды Бог решил разделить их на половинки. Каждого. А потом взял, да и перемешал всех. Так люди разделились на мужчин и женщин. И с тех пор ходят они по миру, ищут свои половинки. Очень немногие находят, — я уткнулся губами в теплые волосы и закончил: — Мне повезло: я нашел.

— Мне тоже, — прошептала она и прижалась ко мне.

— Я ждал, что ты придешь. И боялся этого, — признался я.

— Почему — боялся?

— Ты — Мечта. А когда мечты сбываются, они перестают быть мечтами.

— Я уже сбылась?

— Да.

— И перестала быть мечтой?

— Нет.

— Так чего же ты боишься? — в темноте ее улыбка светилась.

— Теперь — ничего.

— Давай сбудем еще одну мечту? — предложила Аля.

— Давай. А какую?

Вместо ответа она надолго прильнула к моим губам своими. Оторвавшись, взяла меня за руку и потянула к бароновой кровати.

— Эту.

…Ночь вместе с нами неслась сквозь время. По стенам плясали тени, жалко передразнивая нас. Мир сузился до размеров бывшей палаты № 6, ныне — моей казенной квартиры, в которую ко мне и явилась моя Мечта.

Она улыбнулась и откинулась на подушки:

— Я и не подозревала, как это чудесно!

— Тебе не было больно? Поначалу?

— Нет. Мне было хорошо. Просто волшебно.

— Ты — не просто Мечта. Ты — Сказка. Так не бывает.

— Так — есть, — Аля тихо засмеялась. — У тебя вид невероятно довольный. Как у кота, который сметаны наелся. Я так и буду тебя звать — Кот.

И потянулась всем телом.

— На себя посмотри: вылитая кошка. А я буду звать тебя Кошкой. Вернее — Котенком. По обстоятельствам.

Она крепко обняла меня, прижавшись всем телом. Будто прощаясь.

— Я люблю тебя, Кот!

— Я люблю тебя, Кошка!

Ночь отступала и возвращалась вновь. То наполняясь бессвязным шепотом губ, ищущих в темноте друг друга, то вновь наслаждаясь звенящей тишиной, нарушаемой лишь нашим дыханием, да сверчками за окном.

…— Интересно, который час?

— Счастливые часов не наблюдают. Зачем тебе время сейчас, Кошка?

— У меня странное чувство… Кот. Будто время остановилось, но в то же время — летит с бешеной скоростью. Понимаешь?

Я прислушался к себе:

— Понимаю. Ты права, Алька.

— Помнишь, я сказала, что с тобой не страшно время?

— Помню. Что это значит?

— Когда тебе очень хорошо, всегда есть страх, что это скоро закончится. Или не скоро, но — закончится. А с тобой мне не страшно.

— Все когда-то кончается, Котенок, — я нагнулся и поцеловал ее.

— Знаю. Но не боюсь.

— Умница. Я с тобой. Мы — вместе. Это главное.

— Кажется, я счастлива, Кот!

— А без «кажется»?

— Счастлива.

— Я тоже, Кошка. Тобой счастлив.

Темнота робко таилась в углах, загнанная туда светом Алиной улыбки. Определенно, в комнате стало светлее. И далекий рассвет тут был ни при чем.

— За твою улыбку можно отдать все! — сообщил я ей.

— Правда? А мне ничего и не нужно. Только тебя.

— Уже.

— Что «уже»?

— Я и так уже твой. От макушки до пяток. С потрохами.

Аля засмеялась и села в постели, критически оглядывая меня:

— Должна сказать, что мое приобретение мне нравится. Даже очень.

— А ты?

— Что?

— Ты — моя? Или мне кажется?

— Не кажется, Кот. Твоя.

— Так иди ко мне…

Она легко соскочила с постели, потянулась и подошла к часам. Я наслаждался чудесным видом. Не часов, разумеется.

— Если верить этим часам, сейчас уже шесть утра.

— Не верь. На них всегда шесть часов. Стоят они.

— Жаль. А почему?

— Механизма нет.

— Жаль… — повторила Аля с неподдельным сожалением. — Такие красивые.

Она открыла дверцу корпуса и тронула маятник пальцем. Тот с готовностью принялся раскачиваться на своем гвозде. Аля закрыла часы, отошла на шаг назад и удовлетворенно констатировала:

— Так-то лучше!

И вернулась ко мне.

Солнце полоснуло по закрытым глазам. Я вскочил и огляделся. Комната была пуста. Постель тоже.

— Неужели приснилось? Не может быть! — пробормотал я, старательно осматривая простыни.

Ничего, ровным счетом ничего не напоминало о ночном происшествии! Да и я чувствовал себя отлично выспавшимся, чего по определению не могло быть, если…

Если бы все было на самом деле!

Тяжело вздохнув, я принялся одеваться. Натягивая футболку, вдруг понял, что в комнате поселился какой-то посторонний звук. Тихий, ритмичный и совершенно невозможный!

Выпростав голову из футболки, я тупо уставился на реликтовые часы. Они тикали. В полной гармонии с раскачиванием тяжелого бронзового маятника.

— Чур меня, чур! — на всякий случай пробормотал я.

Часы на мое заявление никак не отреагировали и упрямо продолжали тикать. Я подошел поближе и открыл корпус. Маятник раскачивался на своем гвозде вопреки всем известным и неизвестным мне законам физики. А стрелки показывали реальное время: 8.15.

— Опупеть! — констатировал я и ущипнул себя за живот. Больно!

Минут пять простояв в полном отупении перед часами и окончательно убедившись в том, что они не собираются останавливаться, я побрел на водные процедуры. Справедливо рассудив, что, умывшись, смогу оценить невероятную действительность более трезво.

В коридоре я нос к носу столкнулся с Алей. Она со страшно деловым видом неслась куда-то со шваброй наперевес.

— Доброе утро, доктор! — улыбаясь, поприветствовала меня девушка, пробегая мимо.

— Доброе… — машинально пробормотал я и тут же опомнился: — Аля!

— Да, Пал Палыч? — остановившись, она обернулась ко мне. Зеленые глаза смеялись.

— Аля, э-э, скажите… — замялся я, пытаясь сформулировать мучавший меня вопрос. Девушка терпеливо ждала.

— Аля, это было? — ляпнул я наконец.

Она подошла ко мне вплотную и очень серьезно ответила:

— Нет, Кот. Это — есть!

Легко провела горячей ладошкой по моей щеке и убежала.

Часть 2
Шерлок Холмс и доктор Палыч

Дотянуться бы песней, но голос
к ней был не готов,
Да и ноты с мотива срывались,
как листья с ветвей.
И шепчу обреченно я странную
песню без слов
Той, которую ветры по праву
считают своей…

Глава 1

29 сентября 1987 года, 17.40,
поселок Ноябрьский, ЦРБ

— Нет, ребята, пулемет я вам не дам! — заявил нам главврач после недолгих раздумий.

— Какой пулемет? — ошалело переспросила Клавдия Петровна.

— Ручной, дисковый, — объяснил я ей. — Фильм такой есть: «Белое солнце пустыни». Это оттуда.

— Точно! — подтвердило начальство.

— Александр Иваныч, так за державу ж обидно! Нам в самом деле нужно это оборудование. Поверьте, я три недели уже в Кобельках, и за это время было восемнадцать — вы только вдумайтесь — восемнадцать случаев, требующих интенсивной терапии! Из них — одна клиническая смерть. И еще в шести случаях события могли развиваться по другому, печальному сценарию! — я перевел дух и грустно закончил: — А у нас нет даже банального дефибриллятора, не говоря уж об ИВЛ, интубационных наборах и мониторах.

— Да-да, Александр Иваныч, — встряла в разговор фельдшерица. — Пал Палычу даже пришлось дефибриллятор из ложек делать!

Я ткнул ее пальцем в бок, но было поздно.

— Из чего делать? — брови начальства недоуменно вздыбились, отчего гигантский колпак подпрыгнул почти до потолка.

— Из ложек! — пискнула Клавдия Петровна и спряталась за меня.

— Эт-то как? — поперхнулся главный.

Я вздохнул и объяснил. Повисла напряженная тишина. После долгой паузы начальство наконец отмерло и осведомилось:

— И помогло?

Я пожал плечами:

— Пациентка выжила.

Александр Иваныч выбрался из своего логова, подошел вплотную ко мне. И принялся таращиться на меня снизу вверх, отчего мне тут же захотелось присесть на корточки.

Налюбовавшись вдоволь, начальство изрекло:

— А знаете что, Пал Палыч? Пожалуй, я выпишу вам все, что вы просите. Иначе, неровен час, в следующий раз вы надумаете ИВЛ из какого-нибудь трактора соорудить. А в разгар уборочной

страды нам этого не простят. В райком затаскают.

— Спасибо, Александр Иваныч! — я расплылся в улыбке.

— Не за что! — буркнул главный и вальяжно прошествовал за свой стол.

Уселся, подтянул к себе мою заявку и поставил на нее размашистую визу.

— Возьмите, отдадите главной сестре, она вам все выдаст. Удачи!

Мы с Клавдией Петровной попрощались и направились к выходу.

— Пал Палыч! — окликнул меня главный, когда я уже взялся за ручку двери.

Я обернулся.

— А вы молодец. Надо же — дефибриллятор из ложек! Это ж фантастика просто!

— Фантастика, конечно, — согласился я. — Вот только автора не помню. То ли Кларк, то ли Стругацкие.

И, не дожидаясь, пока озадаченное начальство придет в себя, выскочил за дверь. Мало ли, вдруг еще передумает.

Мы уже почти загрузили «уазик» отвоеванным оборудованием, когда в больничный двор въехал знакомый милицейский «воронок».

— Здравия желаю, лейтенант! — поприветствовал я выпрыгнувшего из машины Семена Михалыча.

— Здорово, Палыч! — он крепко пожал мне руку. — Клавдия Петровна, я вашего доктора заберу?

— А что он натворил? — из салона высунулась озабоченная фельдшерица.

Кешка тоже выкарабкался из кучи коробок и молча уставился на нас.

— Пока ничего. Я для профилактики, — рассмеялся лейтенант.

— Ну, тогда забирайте! — великодушно разрешила Клавдия Петровна.

Я вопросительно поглядел на Семена:

— Случилось что-то?

— Случилось. Новая покойница. Шестая.

— Седьмая, — поправил я его.

Лейтенант недоуменно посмотрел на меня. Я пояснил:

— Об одной ты не знаешь.

— А тебе-то откуда известно? — Семен озадачился еще больше.

— Известно. Аля сказала.

После недолгой паузы, в течение которой участковый беззвучно открывал и закрывал рот, он опомнился:

— Ладно, потом расскажешь в подробностях. А сейчас пошли: совет держать будем. С Абрамом Мееровичем.

— А это кто?

— Вот и познакомитесь. Мудрейший человек! Ты своих-то отпусти, я тебя потом сам отвезу.

Я раздал ценные указания персоналу и вслед за участковым направился к приземистому одноэтажному зданию, притаившемуся в самом дальнем углу больничного двора.

«Мудрейший человек» оказался старым патологоанатомом.

— Здравствуйте, Пал Палыч, рад вас видеть! Наслышан, наслышан уже о вас! Давно хотел повидаться, да все как-то оказии не было.

Старичок был необычайно бодр и свеж для своих лет, которых, по моим скромным прикидкам, ему набежало очень даже немало.

— Рад познакомиться, Абрам Меерович! — я осторожно пожал сухонькую ладонь и с немалым удивлением ощутил весьма крепкое ответное пожатие.

— Коньячку? — Абрам Меерович скорее констатировал, чем спрашивал.

— Я за рулем, — с заметным сожалением открестился лейтенант. — Это вы уж с Палычем как-нибудь.

— Можно и коньячку, — пожал я плечами.

— Тогда милости прошу за стол! — старик провел нас в свой кабинет, невесть откуда извлек бутылку и ловко разлил в две стопочки коричневую жидкость.

Терпеливо дождавшись, пока мы осушим стопки, Семен начал военный совет:

— Палыч, ты пока не в курсе. Сегодня утром в Антоновке обнаружили еще одно тело. Покойница тоже была беременна.

— Причина смерти? — поинтересовался я.

— В том-то и дело, что выбивается из прежнего сценария. Самоубийство. Если точнее, то — повешение…

— Позволю себе не согласиться, милейший Семен Михайлович! — перебил его патологоанатом, старательно разливая очередную порцию коньяка.

Мы вопросительно уставились на него.

— Это — не самоубийство! — торжественно заявил Абрам Меерович.

— А что? — в один голос спросили мы.

— Убийство, господа, убийство. Повесили несчастную уже после смерти.

— Уверены? — недоверчиво поинтересовался Семен.

— Голубчик, я в этом скорбном месте проработал тридцать лет. Уж поверьте, могу отличить смерть от повешения от таковой по другой причине! — невесело усмехнулся патологоанатом.

— «Другая причина» — это какая?

— Покойнице банально свернули шею, — как-то буднично поведал старик и опрокинул в рот свою стопку.

Лейтенант выругался, вскочил и принялся нервно расхаживать по кабинету. Я поймал его за штанину:

— Семен, и что? По-прежнему никаких следов?

— Абсолютно никаких! Осмотрели все — тщательнее некуда! Следственная бригада приезжала, как и положено на суициды. И вот ведь какая закавыка-то еще: окна и дверь были закрыты изнутри! Никаких следов взлома. Дверь нам уже пришлось вскрывать, когда сестра убитой милицию вызвала.

— Это что же получается, убийца каким-то образом возник внутри дома, свернул жертве шею, повесил ее и таким же таинственным образом улетучился?! — я не верил своим ушам. — Это же бред полный!

— Бред! — согласился Семен, высвободил из моих рук штанину и вновь принялся носиться по кабинету.

Патологоанатом вздохнул и налил себе еще коньяку.

— Ты думаешь, эта смерть — из того же ряда, что и предыдущие? Все-таки три недели прошло, как все затихло. Да и сама смерть не вписывается в прежнюю схему: раньше-то несчастные случаи были, а сейчас — явное убийство, пусть и замаскированное, — с сомнением нарушил я затянувшуюся паузу.

— Так-то оно так… Знаешь, Палыч, я почти уверен, что это — продолжение серии. Да, сценарий другой. Но смотри: как не было никаких следов убийцы, так их и нет. А это — само по себе характерно, знаешь ли… Опять же — основной объединяющий признак жертв — все они были беременны, — лейтенант прекратил метания по комнате и тяжело плюхнулся на свой стул. — Нет, док, это работа одного и того же парня.

— Почему же обязательно «парня»? — вскинулся патологоанатом. — Помните, Семен Михалыч, мы с вами уже когда-то обсуждали тему возможной половой принадлежности убийцы.

— Обсуждали, помню. Но, учитывая сегодняшний случай, — это мужчина.

— Да почему же?

— А вы можете представить себе женщину, которая легко сворачивает человеку голову? Уверяю вас, без соответствующей подготовки это не так-то просто!

— А если предположить, что есть такая подготовка? — не унимался старик.

— Баба-спецназовец? — усмехнулся участковый. — Вот это уж точно бред!

— Ну, почему же обязательно спецназовец? — пришел я на помощь Абраму Мееровичу. — Может, она просто самбо занималась. Или каратэ… Не знаю, правда, в какой борьбе есть такой прием, чтобы шею сломать?

— Нет, друзья мои, придумывать вы, конечно, горазды, но наш загадочный убийца — мужчина! Зуб даю, — безапелляционно заявил лейтенант.

— Ладно, сейчас это не принципиально. Делать-то что? Твое начальство так и открещивается от возбуждения уголовного дела? — поинтересовался я у него.

— Ну уж нет! Теперь-то мы имеем дело с очевидным убийством, если верить Абраму Мееровичу. А я ему верю.

Патологоанатом благосклонно кивнул Семену и маханул очередную стопку.

— Так что теперь не отвертятся: это дело будет раскручиваться по полной программе. Но сильно подозреваю, что только это. От серии в районе и области будут отбиваться руками и ногами, — грустно закончил лейтенант.

— А нам-то что сейчас делать? — спросил я.

— Думать. Думать, Палыч. Мне ваши с Абрамом Мееровичем мозги нужны.

Патологоанатом крякнул.

— Последняя фраза в этих стенах звучит несколько буквально, милейший Семен Михалыч! — пробурчал он и указал рукой на застекленный шкаф, в котором рядами выстроились банки с заспиртованными органами. В том числе и с мозгами.

Лейтенант передернул плечами:

— Шуточки у вас, доктор!

— Работа такая! — виновато развел руками старик.

— Так вот, товарищи, давайте думать! Потому что у меня уже весь мозг скособочился, а версий как не было, так и нет.

— От чего плясать будем? Классика жанра — искать кому это выгодно? — поинтересовался я.

Патологоанатом кашлянул. Мы уставились на него.

— Предлагаю подумать о том, как убийца выходит на беременных женщин. Мне кажется, так мы сможем вернее его вычислить. Да и быстрее.

— То есть? — заинтересовался Семен.

— Объясняю. Видите ли, отнюдь не во всех случаях жертвы были на поздних сроках беременности. То есть когда уже имеет

место быть большой живот. Более того, таких, помнится, было подавляющее меньшинство, — начал рассуждать Абрам Меерович. — Отсюда вопрос: каким образом убийца вычислял беременных на ранних сроках?

Мы с лейтенантом ошалело переглянулись: а ведь прав старик!

— Точно! Значит, надо искать того врача, у которого все жертвы наблюдались и состояли на учете! — встрепенулся я.

— Или акушерку, — мрачно заметил Семен.

Клацнув зубами, я захлопнул рот. Акушерка!

— Насколько я понимаю, все погибшие женщины наблюдались в вашей больнице, Пал Палыч? — тихо спросил патологоанатом.

Я молча кивнул, пытаясь принять совершенно неожиданную версию. Она упорно не осознавалась.

Мария Глебовна?! При всем желании я не мог представить себе ее в роли убийцы. Или наводчицы.

— Палыч, ты сможешь поднять архивы и уточнить, все ли погибшие наблюдались у Марьи? У Марии Глебовны то есть? — поинтересовался Семен. Вид у него тоже был убитый.

Я кивнул.

— Смогу, конечно. Если список дашь. Но… не знаю, этого просто не может быть!

Лейтенант невесело усмехнулся:

— Поверь мне, может быть *все*! Хотя, если честно, я тоже не верю, что Машка замешана в этом. Просто в голове не укладывается!

— Вот и у меня тоже! — согласился я.

— Стоп! Смурякову помнишь? Ну, которую вы с Кешкой в озере нашли? — встрепенулся Семен.

— Помню, конечно.

— Она-то уж точно у Марьи не наблюдалась! Потому, как в городе жила. К родителям как раз приехала, когда ее утопили!

— Ну да, точно! Значит…

— Да ничего это не значит! — вклинился в наш диалог патологоанатом. — У этой… как вы сказали? Смуряковой? Не важно: у женщины, утонувшей в озере, был уже приличный срок беременности. Точно не помню, но восьмой-девятый месяц, не меньше. Она даже родила в агонии, если вы не забыли.

Я поежился. Такое не забудешь!

— Стало быть, живот у нее был большой и вполне очевидный. Убийца мог просто случайно увидеть ее, догнать и утопить, — продолжил мысль Абрам Меерович. — Так что, друзья мои, тот случай никак не исключает причастности вашей акушерки к

убийствам. Как бы вам этого не хотелось.

Мы с лейтенантом понурились. Старик опять был прав.

— Ладно. Палыч, как договорились: список жертв я тебе дам, а ты проверишь архивы. Дальше — по обстоятельствам. С этим решили, — стукнул ладонью по столу участковый.

— Меня все-таки очень интересует мотив убийств. Или мотивы, — задумчиво протянул патологоанатом. — У кого-нибудь есть идеи по этому поводу?

Повисла тишина. Идей явно не было. Хотя…

— Ну, если уж у нас идет мозговой штурм, надо выдавать на-гора любые версии, даже самые невероятные. Верно? — спросил я.

— Разумеется. Тем более что в этом невероятном деле иных версий и быть не может. По определению, — согласился со мной Абрам Меерович, печально глядя на почти опустевшую бутылку.

— Тогда слушайте. Недавно мне рассказали о жутковатом поверье…

В нескольких словах я передал слушателям рассказ цыганки. Минут пять после его окончания в комнате было тихо.

— А что, чем не мотив: железное здоровье, бессмертие, да еще и одно желание в придачу?! — криво улыбнулся лейтенант.

— М-да… интересное поверье! Никогда не слышал ничего подобного, — задумчиво произнес патологоанатом. — По моим ощущениям, это даже на цыганский-то фольклор мало похоже. Скорее что-то из средневековой Европы…

— Чем богаты… — я развел руками.

Семен взъерошил пятерней волосы и заявил:

— Ладно, совсем уж мистические версии мы пока рассматривать не будем. А что касается мотива — то его ведь может и вовсе не быть… Вдруг мы имеем дело с каким-то параноиком-шизофреником, который просто вбил себе в голову, что надо истребить всех беременных в округе? Вот и истребляет. Нет, товарищи мои дорогие, давайте-ка двигаться по намеченному пути. Проверяем Марью, а там уж, в зависимости от результатов, будем думать дальше. Принимается?

— Угу! — нестройно промычали мы с Абрамом Мееровичем.

— Вот и отлично! Голосовать не будем, — лейтенант встал из-за стола и протянул руку патологоанатому. — Все, Абрам Меерович, позвольте откланяться. Темно уже, а нам еще до Кобельков надо доехать. Спасибо за ценные подсказки: за мной должок!

— Вы лучше маньяка поймайте, Семен Михайлович, — пробурчал старик, с трудом выкарабкиваясь из-за стола и пожимая руку участковому.

— Поймаем. Обязательно поймаем, — очень серьезно пообещал тот.

Не знаю, как Абрам Меерович, а я поверил. Этот — поймает.

29 сентября, 21.35,
Ноябрьский район

— Оксанка, езжай-ка ты все-таки к сестре в Челябинск! — с трудом перекрывая свист встречного ветра, прокричал Антон.

— Тошка, мы уже это обсудили, разве нет? — Оксана кричала в самое ухо мужу, крепко прижимаясь к его спине.

Мотоцикл мчался по грейдеру, нещадно трясясь и подскакивая. Луч света от фары плясал в месте с ним, время от времени выхватывая из темноты несущуюся навстречу дорогу. Женщине приходилось до боли в пальцах цепляться за скользкую кожанку сидящего впереди мужа.

— Обсудить-то обсудили, но… Ты езжай. Так будет лучше. Да и мне спокойнее! — не унимался тот.

— Антон, три недели прошло! Со мной все в порядке. Да и никто больше не погибал. Не паникуй!

— Я не паникую. Но ты все-таки поезжай. Месяц-другой погостишь там, а потом, когда все здесь утрясется, я тебя заберу.

— Сдурел?! Да я там свихнусь уже через неделю! Какие «месяц-другой»?! А ты тут как же без меня? А работа? — от возмущения Оксана едва не свалилась со своего сиденья.

— За меня не беспокойся, не пропаду. А что касается работы… так у тебя в твоей конторе отпусков за сколько лет накопилось? Вот и отгуляешь хотя бы половину.

— Да не хочу я отгуливать в Челябинске! Чего я там не видала? Лучше следующим летом на те же два месяца на море поехать. В Крым, к примеру!

— Ксюха, у меня душа не на месте, правда! Я ж тогда, когда твою шляпу в озере нашел — думал, помру тут же! Или свихнусь! Боюсь я за тебя, понимаешь? Боюсь! — в сердцах Антон добавил газу.

Мотоцикл рыкнул и прыгнул вперед. Оксана вцепилась в бока мужа:

— Ты чего?! Аккуратнее езжай! Нас тут трое, забыл?

— Извини! — опомнился он, сбрасывая скорость.

— Тошка, да ты не бойся, ничего со мной не случится! Я и так уже никуда почти из дому не выхожу. В лодке не плаваю, к озеру — ни ногой! Ну, пожалуйста, не отсылай меня в Челябинск! — умоляюще прокричала она и легко укусила мужа за ухо.

— Ай! Ксюха, ты чего кусаешься?!

— А ты чего меня в ссылку отправляешь? Холостым походить хочешь? Не выйдет!

— Да ну тебя! — Антон замолчал и сосредоточенно уставился на бегущую под переднее колесо дорогу.

— Обиделся? Ну и зря: я же любя!

Ответить Антон не успел. В световом пятне, бегущем впереди, внезапно возникла огромная человеческая фигура. Антон рванул руль, уводя мотоцикл влево, но переднее колесо уже встретилось с неожиданным препятствием.

Машина будто споткнулась. Невидимая рука с огромной силой швырнула Оксану сначала в спину мужа, оказавшуюся неожиданно больно-жесткой, а потом и вовсе вырвала из седла и метнула далеко вперед, в темноту. От удара о землю женщина на миг потеряла сознание.

Тут же очнувшись, она услышала жуткий клокочущий хрип. Хрипел Антон.

— Тошка! — позвала Оксана. — Тошка, ты живой?

Только хрип в ответ. Чувствуя, как в грудь заползает страх, женщина попыталась встать. К ее удивлению, получилось. Только сильно болел ушибленный бок и жутко кружилась голова. Пошатываясь, в кромешной темноте она побрела к мужу, ориентируясь на звук.

— Тошка, ты чего? Расшибся, да? — едва не споткнувшись о лежащего Антона, робко спросила Оксана.

Молчание. Только рвущий душу хрип.

— Тошка, миленький, не молчи! Ответь хоть что-нибудь, ну пожалуйста! — женщина присела на корточки, ощупывая тело мужа. Ее пальцы тут же стали мокрыми и липкими.

Из-за облака выглянула луна. Ее неживого света хватило на то, чтобы разглядеть лежащего.

— Тошка! — в отчаянии закричала Оксана.

Муж лежал в неловкой, невозможной позе. Обе руки оказались вывернуты под каким-то неправильным углом. А голова…

Антон лежал лицом вниз. Уткнувшись носом в центр большой темной лужи. Она на глазах становилась все больше и больше…

Оксана всхлипнула. Ужас придавил ее, отобрав дыхание.

— Тошка, миленький, потерпи, я сейчас! Сейчас…

Но что именно «сейчас», женщина не представляла. Она беспомощно огляделась: свет неполной луны вырывал из темноты лишь небольшой участок дороги, в центре которого лежал Антон. Что творится за обочиной — уже было не разглядеть.

Оксана осторожно тронула хрипящего мужа за плечо. Тот никак не отреагировал.

— Господи, что же делать-то?! — прошептала она.

Кажется, в таких случаях трогать пострадавшего ни в коем случае нельзя. До приезда врачей. Вот только где ж их тут взять-то, врачей?!

Оксана еще раз огляделась. В пылу спора с мужем она совершенно не следила за дорогой. И теперь решительно не могла понять, где находится. Если судить по времени, которое они затратили на дорогу, до Кобельков оставалось еще километров пять-шесть. Вряд ли больше.

Оставить Антона здесь, а самой бежать за помощью? Час, не меньше, ей придется добираться до поселка. Потом еще минут двадцать — обратно, на больничной машине. Выходит — почти полтора часа! И все это время Антону придется лежать тут, уткнувшись носом в лужу собственной крови.

А что еще делать? Одна она ничем мужу помочь не сможет. Сидеть тут в надежде, что мимо кто-нибудь проедет? Так ведь можно всю ночь просидеть — и не дождаться. Как же быть-то?

Сзади послышался шорох. Оксана обернулась — и оцепенела.

Из придорожного кювета медленно поднималась темная фигура. В неярком свете луны она казалась огромной. Поднявшись на ноги, незнакомец замер.

Господи, как же она забыла! Тот человек, на которого они наткнулись! Это же он сейчас стоял в каких-нибудь десяти шагах от нее.

— Вы… вы в порядке? — робко спросила Оксана незнакомца.

И тут же вспомнила, с какой силой мотоцикл врезался в него. Какое уж тут «в порядке»!

Но — вот ведь, что странно: незнакомец стоял теперь перед ней как ни в чем не бывало. Будто и не было удара, развалившего мотоцикл и почти убившего Антона!

— Вы целы? — изумилась вслух женщина. — Вы можете мне помочь?

Все так же молча темный силуэт сделал шаг вперед. К ней, к Оксане.

Внезапно она ощутила мощный прилив страха. Но не такого, который испытывала минуту назад, глядя на мужа. Новый страх был другим: Оксана испугалась за себя — до дрожи, до подгибающихся коленок.

— Кто вы?! Как вы тут оказались? Что вам нужно? — дрожащим голосом выкрикнула женщина.

Вместо ответа незнакомец сделал еще шаг вперед.

— Не надо, не подходите ко мне! — истерично заголосила Оксана. — Не подходите, а то… — и осеклась, поняв внезапно, что никакого такого «а то» не будет.

Ночь. Степь. Странный и страшный человек, выступивший из темноты. Антон, лежащий без сознания и истекающий кровью. И она сама — абсолютно беззащитная перед неожиданной угрозой. Что она может сделать?! Да ничего! Если только — бежать? Бежать сломя голову в лес, темнеющий на фоне светлого неба в сотне метров от дороги? Оставив Антона?

Будто услышав ее мысли, муж захрипел еще громче.

— Тошка! — всхлипнув, женщина потянулась было к нему, чтобы перевернуть, но тут же испуганно убрала руки. Вспомнила, что — нельзя.

— Теперь-то никуда не денешься! — темная фигура приблизилась еще на шаг.

Оксану затрясло. То, *как* это было сказано, не оставляло никаких сомнений в намерениях незнакомца. Она поднялась на ноги и, пятясь, стала медленно отходить в сторону темнеющего неподалеку леса.

Страшный пришелец двинулся за ней. Не торопясь, даже не пытаясь сократить расстояние до своей жертвы.

— Кто вы?! — еще раз спросила Оксана.

Молчание в ответ. Только эхо мячиком проскакало по дороге и умерло где-то в лесу.

— Никуда не денешься! — повторил незнакомец и засмеялся.

Странный это был смех. Утробный, гулкий: будто в бочку. И странно-знакомый. Вот только где она слышала его, Оксана припомнить не могла.

Она продолжала пятиться. А человек из темноты — наступать. Вот он уже подошел к хрипящему на земле Антону — и просто переступил через него, будто через бревно.

Оксана тоскливо взглянула на едва различимый в темноте, лежащий на дороге силуэт мужа, развернулась — и побежала в лес. Сзади тут же затопали тяжелые шаги.

Она мчалась сквозь темноту, не чуя под собой земли. Мчалась в никуда; что там, в лесу, куда бежать дальше — женщина не представляла. Да это и не важно было, главное: прочь, прочь от того, кто тяжело бежал сзади! Лишь бы не споткнуться, не упасть!

Оксана ворвалась в лес и запетляла между деревьями, тут же потеряв всякую ориентацию. Вокруг были совершенно одинаковые темные стволы сосен, между которыми — ни просвета, лишь вязкая чернота. Да еще и луна основательно забаррикадировалась облаками, явно не собираясь выглядывать из-за них в ближайшее время.

Несколько минут женщина просто бежала, куда глаза глядят. Вернее, куда ноги несут, потому что глаза в этой кромешной тьме

никакой роли не играли.

Наконец задохнувшись от неистового бега, Оксана остановилась. И попыталась прислушаться. Не получалось: ее собственное громкое дыхание, казалось, слышно было по всей округе.

Опершись руками о смолистый сосновый ствол, Оксана с трудом перевела дух. Задышав наконец спокойно, она принялась слушать тишину.

Ничего. Лишь обычный для ночного леса набор: далекий крик какой-то ночной птицы, легкое шуршание ветра, запутавшегося в ветвях, едва различимый шум запоздалой машины…

Машины?! Оксана затаила дыхание и прислушалась: ну да, точно, ветер доносит натужный рокот двигателя. И этот звук — приближается!

— Тебе не уйти, дрянь! — глухо сообщила ночь за ее спиной.

Оксана резко обернулась — ее страшный преследователь стоял в каких-нибудь трех метрах от нее. Собственно, его самого женщина не видела — лишь сгусток темноты.

Взвизгнув, она сломя голову помчалась на звук приближающейся машины.

29 сентября, 21.47,
Ноябрьский район

— Кстати, Палыч, а что ты там говорил насчет того, что об одной жертве я не знаю? — вспомнил вдруг лейтенант.

Милицейский «воронок», старательно урча двигателем, неторопливо вез нас по грейдеру. Семен пристально вглядывался в темноту впереди: дорога, разумеется, не освещалась.

— Мне Аля говорила, что на самом деле жертв было не шесть, а семь. И что об одной из них — самой первой — ты не знаешь, — пояснил я.

— А она откуда знает?

Я пожал плечами. Откуда у Альки появляется знание некоторых вещей, я и сам хотел бы знать:

— Просто знает — и все. Это ее слова.

Лейтенант помолчал немного. А потом неожиданно изрек:

— Она у тебя — необыкновенная. Ты береги ее, Палыч!

— Берегу. И буду беречь! — серьезно пообещал я.

…Аля перебралась ко мне в тот же день. Вернее, в тот же вечер. Я даже не удивился, обнаружив ее, уютно свернувшейся калачиком в большом старом кресле под ожившими часами. Просто иначе и быть не могло.

С минуту я любовался дремлющим чудом. Потом присел рядом и шепнул ей на ухо:

— Привет, Котенок!

Она открыла глаза и улыбнулась:

— Привет, Кот! А я к тебе переехала.

— Умница! Если бы ты не переехала, я бы тебя переехал сам.

Аля засмеялась:

— А у тебя еще будет такая возможность… ночью!

— Ах, развратница! — я ткнулся лицом в ее ладони. — Алька, как хорошо, что ты здесь! Ты не сон?

— Нет. Я — мечта. Забыл?

Я поднял голову и встретился взглядом с зелеными смеющимися глазами.

— Я тебе рада, Кот! — просто сказала она.

Самым удивительным (после самой Альки, конечно!) во всем этом оказалась реакция моего персонала. Честно говоря, я немного побаивался неизбежных, как мне казалось, шушуканий за спиной, слухов, сплетен и прочих мелких «радостей». Так вот, не было ни-че-го!

Алю сразу же и безоговорочно приняли в качестве… моей жены, что ли?! Да, пожалуй, это самое верное определение. И, что характерно, мне это ее качество очень даже нравилось. Настолько, что я начал задумываться о том, как перевести статус фактический в официальный. Задача осложнялась отсутствием у Али каких бы то ни было документов. Но в этом непростом вопросе обещал помочь Семен.

И вот уже три недели я пребывал в блаженном состоянии, именуемом счастьем. Со мной рядом была Алька.

Мое чудо. Моя Кошка. Мое все.

Но в одном своем предчувствии Аля все-таки ошиблась: готовить она совершенно не умела!

Но училась.

— Что за…?! — выругался вдруг лейтенант, подавшись вперед.

— Ты чего?

— Бежит кто-то! Вон, справа, гляди! Из леса, — озадаченно сообщил Семен и ударил по тормозам.

«Уазик» проскрипел шинами по гравию и остановился. Мы выскочили из машины.

— Помогите! — донеслось от леса. Крик был женский.

С той стороны кто-то бежал.

Смутный силуэт, едва светлее деревьев, служащих фоном,

определенно двигался в нашу сторону.

Участковый вытащил пистолет из кобуры и, помедлив немного, взвел курок:

— Палыч, ты тут постой, а я проверю, что там! — и принялся спускаться с дорожной насыпи.

— Я с тобой! — крикнул я вслед и тоже прыгнул вниз.

Мы помчались навстречу бегущей женщине.

— Помогите! — еще раз крикнула та.

— Мы идем! — гаркнул в ответ лейтенант и прибавил ходу.

Я с трудом поспевал за ним, путаясь ногами в полегшей осенней траве.

Наконец мы добежали.

— Оксана?! — ошеломленно воскликнул Семен.

Перед нами, тяжело дыша, и в самом деле стояла Оксана. Жена Антона Иваныча, которая чудесным образом в свое время спаслась от таинственного убийцы беременных женщин.

— Оксана, ты как здесь? Что случилось? Где Антон? — убрав пистолет и схватив женщину за плечи, допытывался лейтенант.

Вместо ответа та ткнулась лицом в его грудь и громко, навзрыд, заревела.

— Тошка… Мы ехали… Там человек был… Большой такой… Разбились… Антон умирает! — бессвязно бормотала Оксана.

— Как умирает?! Где?! — в один голос воскликнули мы с Семеном.

— Там, на дороге… я не знаю, где! Я заблудилась… за мной тот гонится!

— Кто гонится? Ксюха, говори толком! Кто за тобой гонится? Где Антон? Что с ним? — встряхнул ее лейтенант.

Женщина всхлипнула:

— Антон разбился! Он там, на дороге остался, без сознания…

— Живой? — уточнил я.

— Живой… только без сознания и хрипит. Страшно так! А я хотела за помощью бежать, когда тот появился…

— Кто «тот»? — это уже лейтенант.

— Человек… Мужчина, огромный такой. Он вдруг на дороге появился, прямо перед мотоциклом. Мы в него врезались! — выкрикнула Оксана и вновь уткнулась в грудь Семена.

— А он что? Не отвлекайся, продолжай! — прикрикнул он на рыдающую женщину.

— А он — цел, будто ни в чем не бывало! Мы на него прямо наехали, Тошка разбился, а он — цел! — Оксану била крупная дрожь.

— Дальше, дальше говори! — поторопил ее лейтенант.

— А что «дальше»? Дальше я только собралась в Кобельки за

помощью бежать, как он вылез из канавы — и за мной погнался. «Теперь, — говорит, — от меня не уйдешь!»

— Он так и сказал — «теперь»? — переспросил Семен.

— Ага! Я от него в лес убежала, думала — оторвалась. А он — тут как тут! Я опять — бежать. Услышала вашу машину, побежала на звук. Вы меня встретили. Все! — закончила Оксана, размазывая по щекам слезы.

— Надо срочно ехать к Антону! — вклинился в разговор я. — Судя по рассказу, состояние у него тяжелое.

— Оксана, тот человек… Он до последнего гнался за тобой? — тихо спросил лейтенант.

— Да, — всхлипнула она и оглянулась. — Ой, вон, вон он стоит!

Мы посмотрели туда, куда показывала женщина. Метрах в двадцати от нас и в самом деле виднелся темный человеческий силуэт!

Семен вырвал пистолет из кобуры. Звонко щелкнул взводимый курок:

— Эй, там! Поднять руки и медленно идти ко мне!

Тень перед нами шевельнулась. Но рук не подняла и к нам не пошла.

— Повторяю: приказываю поднять руки и медленно идти ко мне, — голос лейтенанта звенел.

Незнакомец глухо засмеялся и пошел на нас. Рук не поднял.

— Руки вверх! — крикнул участковый.

Тень ускорила шаг.

— Руки вверх! Стоять! Стрелять буду! — предупреждение прозвучало серьезно.

Но странный ночной гость не внял. Теперь он почти бежал к нам, расстояние мигом сократилось вполовину.

Грохот выстрела распугал тишину. Лейтенант выстрелил в воздух и теперь опускал пистолет, выцеливая надвигающегося маньяка. В том, что это был именно он, лично я не сомневался.

Тень приблизилась к нам почти вплотную. Уже можно было понять, как огромен этот человек.

— Стреляю на поражение! — буднично предупредил участковый.

Наш визитер сделал еще шаг…

Опять выстрел. Второй. Третий.

Тень дернулась три раза. Раздался звериный рык, переходящий в протяжный вой, наполненный болью. Темный силуэт покачнулся и… исчез!

Совсем исчез! Только что стоял перед нами, завывая, качаясь и готовясь упасть — и в следующее мгновение растаял.

Мы с лейтенантом синхронно открыли рты и переглянулись.

— Ты видел? — на всякий случай спросил я.

— Видел! — подтвердил Семен. — Может, упал?

Я пожал плечами:

— Надеюсь. Пошли, посмотрим?

Не пряча оружие, лейтенант осторожно приблизился к тому месту, где только что стоял незнакомец. Мы с Оксаной остались на месте.

— Нет здесь никого! — констатировал участковый, посветив фонариком под ноги. — Но трава примята, стоял кто-то.

— Куда он делся? — прекратив всхлипывать, дрожащим голосом спросила Оксана.

— Понятия не имею! — мрачно ответил лейтенант.

Я почувствовал, как по моей спине прохаживается жуткий холод.

— Семен, мы ведь оба видели, как он исчез?

Участковый присел и потрогал руками траву.

— Видели, — пробурчал снизу.

Я подошел и присел рядом:

— Слушай, я никогда не верил во всякую чертовщину, но теперь, кажется, готов поверить…

— Ага. Особенно, если вспомнить то, что рассказывала Оксана о случае на озере. Как кто-то молотил снизу в днище лодки. Мы тогда решили, что это ей со страху показалось… Похоже, и не показалось вовсе, — задумчиво произнес участковый.

— Семен, надо ехать к Антону! — напомнил я.

— Да-да, конечно, поехали к Тошке скорее! — подхватила сзади Оксана.

Мы побежали к машине.

Антона Иваныча мы обнаружили совсем рядом, и километра не проехали. Бегло осмотрев его, я понял, что дело плохо: открытая черепно-мозговая травма, вероятно, поврежден позвоночник, сломаны обе руки и, кажется, левое бедро. Кроме того, очень беспокоило хрипящее дыхание Антона, что-то мешало воздуху свободно проходить в дыхательные пути.

— Что делать будем, Палыч? — нетерпеливо спросил лейтенант, подсвечивая мне фонарем.

— Он нетранспортабелен! — констатировал я. — По крайней мере, в твоей машине мы его не повезем. И в нашей, больничной — тоже. До ЦРБ не довезем — растрясет. Да и ничем ему там не помогут: тут нейрохирурги нужны, а они — только в области.

Оксана в сторонке тихонько завыла.

— Тихо! — прикрикнул на нее Семен и вновь повернулся ко

мне. — Так что? Выход же должен быть какой-то?!

— Единственный вариант — вызвать санавиацию из области. Загрузим в вертолет и через час, максимум, Антон уже будет на операционном столе, — предложил я. — У тебя же есть рация в машине?

Лейтенант кивнул и потянул меня за собой:

— Пошли! Я свяжусь с Нероградом, а ты объяснишь ситуацию.

…Уже через несколько минут все было улажено. К нам из областной больницы вылетела реанимационная бригада. По моим прикидкам, здесь вертолет должен был быть минут через тридцать — сорок.

— Семен, надо бы костер разжечь. И побольше! — заявил я.

Участковый удивленно посмотрел на меня:

— Зачем это?

— Темно ведь, ни зги не видно! Как нас тут найдут-то? Ориентир нужен, — пояснил я.

— Точно! — хлопнул себя по лбу лейтенант. — Вот что, Палыч, ты тут с Антоном оставайся, а мы с Оксаной пойдем костер организуем.

— Погоди! — остановил я его. — Иваныч дышит плохо. Если вдруг перестанет, я ничего сделать не смогу. Надо бы его перевернуть.

— А разве можно? — с сомнением протянул Семен.

— Вообще-то, нет. Но в данном случае — можно и нужно. Переворачивать будем все вместе: так, чтобы части тела не смещались относительно друг друга. Понятно?

— Примерно. Будешь руководить процессом! — принялся распоряжаться Семен. — Ксюха, хватит рыдать, этим не поможешь! Иди сюда, Антона надо перевернуть.

Она робко подошла, всхлипывая.

— Оксана, вы беритесь за ноги. Семен, на тебе — туловище. Я буду фиксировать голову и плечи. Сначала поворачиваем его на правый бок. По команде, все вместе. Потом — на спину. Опять же, все вместе. Это главное: чтобы все вместе! Ясно? — попытался объяснить я.

Они покивали и что-то промычали.

— Отлично. Беритесь. На счет «три» поворачиваем его на правый бок. Вот на этот, — на всякий случай я показал.

Мои помощники ухватились за вверенные им части тела.

— Раз! Два! Три! — скомандовал я.

Мгновение — и пострадавший лежит на боку. Заботливо придерживая голову и плечи, я оценил результат: отлично, смещений вроде не было.

— Продолжаем! Перехватитесь удобнее — и на спину. Тоже на счет «три»!

Перевернули наконец. Теперь Антон Иваныч лежал лицом вверх. Все его лицо было залито кровью.

— Тошка! Господи, да за что же!.. — тихонько заскулила Оксана.

Я осторожно потрогал шею Антона. Кажется, мои наихудшие подозрения оправдались: перелом хрящей гортани!

— Вот черт! — не сдержался я.

— Ты чего? — прошипел на ухо лейтенант.

— Семен, ты можешь связаться с нашей больницей? В приемном есть рация.

— Могу, конечно! А зачем?

— Мне нужны инструменты. Причем срочно. Антону трахеостомию делать надо.

— Чего?!

— Дырку в трахее. А в нее — трубку поставить. Чтобы дышал свободно, — как мог, объяснил я. — Свяжись с моими и скажи, чтобы с машиной передали «дежурный чемоданчик». Там набор есть. Все понял?

— Есть! — отрапортовал Семен и метнулся к «уазику».

Но через пару минут вернулся удрученный.

— Ну?

— Не получится. Кешку найти не могут, а кроме него никто машину не водит. Да и ключи у него, — пояснил лейтенант.

— Хреново… — констатировал я.

Будто соглашаясь со мной, Антон захрипел громче и чаще. Тональность хрипа изменилась, он все больше и больше походил на свист. А это могло означать лишь одно: просвет поврежденной гортани неумолимо сужался из-за ее нарастающего отека. И вот-вот закроется совсем, полностью прекратив доступ воздуха в легкие. Времени почти не оставалось!

— Семен, срочно нужен нож! Очень острый. И трубка, с полсантиметра в диаметре и длиной пять — десять сантиметров! — озадачил я лейтенанта.

Он понял все с полуслова, кивнул и опять побежал к машине. Почти сразу же вернулся:

— Этот подойдет?

На раскрытой ладони лежал большой сапожный нож: просто заточенная с одной стороны под острым углом металлическая полоса. Рукоять импровизированного ножа была весьма небрежно обмотана изолентой. Выглядела вся конструкция необычайно острой.

— Подойдет! А трубка?

Семен развел руками:

— Трубку не нашел.

Я на секунду задумался. И меня осенило:

— У тебя ручка есть? Обычная, шариковая? Пластмассовая?

— Есть.

— Развинти на половинки, от длинной отрежь кончик. Ну, тот, из которого стержень выглядывает! Получится трубка.

— Точно! — в считанные секунды лейтенант справился с задачей и протянул мне искомую трубку.

— Подержи пока. Подашь, когда скажу, — пробормотал я, нащупывая пальцами на шее Антона нужную точку.

Ага, вот тут! Я нацелился ножом…

— Он же грязный! Нож! — прошипел под руку Семен.

— Не до жиру! Времени нет! — огрызнулся я и сделал разрез.

Где-то сзади заскулила Оксана. Уже не обращая внимания на посторонние шумы, я углубил разрез, рассекая теперь хрящевые кольца трахеи. В глубине раны кровь запузырилась: Антон как раз выдохнул.

— Трубку! — не глядя, я протянул свободную руку.

— Есть, — прошептал лейтенант и ткнул мне в ладонь бывшую ручку.

Я аккуратно вставил трубку в разрез. С очередным выдохом Антона из нее фонтанчиком вылетели кровавые брызги. И тут же надсадный хрип прекратился.

Антон Иваныч теперь дышал спокойно и почти неслышно. С облегчением выдохнул и я. До сего времени трахеостомию я делал только на несчастных собачках в студенческом хирургическом обществе.

— Тошка, ты живой?! Доктор, почему он не дышит?! — сзади на меня навалилась Оксана.

— Да дышит он, дышит! Просто не хрипит больше. Все в порядке! — успокоил ее я.

— Ну, Палыч, ты даешь! Сапожным ножом — по горлу! Да про тебя у нас легенды слагать будут! — восторженно шепнул мне на ухо Семен.

— Да ладно тебе! — смутился я. — Иди лучше костер разжигай. Только теперь тебе одному придется: Оксану я здесь задействую. Трубку-то зафиксировать нечем. Будет держать.

— Буду, буду! — улыбнувшись сквозь слезы, всхлипнула женщина.

29 сентября, 21.58, Кобельки

На несколько мгновений *Он* даже потерял сознание: такая

боль пронзила его тело. Трижды: два раза в груди и один раз в животе. Как раз там, куда попали пули проклятого милиционера.

Пули поразили его временное тело, вылепленное на этот раз из воздуха. Странно, до этого времени *Он* считал, что его фантомы неуязвимы. Собственно, так оно и было — его новое тело не получило никаких повреждений. И не почувствовало ничего.

Вся боль досталась телу постоянному. Застонав, *Он* приподнял майку и внимательно осмотрел живот и грудь. Ничего. Никаких следов от пуль. Только боль, невероятная, затмевающая сознание, чудовищная боль!

Это было очень неприятным открытием: оказывается, его тело чувствует боль, причиняемую фантому. И не просто чувствует, а еще и реагирует на нее так, как реагировало бы на реальные ранения. Это надо учесть и впредь быть осторожнее!

Но какова дрянь! Второй раз *Он* пытается добраться до нее — и второй раз она ускользает из-под самого носа!

— Что, опять не вышло? — *Она* вошла в комнату и строго посмотрела на него сквозь очки.

Он сжался, не от боли, нет. Слишком хорошо *Он* знал этот взгляд. И то, что за ним обычно следует.

— Меня ранили! Этот лейтенант в меня стрелял! — попробовал *Он* пожаловаться.

Она нехорошо усмехнулась:

— Да ну? Стрелял, говоришь? И что, попал?

— Попал. Больно мне! Очень больно! — заныл *Он.*

Она подошла ближе:

— Покажи!

Он послушно задрал майку:

— Вот сюда и сюда. Только… он попал в другое тело. А я — почувствовал!

— Семен тебя видел? Да что я спрашиваю, конечно видел, раз стрелял и попал! Он тебя узнал? — *Она* склонилась к самому его лицу и говорила теперь почти шепотом.

Он прямо перед глазами видел шевелящиеся тонкие губы, время от времени приоткрывающие зубы. В глаза брызнула слюна. *Он* зажмурился:

— Не знаю. Нет, кажется. Там темно было. Очень темно!

— Как же он в тебя попал, если было темно, а? Ты хоть представляешь, что будет, если участковый тебя узнал? Он один там был? — *Она* была в бешенстве.

Он втянул голову в плечи:

— Не один. Там еще доктор был. И эта дрянь.

— И все они тебя видели?!

— Да… — прошептал *Он*.

— Где они сейчас? Ты можешь дотянуться?

— Не знаю… попробую.

Он закрыл глаза и *другим* своим взглядом потянулся сквозь ночь.

Вот они! Все здесь.

— Вижу! — доложил *Он*, не открывая глаз.

— Что они делают? — ее голос прозвучал где-то далеко.

— Доктор и эта… дрянь рядом с Антоном. Лейтенант костер разжигает.

— Так там еще и Антон был?! Он тоже тебя видел? — изумился голос.

— Нет. Он разбился. Сразу сознание потерял.

— Тебе придется их убить. Всех. Прямо сейчас. Начни с Семена — у него оружие. Потом — остальных. Никто не должен знать, кто ты. Мы не можем рисковать. Особенно — сейчас, когда осталось совсем немного, — ее голос бросал отрывистые команды прямо в сознание.

— Я постараюсь, — прошептал *Он*.

— Не постараешься, а сделаешь! — прикрикнула *Она*.

— Да… сделаю!

Он затаил дыхание и принялся лепить новое тело. Прямо за спиной сидящего на корточках у разгорающегося костра лейтенанта.

Торопясь, пока тот не разогнулся, *Он* собирал воздух. Сгущая, уплотняя его до состояния видимости. Вот уже готов полупрозрачный, мягкий пока фантом. Теперь — насытить, утрамбовать воздух внутри него до плотности тела. Его тела. И свернуть новыми, сильными руками шею врагу. Тому, кто в него стрелял.

Новое тело уже почти готово. *Он* приготовился перебросить в него сознание. Пора…

29 сентября, 22.20,
Ноябрьский район

Я поднялся на ноги и с наслаждением потянулся, от долгого стояния на коленях ноги затекли совершенно. Кровь, возвращаясь в освобожденные конечности, принялась колоть их сотнями маленьких иголок. Я поморщился и посмотрел на часы.

Когда же прилетит вертолет? Пока мне удалось худо-бедно стабилизировать состояние Антона Иваныча, по крайней мере, асфиксия ему не угрожает. Но что случится через пять минут, через десять — неведомо. И что я смогу сделать тут, посреди

степи, да с голыми руками? Пусть даже вооруженными сапожным ножом.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, я посмотрел на лейтенанта. Тот сидел поодаль от дороги на корточках над разгоревшимся костром. Огонь весело плясал, озаряя оранжевыми сполохами Семена и кусок ночи вокруг него.

Темнота позади участкового вдруг зашевелилась и стала меняться. Я протер глаза и всмотрелся: за спиной лейтенанта прямо из воздуха проявлялся невнятный, полупрозрачный силуэт. Будто изображение на фотобумаге, помещенной в ванночку с проявителем. И с каждой секундой фантом приобретал все более четкие очертания!

Прозрачные руки потянулись к голове лейтенанта…

— Семен! Семен, сзади! — не помня себя от ужаса, заорал я. И рванул к нему.

Надо отдать должное реакции участкового: не оглядываясь, прямо с места он головой вперед прыгнул через костер, перекатился в кувырке с другой его стороны и вскочил на ноги уже с пистолетом в руке. И оказался лицом к лицу с призраком.

— Стреляй! — Мне до них оставалось бежать еще метров десять.

Но лейтенант замер. Он смотрел в прозрачное лицо фантома и медлил. Какую-то секунду…

Неведомой твари этого хватило. Глухо хохотнув, она пинком длинной ноги выбила пистолет из руки оцепеневшего Семена. Оружие улетело далеко в темноту.

Существо медленно пошло вокруг костра. Лейтенант — тоже, но в другую сторону. Они закружили вокруг высокого пламени.

Я подлетел к твари как раз в тот момент, когда широкая полупрозрачная спина оказалась прямо передо мной, искажая, преломляя багровый свет костра. Недолго думая, я с размаху всадил в нее сапожный нож. Тот самый.

Рука вошла в странную упругую субстанцию почти по локоть. Существо взвыло басом на всю степь. И, молниеносно обернувшись, с разворота ударило меня прозрачной ручищей в грудь.

Ощущение было таким, будто в меня на полном ходу въехал облепленный подушками танк. Моментально забыв, как дышать, я улетел далеко назад, во мрак. И весьма болезненно там приземлился. К счастью, не потеряв сознания от чудовищного удара. От дороги донесся истошный визг Оксаны.

Лейтенант, молодчина, не растерялся. Воспользовавшись тем, что внимание твари отвлеклось на мою скромную персону, он пнул ногой костер. Горящий хворост, разбрасывая тучи искр,

взметнулся в воздух и обрушился на голову фантома. Тварь тут же охватило пламя.

Жуткий, непередаваемый вой огласил степь. Прозрачное нечто кружилось в центре новообразованного костра, завывая и пытаясь стряхнуть с себя пламя, которое упорно не сбивалось.

И вдруг все стихло. В какое-то мгновение тварь просто растворилась в воздухе. Головешки, прилипшие к ее голове и плечам, потеряв опору, упали на землю. Разоренный костер неторопливо принялся затухать.

Наступившая тишина была осязаемой: будто ваты в уши натолкали. Первым ее нарушил Семен:

— … … … …ь! Док, ты живой? Что это было?

— А я знаю? — кряхтя, я с трудом поднялся с земли.

— Это он же? Ну которого я подстрелил?

— Похоже на то! По крайней мере, по размерам подходит. И по повадкам. Только этот прозрачный был, а тот — нет.

— Палыч, а ты знаешь, эта тварь мне кого-то напомнила… я потому и замешкался с выстрелом, — задумчиво сообщил лейтенант.

— Да?! И кого же?

— Да не понял я. Лицо, понимаешь, прозрачное, черты расплываются. Но что-то знакомое, точно!

— Может, что-то из фильмов ужасов? — хмыкнул я.

Постепенно ко мне возвращалось чувство реальности.

— Да ну тебя! Я серьезно говорю: что-то знакомое, — обиделся Семен и, подхватив с земли горящую ветку, пошел в темноту. — Надо пистолет найти.

— Ладно, не злись. Все равно мы с тобой сейчас ничего путного не придумаем. Давай лучше костер обратно соберем, пока совсем не угас, — предложил я и, обернувшись к дороге, крикнул: — Оксана!

— Что?

— Как там Антон?

— Так же. Дышит спокойно, я трубочку держу!

— Молодец. Держите. Скоро уже вертолет должен прилететь!

Подтверждая мои слова, в небе послышался нарастающий рокот мотора.

Глава 2

30 сентября, 00.18,
Кобельки, участковая больница

Лейтенант допил свой чай и вздохнул:

— Веселый нынче денек вышел, верно, Палыч?

— Да уж! — согласился я мрачно. — День удался. А особенно — ночь.

Мы сидели в моем рабочем кабинете уже почти час. И чаевничали, обсуждая случившееся. Наша миссис Хадсон, она же Клавдия Петровна, едва успевала пополнять запасы кипятка и заварки. Деликатно не задавала вопросов, за что мы были премного ей благодарны.

— Знаешь, что меня интересует больше всего, Семен? — поинтересовался я.

Он уставился на меня:

— Теряюсь в догадках. Лично меня в этой истории интересует все!

— Если эта прозрачная тварь и есть наш маньяк, то почему он набросился на тебя? Почему не на Оксану? Нелогично получается как-то.

Лейтенант задумался.

— Да, нестыковочка. Хотя… допустим, он здраво рассудил, что из всех нас я представляю для него наибольшую опасность. Ну, хотя бы потому, что вооружен. Вот и решил сначала устранить меня, как досадную помеху, а уж потом спокойно, не торопясь, добраться до Оксаны. Резонно?

— Не совсем. Что ему мешало дождаться удобного момента, когда Оксана останется одна и завершить начатое? Почему он так спешил, вот что мне непонятно, — не согласился я. — Смотри, что получается: он преследует женщину, почти настигает. Тут, к счастью, появляемся мы с тобой. Ты стреляешь в маньяка и, похоже, ранишь его. По крайней мере, пули причинили ему сильную боль: вспомни, как он ревел тогда!

Семен кивнул.

— По идее, впервые получив такой отпор, он должен был затаиться на какое-то время, зализать раны. А вместо этого, буквально через несколько минут после ранения, тварь вновь нападает. И не на Оксану, а на тебя! К чему такая спешка? Почему он полез на рожон? Непонятно. Мне кажется, мы с тобой что-то упускаем из виду. Что-то важное, — закончил я свои дедуктивные выкладки.

Лейтенант пожал плечами.

— Возможно, упускаем. Даже наверняка. Мы ничего не знаем об убийце. Вернее — даже больше, чем ничего. То, что мы с тобой сегодня увидели и узнали, ничего не объясняет. Кроме отсутствия следов на месте преступления: если убивали эти фантомы, которые потом бесследно растворялись — понятно, почему мы не находили следов. Зато появляется один большой вопрос: убийца — он кто? Человек? Или нечто иное?

Теперь пришла моя очередь плечами пожимать.

— Семен, я не знаю. Как и ты. Могу лишь предположить: он — человек. Обладающий некими удивительными, необъяснимыми с научной точки зрения способностями. Человек, который может создавать себе двойников. Дублей. Ты Стругацких читал?

— Было дело, — кивнул лейтенант.

— «Понедельник начинается в субботу», помнишь? Там сотрудники НИИЧАВО себе дублей создавали. Только в книге — с мирными целями, а наш маньяк — с преступными.

— Так то ж фантастика!

— А то, что мы сегодня видели — это что?! Обычное дело для Кобельков? Пустяки, дело житейское, с кем не бывает?! — взвился я.

— Ладно, Палыч, не заводись. Может, ты и прав. Сейчас мы все равно этого не поймем: мало вводных. Давай лучше подумаем, что дальше делать будем? — примирительным тоном спросил Семен.

— А что делать? Оксану мы с мужем в Нероград отправили: туда, надеюсь, убийца не дотянется. Наверняка не дотянется, иначе убийства не ограничивались бы только здешними местами. Значит, у маньяка есть какое-то ограничение по расстоянию до цели. Уже хорошо.

— Угу, — лейтенант приканчивал очередную чашку чая.

— Далее, я, как и планировали, проверю архивы. Если выяснится, что все убитые наблюдались у Марии Глебовны, придется установить за ней наблюдение. Возможно, она нас выведет на убийцу. Кстати, теперь-то мы знаем точно, что она не убивала. По крайней мере, лично.

— Точно! — опять согласился Семен.

— Идем дальше. Надо будет срочно поднять списки всех беременных в окрестных селах… ну, в радиусе поражения нашего маньяка. И взять их под охрану.

— Сдурел?! — лейтенант поперхнулся чаем. — Где я тебе столько народу возьму? Ты хоть представляешь, сколько в округе может быть беременных?!

— С трудом, — честно признался я. — Но другого способа обезопасить их, пока ты не поймаешь убийцу, я не вижу.

— Пока *мы* не поймаем! — уточнил участковый.

— Мы так мы, — не стал возражать я.

Чего уж греха таить, заинтересованность лейтенанта во мне, как в носителе интеллектуального начала, мне льстила.

— Палыч, пошли спать! — неожиданно прервал мои разглагольствования Семен. — Утро вечера мудренее. У меня мозги уже отключились.

Я прислушался к себе — и понял, как смертельно устал.

— Пошли. Я тоже уже в кому впадаю.

Проводив лейтенанта до машины, я побрел в свою «квартиру». Улыбаясь в предвкушении встречи с Алей.

Но ее дома не оказалось. В растерянности я стоял над заправленной кроватью и чувствовал, как в душу проворно вползает пустота.

Не позволяя ей заползти целиком, я выскочил в коридор и устремился в приемное отделение.

Клавдия Петровна усердно и неторопливо крутила из нарезанных бинтов марлевые шарики. На столе перед ней накопилась уже изрядная куча.

— Клавдия Петровна, вы Алю не видели? — спросил я, стараясь быть спокойным. Получалось с трудом и неубедительно.

— Аленьку-то? Видела, как же! Она минут пять как вышла…

— Куда вышла?! С кем?! — мое показное спокойствие как рукой сняло.

— Одна, конечно. На крыльцо. Наверное, просто воздухом подышать…

Не дослушав фельдшерицу, я выскочил на крыльцо. Снаружи никого не было. Вряд ли Аля вышла подышать воздухом: было довольно холодно, да еще и ливень зарядил. Почти летний, с крупными, увесистыми каплями. Вот только холодный.

— Аля! — негромко позвал я и огляделся.

Никто не отозвался. Глаза уже привыкли к темноте, и я увидел вдалеке светлое пятно, удаляющееся в сторону леса.

— Аля! — позвал я уже громче и устремился за ней.

Далекий силуэт не приближался, несмотря на то, что я почти бежал. Правда, бежать по скользкой старой траве было весьма затруднительно: ноги разъезжались, я то и дело поскальзывался, а несколько раз — и вовсе падал. Но упрямо поднимался на ноги и продолжал погоню за светлым пятном в ночи.

Девушка вошла в лес. По моей спине опять пробежался холодок страха — куда же она одна, да в такое время! Я еще

ускорился.

В лесу темень стояла несусветная. Сердце мое упало. Я вертел головой во все стороны, но не видел в темноте ни малейшего просвета. Аля исчезла!

— Аля! — уже во все горло крикнул я.

Бесполезно! Шум дождя перекрывал все остальные звуки. По какому-то наитию, я помчался вперед. Уклоняясь от бегущих навстречу деревьев и прислушиваясь к ночи.

Несколько минут я несся по спящему лесу. Куда — я не знал. Зато знал, зачем. Вернее — за кем. Где-то там, в большом темном лесу, была моя Алька. Одна.

Деревья вдруг расступились, выпуская меня на большую поляну. И я увидел.

…Она кружилась в самом центре поляны. Раскинув руки, запрокинув голову и подставив лицо дождю, Аля танцевала под ним. В ритме капель, покидающих небо. Под музыку осени.

Я тоже услышал ее. Любуясь тонкой танцующей фигуркой, я вдруг понял, что шум капель давно уже слился в странную, чарующую музыку. Она заполнила собой все: темный уснувший лес, плачущее небо, умирающую траву под ногами… И мое сознание.

Я стоял, слушал и смотрел. Аля кружилась в своем странном танце и временами мне казалось, что она взлетает, отрывается от земли, перепархивает с места на место, словно огромная бабочка.

Я смотрел — и боялся, что музыка стихнет, и танец закончится. Будто восьмиклассник, впервые набравшийся смелости пригласить на танец предмет своих мечтаний и теперь с трепетом ожидающий окончания песни.

Боялся — и в то же время желал этого.

Потому что Аля сейчас была не со мной. И не здесь. Она танцевала в своем, неведомом и недоступном мне мире. Далеком и совершенно чужом. Понимание этого настигло меня сразу же, едва я увидел кружащуюся в дожде фигурку.

Да — не со мной. Да — не здесь. Да — чужая…

Но, Господи, как же это было красиво!

Я стоял и смотрел. Понимая, что ничего более прекрасного я никогда не видел и не увижу…

Спустя вечность дождь кончился. И вместе с ним стихла волшебная музыка.

Аля подошла ко мне и обняла за шею:

— Спасибо, что не остановил меня, Кот!

— Ты видела меня?

— Я танцевала для тебя.

— Это было красиво. Очень красиво.

— Да. Я знаю.

— Ты замерзла, наверное? — я стащил с себя куртку и укутал Алю.

— Не замерзла. Но все равно спасибо. Ты ее согрел. Я люблю твое тепло, — улыбнулась она.

— Не уходи больше так, Кошка! — попросил я ее.

— Как?

— Так… внезапно.

— Не буду, — серьезно пообещала она. — Пошли домой?

— Пошли.

Не торопясь, обнявшись, мы побрели по мокрому ночному лесу. Домой.

30 сентября, 03.25,
Кобельки, участковая больница

Аля уснула, уютно устроившись головкой на моем плече. Я слушал ее спокойное, немного посапывающее дыхание, перебирал рыжие волосы и смотрел в потолок. Не спалось.

Слишком уж много событий навалилось на меня за прошедшие сутки. После трехнедельного затишья вновь появился загадочный маньяк. Еще больше запутав и без того запутанную историю с этими убийствами. Теперь приходилось поневоле ломать голову, с кем (или с чем!) мы имеем дело. Ответы на этот непростой вопрос упорно не находились.

Аля что-то тихо пробормотала во сне и перевернулась на другой бок, выскользнув из-под одеяла. Я старательно укрыл ее, поцеловал в макушку и встал. Сон, кажется, напрочь забыл о моем существовании.

Подойдя к окну, я уткнулся лбом в приятно-холодное стекло и принялся вглядываться в темноту. Туда, где в ночи должно было быть озеро.

Там оно и было, наверное. А где-то на озере горел огонек. Судя по мерцанию, это был костер. Или факел. Во всяком случае, открытое пламя. Рыбаки?

Непонятным образом факт наличия огня в глубине озера меня встревожил. До боли в глазах я всматривался в ночь, пытаясь разглядеть что-нибудь еще, кроме мерцающего оранжевого пятна. Бесполезно.

— Кот, ты что? — сонный голос Али за спиной заставил меня вздрогнуть.

Я обернулся:

— Ничего, Алюшка. Просто не спится.

Она села в постели:

— Тебе неспокойно?

— Да.

Врать ей я не умел.

— Иди ко мне.

Я подошел и присел рядом.

— Я тебя разбудил. Извини, Котенок.

— Не разбудил. Я сама проснулась, — она притянула меня к себе. — Что тебе сказать, чтобы ты не тревожился?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Просто скажи, что ты со мной.

— Я с тобой, Кот. Вся — с тобой.

— Как это — вся?

— Телом. Мыслями. Чувствами. Душой.

Я покрепче обнял ее.

— Кажется, я понял, чего боюсь. Боюсь, что ты вдруг исчезнешь так же внезапно, как появилась. И придет пустота.

— Не исчезну. Не хочу исчезать. Я хочу быть с тобой, Кот, — она отстранилась слегка, улыбнулась и провела ладошкой по моей щеке. — Ты же не против?

— Я — за. Мне не жить без тебя, Алька.

— Не говори так, пожалуйста! — она вдруг стала серьезной.

— Почему?

— Живут не для кого-то и не ради кого-то. Жить стоит ради самой жизни.

— Я не понимаю…

— Поймешь. Когда-то поймешь обязательно. Но это так.

— Иногда мне кажется, что ты старше меня раз в сто! — улыбнулся я.

— Кто знает, может и в самом деле так? У меня же паспорта нет! — ее глаза опять смеялись.

— Должен сказать, что для старушки ты очень даже ничего… во всех смыслах!

— Нахал! — она щелкнула меня по носу. — Но чертовски привлекательный!

— Ага… и сексуальный! — скромно добавил я.

— Да ну? Докажи!

Я и доказал…

Отдышавшись, она легонько царапнула меня ноготками по животу:

— Зверь!

— Сама такая! — выдохнул я.

Аля тихо засмеялась.

— Мы, наверное, забавно смотримся со стороны: лежим, пыхтим и обзываемся! — она положила голову мне на грудь. — Мне хорошо с тобой, Кот! Очень-очень хорошо! И не только телом.

— А мне — с тобой. Вот ведь совпадение какое! — счастливо улыбаясь, я глядел в потолок. Тревога прошла напрочь.

Она приподнялась и заглянула мне в лицо. Ее волосы щекотались.

— Кот, я тебе хочу сказать… — и запнулась.

— Что, Кошка?

— Нет, не сейчас. Завтра. Сначала мне кое-что надо будет уточнить, — передумала она.

— Ну вот, заинтриговала — и в кусты? Я же теперь мучаться буду. Не засну до утра.

Она улыбнулась:

— А ты и так не заснешь!

— Это почему же?

— А вот почему…

До утра я и в самом деле не заснул.

30 сентября, 12.40,
Кобельки, участковая больница

— Следующий! — крикнула в коридор Клавдия Петровна.

Поправила очки и с неимоверно деловым видом принялась проворно что-то писать в гигантском журнале приема.

Сначала в дверь вошел палец. Средний палец правой руки, нагло устремленный вверх. Я скрипнул зубами и начал было приподниматься…

Но следом за пальцем вошло все остальное. Выражение лица у хозяина перста было таким жалким, что мой гнев тут же улетучился. К тому же, присмотревшись, я понял, что привело ко мне страдальца:

— И давно это у вас? — поинтересовался я.

— Дня два назад началось, — шмыгнул тот носом.

— А сегодня всю ночь дергало, верно?

— Точно! А вы откуда…

— А панариции себя иначе и не ведут! — пресек я ненужные вопросы.

— Кто не ведет? — не понял болезный.

— Панариции. Так ваш гнойник на пальце по-научному зовется! — блеснул я эрудицией. — Резать надо!

— Да вы что?! — мужичок проворно спрятал руку за спину. И тут же взвыл от боли, видимо, зацепившись больным пальцем за

штаны.

— Сегодня всю ночь не спали, верно? — уточнил я.

И усмехнулся про себя: мне тоже нынче спать не довелось, но чувствовал я себя несравненно лучше моего пациента. Диалектика!

— Не спал! — угрюмо подтвердил тот.

— От боли метались, не так ли? — с садистским удовольствием продолжал я.

— Метался, — согласился обладатель забинтованного пальца.

— Хотите продолжения?

— Не-ет! — с явным ужасом на лице взвизгнул пациент.

— Тогда резать! Новокаин переносите?

Мужик молча покивал головой. Отлично, клиент был деморализован и сломлен.

— Вот и замечательно. Сейчас быстренько обезболим и вскроем. Глазом моргнуть не успеете. Клавдия Петровна, проводите товарища в перевязочную.

Поглядев вслед удаляющемуся носителю пальца, я совершенно некстати вспомнил историю, происшедшую во время моей практики после четвертого курса в одной из городских больниц Нерограда.

А начиналось все примерно так же. В одно прекрасное утро в приемное отделение пришел страдальческого вида мужчина и предъявил дежурному врачу палец. С панарицием.

Врач, недолго думая, вызвал в приемное хирурга. Тот вскоре явился, осмотрел палец и, разумеется, предложил гнойник вскрыть. Со стороны пациента особых возражений не последовало, поскольку он всю ночь развлекался тем, что бегал по стенам и потолку от невыносимой, дергающей боли.

Дальше события развивались стремительно. Даже слишком.

Хирург завел беднягу в пустующую гнойную операционную, наложил на больной палец жгутик и принялся исправно обкалывать его новокаином. Обколов, взялся было за скальпель, но… с удивлением обнаружил, что бодренький доселе пациент бодрость свою как-то порастерял… Да и вообще, пришел в совершенно нетоварный вид: побелел, посинел и свалился без сознания на пол. А потом и вовсе дышать перестал.

Случилась у него аллергия на новокаин. Да не какая-нибудь крапивница, а полноценный анафилактический шок со всеми вытекающими…

Благо поблизости оказались реаниматоры. Прибежав на рев разочарованного хирурга, бригада быстренько закинула бездыханное тело на операционный стол (напомню, происходило

все в операционной, это важно!) и принялась возвращать его к жизни.

Через какое-то время это им удалось. Пациент задышал, пришел в сознание и даже открыл глаза. Но лишь для того, чтобы тут же зажмуриться от ужаса.

Потому что огромная, весом в центнер, операционная лампа, висящая аккурат над столом, вдруг выкорчевалась со своего места и, вместе с изрядным куском потолка, обрушилась на грудь несчастного. Благо хоть реаниматологи успели затылки вовремя убрать…

Короче, наступило следующее утро. Клиент приходит в себя в реанимации. И начинает медленно, но верно сходить с ума. Всего лишь от осознания того, во что он превратился:

— изо рта торчит трубка, подсоединенная к ритмично пыхтящему аппарату;

— под правой ключицей образовалась дырка, из которой тоже торчит трубка (но поменьше первой!), куда что-то там капается. Грудь и правая рука почему-то в гипсе;

— все тело жутко болит, будто по нему прошло на водопой стадо слонов;

— и наконец, над всем этим торчит распухший палец свободной руки. Все с тем же гнойником. Что характерно — невскрытым.

Вот это называется — зайти пальчик полечить…

В этот раз, к счастью, все обошлось. Я быстренько вскрыл панариций, поставил дренаж и отпустил осчастливленного туземца домой. А сам пошел рыться в архивах.

Уже через час я понял, что наши подозрения в отношении Марии Глебовны были отнюдь не беспочвенны. Все женщины из печального списка наблюдались у нее. За исключением Смуряковой — но это исключение мы уже обсудили.

Закрыв последнюю карту, я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Действительность с каждым днем становилась все мрачнее и мрачнее. Вот, теперь еще и агент врага обнаружился в наших рядах!

Мария Глебовна… вот уж никогда не подумал бы, что она может как-то быть связана с убийцей. Милейшая женщина, одинокая и немного взбалмошная. Никакого зла в ее поступках, как ни пытался, я найти не мог. Но факты — упрямая вещь.

Вот они, факты, передо мной. Шесть тонких книжек с фамилиями погибших женщин на обложках. И, соответственно, шесть (как минимум!) детей, так и не увидевших солнца. Целое кладбище раскинулось на моем столе. Страшное зрелище.

— Можно, Пал Палыч? — в дверь заглянула Клавдия Петровна.

— Да, конечно! — я опомнился. — Что случилось?

— Там Семен приехал. Участковый наш. Вас просит выйти, — доложила она.

— А чего сам не зашел? — удивился я.

— А я его не пустила: Аленька только что полы в коридоре вымыла, а он в сапогах. Натопчет ведь!

— Ну, раз в сапогах, тогда конечно… В сапогах никак нельзя! — пробормотал я, собирая в стопку разбросанные по столу амбулаторные карты. — Скажите ему, что я выйду сейчас. Порядок только наведу.

— Хорошо, — фельдшерица взяла с угла стола лежащий там скорбный список, мельком взглянула на него и передала мне. — Вот еще заберите, это ваше, кажется.

— Мое, — кивнул я и торопливо спрятал листок в карман.

Лейтенанта я обнаружил в обществе Али и Данилы. Втроем они сидели на скамеечке перед больницей и любовались восхитительным видом озера, о чем-то негромко переговариваясь. Собственно, переговаривались Семен с Алей. Данила в разговоре принимал весьма избирательное участие, изредка вставляя в их диалог наполненные эмоциями звуки. Преимущественно гласные.

— Привет! — я присел рядом. — Не помешаю?

— Не-е-а-а! — замотал головой Данила.

— Ну, вот тебе и ответили! — засмеялся лейтенант, пожимая мне руку. — Здорово, док! Как ты после вчерашнего? Выспался?

В моем сознании вопрос прозвучал несколько двусмысленно. Я покосился на Алю. Она украдкой показала мне язык и засмеялась. Я тоже:

— Да, дрых без задних ног. Как убитый!

— А чего это вы хохочете? — подозрительно поинтересовался Семен, переводя взгляд с девушки на меня и обратно.

— Да так, вспомнилось кое-что, — успокоил я его. — Чего звал?

— Наш вчерашний разговор помнишь? У Абрама Мееровича?

— Конечно.

— Проверил?

— Проверил, — я стал серьезным.

— И что?

— Мы были правы: все наблюдались у нее.

— Блин! — резюмировал лейтенант и умолк.

Аля внимательно посмотрела на нас.

— У вас деловой разговор? Тогда я побежала: у меня тоже дел

куча! — она быстро чмокнула меня в щеку и умчалась.

Семен с улыбкой посмотрел ей вслед.

— Счастливый ты, Палыч! — сообщил он мне.

— Ага! — согласился я.

— А-а-ля хоро-о-ошая! — протянул Данила.

— Очень! — и с этим я был полностью согласен.

— Что потом думаете делать? Ну, когда тебе уезжать время придет? — вдруг поинтересовался лейтенант.

Я пожал плечами.

— Ко мне переберемся, в Нероград. Поженимся, детей нарожаем. И будем жить долго и счастливо. Это, если тезисно о планах.

— Точно поженитесь?

— Я, по крайней мере, Альке предложение хочу сделать. Очень надеюсь, что она его примет.

— А чего до сих пор не сделал?

Я опять пожал плечами. На этот вопрос у меня ответа не было. И в самом деле, почему? Я ведь уже давно поймал себя на том, что безумно хочу, чтобы Алька стала моей женой. Так чего тяну?!

— Палыч, я тебе одну вещь скажу: такая женщина может встретиться только раз в жизни. А может и не встретиться. Не упусти шанс, — веско сообщил лейтенант.

— Я знаю, Семен. Знаю. И Альку не отпущу ни за что. Если только она сама не захочет уйти. А я все сделаю для того, чтобы не захотела, — тихо ответил я.

Помолчали. Потом лейтенант спохватился:

— Так что с Марьей делать будем?

— А что мы с ней можем сделать? Надо как-то попытаться понаблюдать за ней: вдруг и в самом деле выведет нас на маньяка?

— Возможно. Вот только вопрос — когда? Весь день, как я понимаю, она в больнице?

— Не только день, но и вечер. Она до ночи здесь задерживается, как и все остальные, — уточнил я.

— Значит, если она время от времени встречается с убийцей, то только ночью?

— Выходит.

— Ладно. Давай так: я тебе оставлю рацию, а ты вечером, когда она соберется уходить, сообщишь мне. Я прослежу, — предложил участковый.

— Принимается, но с одной поправочкой: проследим оба! — внес я свои коррективы.

Семен пристально посмотрел на меня:

— Палыч, это может быть опасно.

— Да ну? А я и не догадывался! — съязвил я. — Тем более пойдем вместе. В общении с нашим прозрачным приятелем нужно, чтобы кто-то прикрывал спину.

Лейтенант встрепенулся:

— Слушай, я ведь тебя даже не поблагодарил за вчерашнее! Ты же мне жизнь спас тогда, у костра!

— Да ладно тебе! — смутился я. — В следующий раз ты меня прикроешь. Так что, мы договорились? Идем вместе?

— Ладно, все равно ведь не отстанешь! Пошли вместе… Ватсон хренов!

Я не успел достойно ответить. Из открытого окна больницы донесся истошный визг. Мы с лейтенантом бросились внутрь.

Визжали Инка с Нинкой. Наши поварихи сгрудились над огромной открытой флягой с молоком и в унисон трубили тонкими голосами, будто кастрированные слоны. Слов было не разобрать.

— Тихо! — рявкнул я и пожалел, что не могу стрельнуть в потолок из маузера. Ввиду отсутствия оного.

От наступившей тишины тут же заложило уши. Санитарки-поварихи с изумлением глядели на меня, одинаково открыв рты. Я смутился:

— Э-э-э… Что случилось? Почему крик?

— Так молоко! — исчерпывающе ответила Инка (или Нинка?).

— Что — молоко?

— Скисло! — хором ответили обе и демонстративно указали на флягу.

Я подошел поближе: из горловины в самом деле несло кислятиной.

— Скисло, скисло! Вот, попробуйте! — полная рука сунула мне под нос стакан с забродившим молоком.

Я неосторожно сделал вдох, и глаза мои тут же заслезились.

— Спасибо, не надо, верю! — скороговоркой отбился я от угощения и обвел взглядом источники недавнего шума.

Поварихи стояли со скорбными лицами, опустив руки.

— Ну, скисло молоко. Такое бывает? Чего голосить-то? — поинтересовался я.

— Доктор, да как же?! Нам же молоко теперь в следующий раз только через три дня подвезут. Чем больных кормить-поить будем?

— Простоквашей, — усмехнулся я. Но тут же по вытянувшимся лицам поварих понял, что шутка не прокатывает.

— А каши? Каши на чем варить? — опять запричитала Нинка

(или Инка?).

— Тихо! — вновь прикрикнул я на поварих. — Надо подумать!

— А чего тут думать-то? — зазвенел удивленный голос.

Рядом со злосчастной флягой невесть откуда появилась Аля. Она рассеянно водила пальчиком по пузатому боку сосуда и вопросительно смотрела на меня. А в зеленых глазах скакали бесенята.

— То есть? — переспросил я.

— Я говорю, и думать тут нечего! Молоко свежее, парное. Пахнет потрясающе, наверное, вкусное! — Аля мечтательно закатила глаза и облизала губки.

Случилась немая сцена. Четыре пары глаз уставились на девушку. А она медленно, почти демонстративно, взяла из рук опешившей поварихи стакан, от которого я только что едва отбился, поднесла его к губам… И в несколько глотков выпила до дна!

— Очень вкусное! — подтвердила Аля. И облизнулась.

Кошка!

Поварихи отмерли. Они разом ринулись к фляге и с размаху треснулись лбами над горловиной, пытаясь одновременно в нее заглянуть. И обе синхронно сели на пол, потирая лбы.

Я подошел к освободившейся фляге, наклонился над ней и осторожно втянул носом воздух.

Аля была совершенно права: из горловины вкусно пахло парным молоком! И ничем больше.

— И в самом деле: чего тут думать-то? Молоко свежее. Вопрос исчерпан! — внезапно охрипшим голосом заявил я.

Подхватил под локоток Алю и вместе с ней вышел в коридор. Ощущая затылком недоуменные взгляды свидетелей чудесного воскрешения молока.

— Это ты? — вполголоса спросил я Алю, когда мы вышли.

— Что? — она вскинула на меня невинные глаза.

— Это ты молоко э-э… освежила? — с трудом я подыскал формулировку.

— Ага! — просто ответила она.

— Как?!!

Аля пожала плечами:

— Не знаю… Само собой как-то получилось. Как с часами.

Я прижал ее к себе:

— Алька, чудо ты мое! Может, ты колдунья?

— Не знаю. Может быть, — она улыбнулась.

— Ты представляешь, какие слухи теперь поползут по округе?! Да что там слухи — легенды! К тебе же паломники

потянутся! Не зарастет народная тропа… — вздохнул я.

— Кот, прости, — она потупилась. — Я как-то об этом не подумала. Я этого не хочу!

— Да ладно, чего уж теперь. Ты только в следующий раз постарайся не демонстрировать свои чудесные способности широкой публике. Хорошо?

— А тебе?

— А мне — можно. И даже нужно! — я засмеялся и легонько подтолкнул Алю в сторону нашей «квартиры». — Иди, Кошка, посиди дома и подумай о своем поведении. Можешь даже встать в угол!

— Вот еще! — фыркнула она и удалилась, гордо вскинув голову.

А я вернулся к месту явления чуда. Мизансцена не изменилась: поварихи по-прежнему сидели на полу и терли лбы, а Семен в полной задумчивости подпирал плечом дверной косяк.

— Так, уважаемые товарищи, вношу ясность: все, что вы видели только что, является лишь плодом вашего воспаленного воображения! Потому как передовая материалистическая наука чудеса отвергает. Ясно? — заявил я и грозно уставился на ушибленных поварих.

— Ясно! — нестройным хором ответили они.

Лейтенант хмыкнул. Я свирепо посмотрел на него и продолжил:

— А если серьезно, то чтобы — ни-ко-му! И ни-ни! Узнаю, что проболтались — уволю к лешему! Не глядя на регалии и заслуги! Понятно?

— Нет! — пискнула Нинка (или Инка?).

— Что именно непонятно? — нахмурился я.

— Кто не глядя нарыгали?

Лейтенант заржал и вывалился за дверь. Из коридора донесся мощный хохот. Будто там веселился целый табун лошадиных призраков бывшей конюшни.

Я скорбно вздохнул: с кем приходится работать!

— Короче, никому ничего не болтать! А *регалии* — это награды такие. Вроде ордена.

И с достоинством вышел из пищеблока.

Глава 3

30 сентября, 23.20,
Кобельки, участковая больница

Я смотрел в сторону затерянного в кромешной тьме озера и испытывал легкое чувство дежавю. Где-то там, довольно далеко от берега, опять горел огонь. Как и прошлой ночью. И опять при виде мерцающего оранжевого пятнышка навалилась неясная тревога.

В дверь кабинета постучали. Я оторвался от окна и обернулся:

— Войдите!

Вошла Мария Глебовна.

— Пал Палыч, я закончила, можно домой? — Вид у акушерки был усталый. Да и немудрено.

— Да, конечно! Давно пора, — через силу улыбнулся я.

Все-таки как просто навесить на человека ярлык — и тут же изменить к нему отношение! Пока у нас нет никаких доказательств причастности Марии Глебовны к убийствам, а я уже смотрю на нее как на врага народа. И цежу сквозь зубы. А вдруг мы ошиблись?

— Мария Глебовна! — окликнул я ее.

Она обернулась уже в дверях:

— Да, доктор?

— Вы бы не задерживались так допоздна, а? Устаете ведь!

Акушерка невесело улыбнулась.

— Да я бы рада. Но только не получается как-то. А теперь, с ранением Антона, и вовсе невмоготу стало. Люди-то меньше не болеют, — она пристально взглянула на меня и добавила: — А вот вам, Пал Палыч, и в самом деле отдохнуть бы! Глаза у вас совсем ввалились. Да и Аленьку поберечь надо… особенно теперь!

— Я ее всегда берегу, независимо от времени суток! — улыбнулся я.

Алька умудрилась влюбить в себя не только меня, но и всю больницу!

Мария Глебовна как-то странно посмотрела на меня и покачала головой. Потом открыла было рот, собираясь что-то сказать, но передумала.

— Ладно, вы идите, а то я вас еще больше задерживаю, уговаривая не задерживаться! — рассмеялся я.

— Спокойной ночи, Пал Палыч!

— Спокойной ночи!

Едва акушерка вышла за порог, я вытащил из кармана портативную рацию, выданную мне лейтенантом, и забубнил в нее:

— Первый, первый, я второй! Лед тронулся! — и мысленно заржал. Кодовую фразу предложил я, беззастенчиво сдув ее у Ильфа с Петровым.

— Второй, понял тебя. Наблюдаю ледоход. Присоединяйся! — прохрипела рация.

— Есть присоединяться! — отрапортовал я и, сорвав с себя халат, рванул было к выходу из больницы.

Но вдруг остановился. И открыл дверь своей казенной «квартиры».

Аля с ногами забралась в любимое кресло и с упоением читала «Мастера и Маргариту». Если мне не изменяет память, уже в пятый или шестой раз.

— Котенок, мне нужно уйти. Правда нужно. Семен просил ему помочь кое в чем. Ты меня не дожидайся, ложись спать, хорошо? — я наклонился и с наслаждением зарылся лицом в ее волосы.

Она тихо засмеялась:

— Обожаю, когда ты так делаешь! Конечно, иди, если нужно. Только будь осторожен, ладно?

— Обещаю! — я приник к ее губам и на какое-то время выпал из реальности. Вернулся, когда кончилось дыхание.

— Кот, ты обязательно разбуди меня, когда вернешься! Ну, так, как ты умеешь! — Аля лукаво посмотрела на меня.

— Слово джентльмена! — я еще раз поцеловал ее и выскочил за дверь.

В кармане уже вовсю хрипела рация:

— Второй, ледоход на озере! Повторяю, ледоход на озере! Встречаемся у моей пристани. Как понял?

— Первый, понял тебя хорошо! Встречаемся у твоей пристани. Три минуты!

Через заявленное время я действительно был у знакомого милицейского катерка.

— Ты куда? — лейтенант поймал меня за штаны, когда я уже перебросил ногу через борт катера.

— Как куда? Сюда! — удивился я.

— Нет, Палыч, катер нам сейчас не нужен. На веслах пойдем, — и он указал на надувную лодку, скромно притулившуюся рядом со своим большим братом.

— Это почему?!

— Мозги включи! Ночью, в тишине, мотор слышно за десять верст. А наша задача — проследить за Марьей. Она только что отплыла: гребет прямо в озеро. Если услышит погоню — вернется. И накрылась тогда наша операция медным тазом.

— Давно отплыла?! — встрепенулся я.

— Минут пять назад.

— Так чего ж мы стоим? Поплыли, потеряем ведь! — я прыгнул в лодку.

— Не дрейфь, не потеряем! — лейтенант залез следом и натянул на голову какой-то странный прибор.

Приглядевшись, я догадался, что это.

— Прибор ночного видения? Ну ты даешь, Семен! Где взял?

— Где взял — там уж нет! — гордо заявил лейтенант, всматриваясь в темноту. — Ты греби давай. А я буду впередсмотрящим.

— Хорошо устроился! — пробурчал я, принимаясь за дело.

— Греби-греби! Я, между прочим, тебя сюда на аркане не тащил. Сам напросился. Вот и отрабатывай! — цинично заявил участковый, поудобнее устраиваясь на корме.

— Слушай, Семен, я уже вторую ночь наблюдаю на озере странный огонек будто костер жгут на одном из островков. Как думаешь, кто это может быть? Рыбаки?

Лейтенант явно озадачился:

— Костер на острове, говоришь? Да нет, рыбаки — вряд ли, в это время года у нас тут не рыбачат. Да и рыбаков-то раз-два и обчелся. В Белом рыбы немного.

— Тогда кто же?

— Понятия не имею. А знаешь что? Что-то мне подсказывает, что Марья направляется именно к этому острову. С костерком который.

— Думаешь?

— Зуб даю! Поспорим?

Спорить я не стал. Лишь еще усерднее заработал веслами.

— Тише, не плещи так! — шикнул на меня Семен. — Вон она, вижу!

— Где? — я обернулся.

— Да ты не вертись, все равно не увидишь. Впереди и правее по курсу, метрах в ста. Теперь греби спокойнее, так и будем держаться на этой дистанции, — лейтенант помолчал несколько секунд и добавил: — А вон и костер. И наша любезная Мария Глебовна держит курс прямехонько на него!

Минут десять мы плыли в полной тишине. Лишь весла с еле слышным плеском ритмично уходили в воду. Наконец лейтенант нарушил молчание.

— Причалила. Высаживается на остров… Оп-па! — вдруг шепотом воскликнул он.

— Что там?

— Ее встречают. Мужчина!

— Тот?! Вчерашний? — от волнения я даже перестал грести.

— Да откуда я знаю?! — возмутился Семен. — Далеко же. У меня не телескоп, а всего лишь ПНВ.

— Ну, хоть похож на нашего клиента? — не унимался я.

— Ага, похож: голова, две руки, две ноги. Вылитый он! — огрызнулся лейтенант. — Ты грести-то не забывай. Только правее возьми: высадимся на другой стороне острова, чтобы глаза не мозолить.

— Да, белый хозяин! — я опять взялся за весла.

Еще несколько минут в тишине — и лодка с легким шорохом ткнулась носом в берег.

— Палыч, давай договоримся: я впереди, ты прикрываешь. И никогда, слышишь, ни при каких обстоятельствах вперед не суйся! — лейтенант шипел мне в самое ухо. — Договорились?

— Договорились! — прошипел я в ответ и послушно занял место в арьергарде.

Таким боевым порядком мы и начали карабкаться вверх по склону холма: впереди Семен с пистолетом, позади я — с боевым духом и уверенностью в завтрашнем дне.

— Интересно! — задумчиво прошептал лейтенант, когда мы добрались до вершины. Отсюда весь островок просматривался бы как на ладони. Днем.

— Что интересно?

— Костра-то не видно!

И верно! Темноту, царящую здесь, не нарушало ничего. А куда же делся костер, на свет которого, будто на маяк, плыла акушерка?

— Погасили, может? — неуверенно предположил я.

— Может быть. Или костер разведен в таком месте, откуда виден лишь в одном направлении. В пещере какой-нибудь. Или в расщелине, — пробормотал Семен, озадаченно вертя головой с надетым на нее прибором ночного видения.

— Куда идти-то?

— Давай за мной! Только тихо, — скомандовал он и осторожно начал спускаться по другому склону холма.

Я — за ним. У огромного валуна, каким-то чудом удерживающегося на довольно крутом склоне, лейтенант опять замер и предостерегающе поднял руку.

— Что? — прошипел я ему на ухо.

— Тс-с! Слышишь?

Я прислушался. Поначалу ничего, кроме шума ветра, не услышал:

— Не слышу. А что там?

— Голоса. Двое: мужской и женский. Где-то тут, за камнем.

Я послушал еще. Точно, голоса! И, кажется, совсем рядом:

— Что делать будем?

— Для начала посмотрим, что там. Пошли! — Семен крадучись пошел вокруг валуна.

В соответствии с боевым расписанием, я прикрывал его тылы.

Обойдя камень, лейтенант осторожно выглянул за его край. И тут же отпрянул обратно:

— Тут они. Метров десять.

Я тоже посмотрел. У костра, разожженного у самого входа в небольшой грот (или пещеру?), сидели двое. Лицом ко мне — Мария Глебовна. Вид у нее был совершенно счастливый: радостно улыбаясь, она что-то говорила своему собеседнику.

А тот сидел ко мне спиной и загораживал собой пламя. Отчего вся его сгорбленная фигура казалась невероятно большой и зловещей. А может, и была такой на самом деле.

Я отполз обратно за камень и уселся рядом с лейтенантом:

— И что дальше?

Тот пожал плечами:

— А… его знает! Брать надо!

— Извиняюсь за нескромный вопрос: а за что? Сидят двое, беседуют, законов не нарушают. За что их брать-то?

— «За что, за что»! — передразнил меня Семен. — За …опу! Если это не наш клиент — извинимся и отпустим. А если наш — то другого такого шанса может и не представиться.

— А как ты поймешь, наш он или не наш? — не отставал я.

— Того я узнаю. Я же его лицо видел, забыл? Хоть и прозрачное, но, думаю, не ошибусь.

— Ну, тебе виднее. Я что должен делать?

— Не высовываться! — лаконично обрисовал круг моих обязанностей лейтенант и, вытащив пистолет, щелкнул предохранителем. — Я пошел.

Не успел я ничего ответить, как Семен одним прыжком выскочил из-за камня и рявкнул:

— Руки вверх! Оставаться на месте!

Мария Глебовна взвизгнула и вздернула руки. Даже в полумраке было видно, как побелело ее лицо. А вот ее спутник повел себя неправильно: он втянул голову в плечи, сжался в комок, но рук не поднял.

— Повторяю: руки вверх! Всех касается! — спокойно произнес лейтенант, держа на мушке сгорбленную спину мужчины.

Тот наконец внял разумному совету и неохотно поднял руки.

— Молодцы. А теперь очень медленно повернуться ко мне. Без глупостей и резких движений!

Акушерка молча открывала рот, переводя изумленный взгляд с Семена на меня, но не могла произнести ни слова. А ее загадочный приятель медленно начал поворачиваться. Рука с пистолетом у лейтенанта заметно напряглась.

— Михалыч, ты чего? Док, и ты здесь? — знакомым голосом поинтересовался задержанный. Поскольку он стоял спиной к огню, лица его видно не было.

— Кешка?! — хором изумились мы с Семеном.

— Ну да, — пожал плечами мой водитель. — А вы-то здесь откуда?

Семен смущенно кашлянул, но пистолет не убрал:

— Давай-ка сначала вы объясните нам, что тут делаете в это время!

Мария Глебовна из мертвенно-бледной мгновенно стала пунцовой. Кешкино лицо по-прежнему пряталось в тени, но, судя по тому, как он потупился, можно было догадаться о его окраске.

— Михалыч, ты, конечно, извини, но тебе-то какое дело? — тихо поинтересовался он.

— Я тебе потом объясню, какое мне дело. Поверь, есть причины спрашивать, — ледяным тоном заявил лейтенант.

— Ты бы хоть пушку-то убрал.

— Иннокентий, хватит болтать не по существу. Отвечай на вопрос! — прикрикнул на него участковый.

Ответить Кешка не успел. Мария Глебовна решительно подошла к нему сзади, обняла за плечи и громко, вызывающе заявила:

— Сами-то не поняли? Любовь у нас!

— Ага. Любовь, — тихо подтвердил Кешка.

Семен крякнул и опустил пистолет. Я устало опустился на холодный камень. Вот уж воистину — самые сложные вопросы имеют самые простые ответы!

— Михалыч, ты это… ты только никому не треплись, ладно? Док, и ты тоже. Я вас очень прошу! — голос у Кешки был потерянный.

— Мы просим! — поправила его акушерка. — Сами понимаете, деревня у нас маленькая, чуть что — слухи побегут, не остановишь. А нам этого не надо.

— Да не бойтесь вы. Ничего и никому мы не расскажем! — смущенно пообещал лейтенант, засовывая пистолет в кобуру. — Верно, Палыч?

— Конечно! — подтвердил я и неожиданно для самого себя

ляпнул: — А лопата вам зачем?

— Чего? — оторопело переспросил Семен.

Я молча показал рукой на вход в пещеру. Там, аккуратно прислоненная к каменному «косяку», стояла лопата. Обыкновенная, штыковая. Совершенно обычная вещь на любом огороде — и вовсе неуместная здесь, на пустынном островке посреди большого озера.

Любовники-отшельники в замешательстве переглянулись.

— И в самом деле! Зачем вам лопата? — заинтересовался лейтенант.

Первой пришла в себя Мария Глебовна.

— Кешик клад ищет. А я ему помогаю, — как-то буднично сообщила она.

Я заерзал на своем камне. Вечер удался на все сто! Ловили маньяка-убийцу со сверхъестественными способностями, а поймали влюбленную парочку кладоискателей.

— Кла-ад?! — протянул Семен. — А он здесь есть?

— Должен быть! Мне дед еще рассказывал, когда живой был. И карту рисовал! — уверенно заявил Кешка.

— А кто у нас дед? — вяло поинтересовался я.

— А дед у меня героический был. Он в этих местах в гражданскую воевал. Атамана Тутова по степям гонял. Клад-то как раз его. Тутовский.

— И что, атаман здесь его и зарыл? На острове? — недоверчиво спросил лейтенант.

— Семен, ты чего, с елки упал?! Какой остров? — возмутился Кешка. — Тогда еще озера и в помине не было! А острова — это холмы бывшие. Вот на этом-то холме, в пещере, Тутов клад и зарыл, когда его красные прижали.

— Да, как-то я про озеро забыл… — смутился участковый.

— И как успехи? Нашел что-нибудь? — спросил я кладоискателя.

Тот понурился:

— Не успел…

— То есть?

— Да вот, облом вышел: неделю целую копал, ямища получилась — будь здоров! А сегодня приплыл, в пещеру захожу: а в яме — вода до краев. Затопило! — скорбно поведал нам Кешка.

— А откуда вода-то?

— Как это — «откуда»? Из озера, само собой. Видно, я под самый берег подкопался, вот и прорвало.

Лейтенант решительно направился ко входу в пещеру:

— Ладно, авантюрист, показывай, чего нарыл. Раз уж мы тут.

Да и поплывем обратно, пожалуй.

— Да чего там показывать! — скорбно махнул рукой Кеша. — Залило все.

Однако взял лопату, включил фонарь и первым вошел в темноту.

— Палыч, ты идешь? — Семен выжидательно посмотрел на меня.

Я колебался. С детства я почему-то недолюбливал всякого рода дырки в земле, начиная от погребов и подвалов и заканчивая пещерами. Причем, что характерно, никакой почвы для этой нелюбви не было. Просто не любил, и все.

А кроме того, меня сильно смущал огромный валун, нависший над самым входом в пещеру. По всем законам физики он давно должен был упасть. И, если не упал до сих пор, то вероятность того, что он грохнется в любой последующий момент времени, повышалась на глазах.

— Семен, а может — ну его, этот клад?! Наверх погляди!

Лейтенант задрал голову, едва не потеряв фуражку:

— Ну?

— Что «ну»? Камень видишь?

— Вижу.

— Он же на честном слове держится! Мы сейчас войдем, а он грохнется, не дай бог! И получится славная такая братская могилка…

— Типун тебе на язык! Палыч, если эта махина до сих пор не свалилась, то и сейчас не свалится. Не дрейфь! Хотя, если не хочешь идти, погоди здесь. Я быстро.

Я помялся еще с полминуты и шагнул вперед:

— Ладно, уговорил. Пошли, посмотрим, чего там Кеша накопал.

Легок на помине! Из черной утробы пещеры донесся приглушенный крик:

— Ну, где вы там?

— Идем, идем! — отозвался лейтенант и нырнул под низкий свод.

Я вздохнул и полез следом.

Пещера оказалась совсем небольшой. Через несколько метров от входа узкий туннельчик вдруг расширялся и превращался в маленький подземный зал почти правильной сферической формы. Пола в пещерке не было. Вернее — почти не было, вместо него в пещере стояла вода. Темная, почти черная поверхность ее была абсолютно спокойной и выглядела чрезвычайно плотной. Казалось, по ней можно идти.

И лишь у самого входа в туннель оставалась небольшая

полоска суши. На ней, собственно, мы и стояли.

— Сколько живу здесь, а не знал, что на островах пещеры есть! — удивился Семен, вертя во все стороны головой.

— Да я и сам не знал! Это мне покойный дед рассказал: найдешь, говорил, холм с пещерой — там Тутов клад и зарыл. А казачков своих, которые сундуки схоронили, сам же и расстрелял. Чтоб не сболтнули кому, — сказал Кешка и печально добавил: — Только что толку теперь: всю воду ни в жизнь не вычерпать!

— Это тебе придется все озеро вычерпывать! — мудро заметил я. — Про сообщающиеся сосуды слышал? Пока дырку к озеру не закроешь, черпать бесполезно.

— Да где ж ее найти-то, эту дырку? Тут аквалангист нужен… или другой какой водолаз!

— Кешенька, не расстраивайся! Мы что-нибудь придумаем, — попыталась успокоить его Мария Глебовна, но особо не преуспела.

Кешка понурился. Он скорбно смотрел на черную спокойную воду и вздыхал. Словно безнадежно влюбленный пятиклассник.

Лейтенант хлопнул его по плечу:

— Марья права, Иннокентий! Не расстраивайся. Поехали-ка лучше по домам: тут делать пока больше нечего, а по окрестностям бродит маньяк…

Я пнул его по ноге и, кажется, довольно больно. Семен прикусил язык, но поздно.

— Маньяк?! — в один голос воскликнули кладоискатели.

— Какой маньяк? — отдельно уточнила Мария Глебовна.

Семен, запунцовев, открыл было рот, но сказать ничего не успел…

Пол пещеры вдруг приподнялся, едва не сбросив всех нас в неприятную черную воду. И тут же вернулся на место. Из туннеля, ведущего наружу, вырвалась тугая волна воздуха, принеся с собой короткий и гулкий звук удара. И опять воцарилась звенящая тишина.

— Что это было? — шепотом спросила акушерка.

Вместо ответа я ринулся в туннель: кажется, я понял, что!

Выхода не стало. Узкий лаз теперь упирался в монолитную каменную стену и ни единой щели не оставалось по бокам. Огромный камень, веками висевший над входом, наконец сорвался. Очень удачно выбрав для этого время.

Мы оказались плотно запечатанными в пещере. Не приходилось и думать о том, чтобы попытаться отодвинуть упавший валун, весил он, пожалуй, тонн десять. Если не больше.

— Что там, Палыч? — за спиной возник лейтенант.

— Неслышно подкрался маленький пушной зверек под

названием песец, — констатировал я. — Завалило нас.

— Твою мать! — выдохнул Семен, ощупывая камень.

— Ну, что там у вас?! — нетерпеливо крикнул из пещеры Кешка.

Они с Марьей при всем желании не смогли бы протиснуться к нам: через туннель с большим трудом можно было пройти лишь одному человеку.

— Хреново у нас! — откликнулся участковый, закончив осмотр. — Камнем вход завалило.

Продравшись обратно в пещеру, мы застигли немую сцену: любовники, абсолютно бледные, стояли на узком берегу и вид имели неважный.

— Совсем-совсем завалило? — робко уточнила Мария Глебовна.

— Вернее не бывает! — подтвердил я.

Кеша грязно и длинно выругался. Отведя душу, опасливо покосился на подругу. Той, впрочем, явно было не до контроля лексики.

— Как же… А что делать-то теперь? — растерянно спросила она.

Мы с лейтенантом дружно пожали плечами.

— Не знаю. Пока — думать, — сказал Семен. — Другого выхода, как я понимаю, из пещеры нет?

Кешка молча покачал головой.

— Ясно. Тогда думаем. Предложения есть?

— Может, попробовать камень отодвинуть? — это акушерка.

Я невесело усмехнулся:

— Вы его видели? Камень-то? Его несколькими бульдозерами не сдвинуть, не то что нашими руками.

— У нас же лопата есть! — воскликнул Кешка. — Прокопаемся наружу, и дело с концом.

— Гений! — констатировал лейтенант. — Камень вокруг. Где копать-то?

— Не везде! — обиженно заявил горе-кладоискатель. — Туннель — да, он каменный. А вон там кусок стены — земляной.

Мы синхронно повернули головы: в двух шагах от нас и в самом деле каменный массив рассекала широкая трещина, заполненная землей.

— А ведь верно! — я подошел и потыкал пальцем. — Земля.

— Так, заканчиваем нытье и начинаем работу! — лейтенант снял фуражку, бережно положил ее на скальный выступ и взял лопату. — Рыть будем по очереди: я начинаю, потом Кешка, потом док. И так по кругу, пока не прокопаемся куда-нибудь.

— Семен, а как ты думаешь, эта стена куда выходит? —

озвучил я мучавший меня вопрос.

Уже замахнувшийся было лопатой Семен замер:

— А какая разница? Все равно больше рыть негде. Будем пробиваться под углом вверх.

— Так мы несколько дней копать будем! — горестно воскликнула Мария Глебовна.

— А есть другие варианты? — резонно осведомился лейтенант.

Других вариантов не было. Семен крякнул и вонзил лопату в землю.

— Боюсь, нет у нас нескольких дней. Несколько часов, не больше, — поправил я акушерку.

— Это почему? — вопрос прозвучал хором.

Лейтенант опять остановился.

— Камень запечатал вход очень плотно. Воздух сюда не поступает. Пещера маленькая, а нас — четверо взрослых. Через какое-то время мы израсходуем весь кислород, — как мог, спокойно объяснил я.

Повисла тишина. Судя по изменившимся лицам сокамерников, опасность осознали все.

— Может, щель какая-нибудь есть? — пискнула Мария Глебовна.

Я пожал плечами:

— Может быть… Семен, дай зажигалку!

Лейтенант порылся в кармане и протянул мне спички:

— Вот, только это, — виновато развел руками.

— Сойдет.

Я чиркнул спичкой о коробок и поднял огонек повыше. Четыре пары глаз уставились на него. Пламя не шевелилось: в пещере не было ни малейшего движения воздуха. Выждав, пока спичка догорит, я швырнул ее в воду и констатировал:

— Сквозняков нет. Притока воздуха — тоже.

Опять наступила тишина. Первым опомнился Семен:

— Значит, надо поторапливаться! — и принялся за работу.

Мы пока присели на камни. Делать все равно было нечего.

— Пал Палыч, кто-нибудь знает, что вы здесь? — шепотом спросила меня акушерка.

— Увы! Только мы с Семеном, — я развел руками.

— А о каком маньяке он говорил? Вы что-нибудь знаете об этом? И как вы здесь оказались? — засыпала она меня вопросами.

Я вздохнул. Да чего уж там: скрывать далее, видимо, не имело никакого смысла:

— Видите ли, дело в том, что с некоторых пор в окрестностях Кобельков стали странно погибать женщины. Беременные… — не

торопясь, под мерный стук лопаты я поведал Марии Глебовне всю эту историю.

Закончил уже тогда, когда лейтенант передал лопату Кешке. Тот принял эстафету и принялся работать лопатой с проворством хорошего экскаватора.

— Круче, круче вверх забирай! — дал ему напоследок ценные указания Семен и уселся рядом с нами.

Акушерка выглядела потрясенной.

— И все погибшие наблюдались у меня? Поэтому вы решили, что я причастна к этим убийствам, да? — дрожащим голосом спросила она.

Я тут же почувствовал себя подонком.

— Мы обязаны были проверить…

Мария Глебовна тихо заплакала.

— Марья, ты это… не обижайся! Мы вовсе не считали тебя убийцей… — на последнем слове Семен поперхнулся и закашлялся.

Женщина зарыдала навзрыд, уткнувшись лицом в собственные колени. Я смотрел на ее содрогающуюся спину и чувствовал в горле противный холодный ком.

— Мария Глебовна, мы и в самом деле даже мысли не допускали о том, что вы напрямую причастны к этой истории. Но информация о ваших пациентках каким-то образом попадала к маньяку. Вот мы и решили проследить. Поймите, семь женщин погибло: мы обязаны проверить все версии, — попытался я ее успокоить.

— Я понимаю… — всхлипнула акушерка, не поднимая лица.

— Марья, может, у тебя есть какие-то предположения о том, как убийца узнавал о беременных? — лейтенант осторожно тронул ее за плечо.

Женщина наконец разогнулась и покачала головой:

— Понятия не имею. Правда. Я вообще никому о своих пациентках не рассказывала. Да никто и не интересовался.

— Но как-то же этот тип узнавал о своих жертвах! — устав сидеть на жестком и холодном камне, я вскочил и принялся мерить шагами маленький участок суши.

— Но не от меня, это уж точно! — почти полностью успокоившись, заявила акушерка.

— Марья… скажи, а к твоей картотеке кто имеет доступ? — тихо поинтересовался Семен.

От неожиданности я споткнулся и чуть не свалился в залитую водой яму. Как я сам-то не сообразил?!

— Да все, вообще-то… — пожала Мария Глебовна плечами. — Карты просто на полках стоят в моем кабинете. Любой может

посмотреть.

— Любой посторонний? — уточнил Семен.

— Ну нет, посторонний — вряд ли. Заметили бы сразу и выгнали. А вот из больницы кто-нибудь — это без проблем, — она осеклась и испуганно взглянула на лейтенанта. — Ты думаешь, это кто-то из наших?

— Похоже на то, — угрюмо подтвердил участковый.

Я опять уселся на свой камень и принялся загибать пальцы:

— Я, Клавдия Петровна, Инка, Нинка. Антона Иваныча исключаем, у него алиби. Пока он без сознания на дороге лежал, маньяк там же Семена вокруг костра гонял. Все. Круг подозреваемых сузился до четырех человек.

— До трех, — поправил меня лейтенант, — у тебя тоже алиби: ты убийцу у того же костра ножиком тыкал. Да и в Кобельках ты, Палыч, появился намного позже, чем начались убийства. Так что остаются трое…

Он помолчал немного и тихо добавил:

— И еще Аля…

Меня как током ударило. Аля?! Эта девочка, которая так внезапно появилась в моей жизни и как-то сразу стала ее смыслом? Аля, которая за короткое время влюбила в себя всех окружающих? Моя Кошка — в числе подозреваемых?! Я нехорошо посмотрел на Семена.

Тот выглядел виноватым.

— Палыч, извини. Но она ведь живет в больнице, верно? Раз уж мы считаем, так давай считать всех.

— Семен, Аля появилась в Кобельках еще позже меня! — я старался говорить спокойно, но получалось это с трудом.

— Верно, — как-то подозрительно легко согласился он и, наклонившись к самому моему уху, прошептал, — но у Али есть нечто такое, что есть и у нашего маньяка…

— Это что же?

— Сверхъестественные способности. И некоторые необъяснимые странности.

— Ты о чем?!

— Палыч, я видел вчера чудо. Ты видел. Инка с Нинкой — тоже. И его сотворила Аля. Еще у нее нет отпечатков пальцев, что несколько необычно, как ты понимаешь. Еще — ее странное появление на острове посреди озера… Мы ведь до сих пор не знаем, кто она и откуда, — пояснил шепотом лейтенант.

— Но Аля… — начал было я, но он меня перебил:

— Она — необыкновенная, согласен. И ты ее любишь — это я тоже знаю. Она, кажется, тебя тоже. Но пойми, Палыч, ситуация складывается так, что мы *никого* не можем исключить из числа

подозреваемых! Даже Алю.

Я вздохнул. С формальной точки зрения Семен, возможно, прав. Даже наверняка — прав. Да и ладно, черт с ним: пусть сам убедится, что моя Кошка тут ни при чем…

Мои размышления были прерваны длинным затейливым матом, донесшимся из ниши в стене, куда уже полностью углубился Кеша.

1 октября, 01.40, Кобельки

Он легко спрыгнул вниз и полюбовался на дело рук своих: камень лег прочно, надежно закупорив вход в пещеру. Людям, оставшимся внутри, ни за что оттуда не выбраться. Вот и чудесно!

Ухмыльнувшись, *Он* попытался посмотреть своим *другим* взглядом, что делают пленники пещеры. И с неприятным удивлением обнаружил, что не может до них дотянуться. Видимо, его взгляд не в состоянии пробиться через толщу монолитного камня. Ну что же, *Он* примет это к сведению!

Она, наверняка, будет довольна. Одним махом удалось избавиться и от настырного участкового, и от этого доктора, который решил влезть не в свое дело. С участковым надо было особенно торопиться: пока тот *Его* еще не узнал, но это могло произойти в любой момент!

Но теперь *Он* в безопасности, ведь участковый заживо похоронен в этой пещере. Правда, еще двое оказались запертыми здесь, но это не имеет никакого значения. Лес рубят — щепки летят!

Он перенесся сознанием из временного тела в постоянное. И открыл глаза уже дома.

— Ну? — спросила *Она.* — Теперь-то удалось?

Все еще обессиленный после перемещения между телами, *Он* молча кивнул.

— Вот и славно. Теперь можно будет спокойно завершить то, что начали. Осталось всего две. И одну я уже тебе нашла. Пока отдыхай и набирайся сил. А завтра — продолжим, — *Она* скупо улыбнулась тонкими губами и вышла из комнаты.

1 октября,02.35, озеро Белое

— Иннокентий, ты чего? — строго прикрикнул на Кешу лейтенант.

— Все, Семен, приплыли! — скорбно ответил из своей ниши копатель. — Дальше только камень. Везде — камень!

И в качестве иллюстрации к своему заявлению ударил

несколько раз лопатой. Послышался противный скрежет металла по камню.

Семен сорвался с места и подбежал к Кешке. Я тоже.

— Что, нигде не пробиться? — лейтенант отобрал лопату и принялся с размаху бить ею по стенам выкопанной ниши.

Лопата скребла по камню и высекала искры. Копать было больше негде.

— Да… здесь не пройти! — констатировал наконец лейтенант и отшвырнул ненужный теперь инструмент.

— А больше — негде! — выкрикнул Кешка и заметался по пещерке.

— Значит, нужен другой план! — философски заметил я.

— Гениально! А он у тебя есть? — поинтересовался Семен.

Я покачал головой. Плана у меня не было.

— Ладно, давайте опять думать, — подытожил лейтенант.

Мария Глебовна кашлянула. Все взоры обратились к ней.

— Мне кажется или и в самом деле дышать стало труднее?

Повисла тягостная пауза. Все, видимо, прислушивались к своим ощущениям.

— Марья, ты давай без паники! Пока дышится нормально, — неуверенно заявил Семен.

Я молча кивнул головой в знак согласия. Хотя на самом деле мне тоже стало казаться, что кислорода в воздухе маловато. Я несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь понять, так ли это. Будто собираясь нырнуть…

Нырнуть?! А что, почему бы и нет?

— Кажется, придумал! — воскликнул я.

Все трое с надеждой уставились на меня.

— Кеша, ты говорил, что подкопался под берег и поэтому яму залило, так?

— Ну да, — неуверенно подтвердил он.

— Значит, нам надо нырять: искать отверстие, сообщающееся с озером. И попытаться выбраться через него.

Тишина. Шесть глаз с немым удивлением в них.

— Вода ледяная! — обрел наконец дар речи Кешка.

— Знаю. Придется сначала нырять по очереди, пока дыру не найдем. Так, чтобы в воде зараз не больше двух минут проводить. Пока один ныряет — остальные греются, — парировал я.

Лейтенант задумчиво смотрел на черную воду:

— Палыч, а ты прав. Должна быть дыра. Не факт, правда, что она достаточно большая, чтобы в нее пролезть… но пробовать надо. Это наш единственный шанс.

Кешка торопливо принялся раздеваться.

— Оставь! — остановил я его, когда он принялся стаскивать с

себя водолазку.

Иннокентий замер и непонимающе посмотрел на меня.

— Свитер и брюки лучше оставить: движений они почти не стесняют, а тепло в воде сберечь помогут, — пояснил я, — снимаем только обувь и верхнюю одежду.

Кешка кивнул и, разувшись, подошел к воде.

— Фонарь возьми. Он водонепроницаемый, — лейтенант сунул ему в руки свой фонарик.

— Спасибо. Ну, я пошел?

— Давай. С Богом!

Кеша сделал глубокий вдох и прямо с берега солдатиком прыгнул в заполненную водой яму, сразу же скрывшись с головой. Сгрудившись на берегу, мы во все глаза следили за тусклым пятном света, медленно перемещающимся в глубине. А я еще и посматривал за секундной стрелкой на часах.

Двадцать секунд… Тридцать… Сорок пять…

Кешка вынырнул на пятидесятой секунде. Ухватившись за камень, он повис в воде, шумно и жадно дыша.

— Ну что? Не нашел? — с надеждой спросила его Мария Глебовна.

— Н-нет п-пока! — его зубы стучали.

Отдышавшись, Кешка отпустил камень и вновь ушел под воду. А лейтенант принялся разуваться.

Сорок секунд… Пятьдесят… Минута…

— Почему он не выныривает? Так долго… — прошептала акушерка.

Свет под водой замер на одном месте. Минута и десять секунд…

— Я пошел! — заявил Семен и шагнул к воде.

Навстречу ему вздымая фонтаны брызг, выметнулся Кешка. Будто ошалевший кит, он всем телом выбросился на берег, да так и остался лежать, с хрипом и свистом хватая ртом воздух. Мария бросилась к нему:

— Кешенька, ты как? Почему так долго? Господи, замерз-то как, синий весь! — причитала она над ним, укутывая двумя куртками — Кешкиной и своей.

— Дыру нашел? — деловито осведомился лейтенант.

Кешка молча покачал головой: не нашел.

— Док, ты следующий! — предупредил меня Семен. Подхватил фонарик и шагнул в воду.

А я начал разуваться.

Лейтенанта не было почти минуту. Потом все повторилось: Семен вынырнул и повис в воде, уцепившись за камень и отдуваясь.

— Не нашел! — сообщил он, не дожидаясь моего вопроса. И вновь нырнул.

В этот раз он вернулся быстрее:

— Есть дыра! Довольно большая. Надо проверить, куда ведет! — и собрался было опять нырнуть.

— Стой! — заорал я во все горло.

Присутствующие вздрогнули и уставились на меня.

— Т-ты ч-чего, П-палыч? — стуча зубами поинтересовался Семен.

— Не вздумай лезть в дыру один! Застрянешь еще неровен час! Надо, чтобы страховал кто-то, — объяснил я. — И вообще, давай вылезай, пока не заколдобился окончательно. Место запомнил?

— З-запомнил! — прохрипел лейтенант и выбрался на сушу.

— Грейся давай! — я набросил на его плечи свою куртку. — Согреешься — полезем в воду вместе. Покажешь дыру и будешь меня страховать. А я попробую пролезть.

— А п-п-почему т-ты? — простучал зубами Семен.

— Потому что я еще не нырял. И пока не замерз. Поэтому я полезу, а ты меня за ноги будешь страховать. Если застряну — вытащишь. Идет?

— Пусть Семен отдыхает пока, — встрял в разговор оживший Кеша. — После тебя, Палыч, ведь моя очередь нырять была!

— Ты сиди пока в резерве! Семен мне место покажет, — объяснил я.

Минут пять прошло в молчании.

— Ну что, док, пошли? Я готов! — наконец бодренько заявил участковый.

— Точно готов? — я с сомнением его оглядел.

Губы еще синеватые, но дрожать перестал. И то ладно!

— Готов, готов. Пошли, чего тянуть! — Семен сбросил куртку и направился к воде.

— Ну, давай. На счет три. Раз! Два! Три!

И мы нырнули. Сказать, что вода была холодной — значило бы не сказать ничего. Она была обжигающе-ледяной. Все тело тут же свело в один тугой ком холодной боли. Сердце моментально подпрыгнуло куда-то в голову и безумно там заколотилось.

Под водой я открыл глаза. Сначала не увидел ничего, кроме зеленоватой мути. А потом в поле зрения вплыло тусклое световое пятно, шарящее по подводной стене прямо перед моим носом.

Лейтенант дернул меня за руку. Я повернулся к нему — Семен свободной рукой с фонариком показывал куда-то правее и ниже. Туда, где в стене чернотой зияла дыра.

Поначалу она показалась мне огромной. Но, подплыв ближе, я понял, что это впечатление было обманчивым, поскольку вода искажает истинные размеры.

На самом деле отверстие оказалось небольшим. По моим прикидкам, едва достаточным для того, чтобы туда пролезли плечи взрослого человека. Не позволяя себе тратить время (и кислород!) на пустые сомнения, я перехватил у лейтенанта фонарик и головой вперед втиснулся в подводный лаз. Ощутив, как мою правую лодыжку крепко ухватила рука: Семен честно меня страховал.

Вытянув руки как можно дальше вперед, я ужом протискивался сквозь каменный туннель, подсвечивая путь фонариком. И моля Бога о том, чтобы не застрять. В ушах гулко стучал пульс, а в голове в том же ритме колотилась подленькая мыслишка о том, что воздух вот-вот закончится, а выбраться назад я не успею.

И без того узкий лаз вдруг сузился еще больше. Я задергался всем телом, ввинчиваясь в туннель. С трудом, но помогло: обдирая бока об острые камни, я продвинулся еще на метр. И с немым восторгом обнаружил впереди, совсем недалеко, выход.

Забыв обо всем, я рванулся к нему. Туннель после пройденного мной сужения, теперь плавно расширялся. И никаких препятствий до самого его устья больше не было!

Кроме одного. С ужасом я осознал, что, несмотря на все мои старания, я больше не могу продвинуться ни на сантиметр, ведь Семен крепко держал меня за ногу!

Да что ж ты делаешь-то! Забыв, что нахожусь под водой, я чуть не заорал. Ситуация усугублялась тем, что мой ресурс «автономного плавания» подходил к концу: я начал задыхаться. И времени на то, чтобы протиснуться назад, через подлое сужение, уже не оставалось. Единственный шанс выбраться на поверхность заключался в том, чтобы продраться к выходу и вынырнуть уже в озере.

Перед глазами поплыли разноцветные пятна. Чертовски хотелось вдохнуть: плевать, что воду, главное — вдохнуть! Я в отчаянии забил ногами, попав свободной левой по чему-то мягкому. И с ликованием ощутил, как разжались пальцы, вцепившиеся в мою лодыжку!

На жалких остатках кислорода я рванул вперед, уже почти ничего не видя из-за разноцветных пятен, пляшущих в глазах. Будто торпеда из пускового аппарата, я вылетел из каменной трубы и устремился наверх. К воздуху!

…Пришел в себя уже на берегу. От холода. Здесь, снаружи, шел дождь и вовсю резвился пронизывающий ветер. Теперь

казалось даже, что в воде было теплее! Вскочив, я обхватил себя руками и запрыгал на месте, пытаясь согреться. Выходило как-то не очень…

«Да чего ж я здесь прохлаждаюсь? — резанула сознание мысль. — Меня же там, в пещере, ждут!»

И в самом деле! Я ведь на разведку поплыл. Пройду — не пройду. Вот, прошел. Теперь придется вернуться и сообщить бывшим «сокамерникам», что путь свободен. Ну или почти свободен. А то ведь меня, наверное, похоронили уже…

Я вздохнул и опять полез в ледяную воду.

Обратный путь показался проще. Без особых затруднений миновав коварное сужение, я выбрался из дырки в подводной стене пещеры и всплыл.

— Палыч! Живой?! — с берега ко мне потянулись руки.

Уцепившись за них, я выкарабкался из воды. В пещере определенно было теплее, чем снаружи. Едва я поднялся на ноги, как на мне с двух сторон повисли Семен и Мария Глебовна (объятия последней почему-то показались мне более приятными!). Кешке места не досталось, поэтому он просто с восторженным гиканьем бегал вокруг.

— Мы уж решили, что ты утонул! — радостно хлопнул меня по спине лейтенант.

— Ага. Утонул. Почти, — хмыкнул я. — Особенно когда ты мне в ногу вцепился и вынырнуть не давал.

Он смутился:

— Сам же просил страховать…

— Ладно, не тушуйся! — на радостях я был великодушен. — Главное мы выяснили: этим путем можно выбраться. В одном месте, правда, проход сужается, но продраться можно.

— Ну так пошли, чего ждем? — дернулся было к воде Кеша.

Я удержал его за руку:

— Погоди. Есть одна… э-э-э… проблема!

— Какая еще? — нетерпеливым хором спросили затворники.

Я выразительно посмотрел на знатный бюст Марии Глебовны.

— Видите ли, в силу некоторых анатомических особенностей даме будет сложнее проползти через туннель!

Дама, несмотря на холод, густо покраснела.

— Во, точно! — озадачился Кеша. — Палыч-то прошел без проблем — он плоский. А тут как быть?

— В том-то и дело, что были проблемы. Некритичные… для меня, но были. А вот для Марии Глебовны они могут оказаться серьезнее, — вздохнул я.

— Что же мне делать? — женщина выглядела растерянной. И

испуганной.

— Для начала, вам придется раздеться полностью… До пояса, по крайней мере! — поспешил я поправиться, увидев, как округлились глаза акушерки. — Чтобы ничем не зацепиться.

Сбоку засопел Кеша:

— Палыч, а нельзя как-нибудь по-другому, а?

— Можно! — пожал я плечами. — Например, мы выбираемся и отправляемся за помощью, а Мария Глебовна остается здесь. Пока кислорода хватит.

— Одна я тут не останусь! Да ни за что! — со страхом в голосе воскликнула она и лихорадочно принялась раздеваться.

Мы деликатно отвернулись. Через минуту сзади послышался робкий голос:

— Я готова. Можно нырять!

— Значит, так пойдем строго по порядку. Сначала я, сразу же за мной — Мария Глебовна, далее — Семен с Кешей. Я выбираюсь на другую сторону туннеля и помогаю вылезти Марье. Вы вдвоем, — я ткнул пальцами в лейтенанта с Иннокентием, — страхуете ее сзади. Если задержится на одном месте больше, чем на пятнадцать секунд — выдергиваете обратно.

— Ну, допустим, выдернем. А дальше что? — поинтересовался Семен.

— Дальше, наверное, придется Марии Глебовне все-таки здесь остаться. А мы рванем за помощью. Поднимем мужиков, вернемся сюда и всем скопом камень отвалим.

— Я не хочу здесь оставаться! — заблажила акушерка.

Кешка обнял ее и принялся гладить по голове.

— Не бойся, если что — я с тобой останусь…

Я хотел было возразить, что на двоих им понадобится вдвое больше кислорода, но передумал. И вместо этого сказал совсем другое:

— Но я все-таки надеюсь, что мы прорвемся. И домой поплывем все вместе.

— Прорвемся. Точно, — коротко и веско подтвердил лейтенант. Заткнул за пояс пистолет и добавил: — Ладно, хватит время терять. Выстраиваемся боевым порядком — и вперед. Марья, да будет тебе краснеть, никто на твои прелести не смотрит, у нас задача сейчас — выбраться. И выжить.

Мы построились у воды.

— На счет «три», — предупредил я, испытывая легкое дежавю. — Раз! Два! Три!

С громким всплеском четыре тела вошли в воду. Не оглядываясь на Марию Глебовну, я вплыл в туннель и уже знакомым путем продавился сквозь него. На другом его конце

развернулся и принялся ждать, светя фонариком в глубь подземно-подводного хода.

Вот она! В луче света показались руки, потом голова с плечами. Последние уже миновали неприятное сужение туннеля и я вздохнул с облегчением. И тут же понял, что зря.

Потому что в следующий момент Мария Глебовна застряла. И запаниковала, молотя кулаками по стенам туннеля и пуская пузыри.

Я поймал ее мечущиеся руки и принялся тянуть. А в голове сам собой запустился отсчет секунд: три… пять… восемь…

Интересно, это мне кажется, или на самом деле женщина понемногу продвигается? Я удвоил усилия: десять секунд… двенадцать… В висках застучало молотом, запас кислорода заканчивался. Да и Мария Глебовна вдруг стала вялой — судя по всему, она начала терять сознание.

Я рванул изо всех сил, до помутнения в глазах. И почувствовал, как ногами вперед вываливаюсь из проклятого туннеля. А за мной, едва шевелясь, из дыры выплыла акушерка.

Не церемонясь, я обхватил ее за талию и устремился наверх. Едва наши головы показались над водой, как по ним ледяной плетью хлестнул ветер пополам с дождем. Раскрытыми ртами мы жадно хватали и то и другое.

Только мы успели выбраться на берег, как из воды показалась еще одна голова — Кешкина. Через секунду вынырнул и лейтенант.

— Х-х-холодно! — клацая зубами, пробормотала Мария Глебовна.

Плюнув на приличия, я обнял ее, что ни говори, из нас всех на ней было меньше всего одежды.

Дождавшись, пока пошатывающийся Кеша подойдет ближе, передал ему даму с рук на руки:

— Вот, держи и грей!

— Некогда стоять, да и не согреемся мы так! — возмутился подоспевший Семен. — Рассаживаемся по лодкам и гребем домой. Иначе замерзнем все к такой-то матери!

Лейтенант был прав: единственный способ согреться в нашей ситуации — движение. Причем чем интенсивнее, тем лучше.

— Бежим к лодкам! Как на уроке физкультуры в школе, с высоким подниманием бедра. Чтобы тепла больше выделялось! — скомандовал я и первым побежал по берегу. Вынырнули мы, как выяснилось, с другой стороны острова!

Оглянулся: за мной, вытянувшись цепочкой и высоко вскидывая ноги, бежала вся команда. Зрелище было бы комичным, если бы не лютый холод, вполне способный убить нас

за пару часов. А может, и раньше.

Бег все-таки помог. Несмотря на проливной, отнюдь не летний дождь и зверствующий ветер, стало ощутимо теплее. По крайней мере, больше не била противная крупная дрожь.

Вот и лодки! Подбежав к плавсредствам, мы сгрудились на берегу, переводя дух.

— На какой поплывем? — деловито поинтересовалась Мария Глебовна. Судя по всему, она тоже согрелась на бегу.

— На обеих! — ответил я, запрыгивая в ближайшую лодку. — По двое на лодку. Один интенсивно гребет, другой в это время мерзнет. Потом — меняемся.

— Палыч, у нас ведь еще наша лодка есть! Мы ее с другой стороны острова оставили, — напомнил лейтенант.

— Потом заберешь! — отмахнулся я. — Разделяться по одному на лодку не стоит. Мало ли…

Ох, как же я оказался прав!

1 октября, 03.15, Кобельки

Он проснулся будто от толчка. Что-то было не так. Что именно — пока непонятно, но определенно — не так. *Он* умел это чувствовать.

Отгоняя остатки сна, вспомнил последние события. И первым делом решил проверить, что там с пленниками пещеры. Совсем забыв, что не может заглянуть сквозь монолитный камень.

Он закрыл глаза и посмотрел. Сначала не поверил тому, что увидел. А когда понял, что это не сон, — пришел в ярость.

Пленники уже не были пленниками. Да и не в пещере они были теперь: плыли, лихорадочно гребя, по озеру на двух лодках. Почему-то босиком и без верхней одежды.

Выбрались-таки! Как, каким образом — *Его* это не интересовало. Главное — добраться наконец-то до проклятого милиционера и покончить с ним окончательно! А заодно и с доктором. Придется, правда, и остальных прикончить, но это — мелочи.

Кипя от гнева, *Он* нырнул взглядом под лодку, на корме которой сидел доктор. И принялся лепить себя из холодной воды.

1 октября, 03.20, озеро Белое

Была моя очередь мерзнуть на корме. Я сидел съежившись и обняв себя за плечи. Разгоряченное после бешеной гребли тело моментально начало избавляться от тепла. Вместе с паром меня покидали драгоценные градусы, и перспектива замерзнуть опять

замаячила совсем рядом.

Я покосился на лейтенанта: тот греб будто заправский чемпион-байдарочник. И ему сейчас было тепло. Как и мне — еще три минуты назад, до того как мы с Семеном поменялись местами.

Справа и чуть позади, вздымая носом буруны, неслась лодка с Кешкой и Марией. На веслах сейчас была как раз она. И, надо сказать, в скорости акушерка ничем не уступала лейтенанту. Холод не тетка!

— Палыч, ты как? Не совсем замерз еще? — отрывисто поинтересовался Семен.

— Греби, греби! Я же только что сменился.

— Да просто ты синий весь, будто утопленник! — сделал мне комплимент лейтенант.

— На себя посмотри! Тоже румянцем не играешь! — огрызнулся я, пытаясь свернуться в комок потуже.

— Мне-то хо… — начал фразу Семен, но закончить ее не успел.

Вода по левому борту вдруг вздыбилась, выпуская из себя что-то большое и темное. И это «что-то», обхватив лейтенанта руками (только руки я и успел разглядеть!), вместе с ним плюхнулось обратно в озеро. И — все! Только круги по воде…

— Семен! — я перегнулся через борт, едва не перевернув лодку. — Семе-е-ен!!!

Вода не отвечала. В темноте невозможно было разглядеть, что происходит в глубине. А там определенно что-то происходило: всего в метре от борта лодки вода заволновалась, образовала вдруг пологий бугор, из центра которого по пояс вырвался лейтенант:

— Стреляй! — хрипло крикнул он и вновь скрылся под водой.

Стрелять? От удивления я едва не упал в воду. Куда стрелять, в кого? И главное — чем?! Пистолет, помнится, был у Семена: точно помню, как он засунул его за пояс перед нашим историческим подводным заплывом. А вот куда оружие делось потом — я как-то не уследил. Да и нужды такой не было.

— Стреляй, Палыч! — крикнула мне голова лейтенанта, на миг показавшись из воды.

В растерянности я огляделся, подсвечивая себе фонариком. И тут же нашел то, что искал: пистолет лежал под скамейкой, на которой только что сидел Семен. Видимо, он выпал у лейтенанта из-за пояса в момент рывка.

Схватив оружие и вспомнив, чему нас учили на военной кафедре, я отщелкнул вниз предохранитель и передернул затвор. Так, пистолет к бою готов. Теперь осталось выяснить, в кого (или

во что) стрелять.

Перехватив поудобнее обеими руками лейтенантов ПМ, я навел ствол на то место, откуда несколько секунд назад выныривал Семен. И стал ждать появления цели.

А вместо нее опять всплыл участковый. Отплевываясь, прохрипел:

— Стреляй прямо в воду, под меня! Он там! Скорее!

Я взял на мушку воду перед лейтенантом и нажал на спуск, моля Бога о том, чтобы не зацепить Семена.

Выстрел! Я чуть переместил ствол ближе к себе и вновь выстрелил. Потом еще. И еще… до тех пор, пока не расстрелял всю обойму.

Когда вместо выстрела раздалось металлическое клацанье, я отшвырнул бесполезный пистолет и протянул лейтенанту весло:

— Живой?! Хватайся!

Он молча вцепился в весло. Я рывком подтянул Семена к борту и схватил за руки:

— Ты цел? Я в тебя не попал?! Чего молчишь, отвечай! — и затащил его в лодку.

— Да цел вроде, — неуверенно ответил участковый, валяясь на дне нашего плавсредства.

— А этот? Куда он делся?

Лейтенант пожал плечами:

— Не знаю, Палыч. Он меня за ноги держал, когда ты палить начал. А потом дернулся пару раз, я это почувствовал, — и все!

— Что «все»?

— Что, что… Отпустил он меня. А куда сам делся — не знаю. Наверное, исчез просто, как и раньше, — сварливо объяснил Семен.

— Вот черт… Да кто же он такой-то? — растерянно спросил я незнамо кого и уселся на свое место на корме. — Ладно, греби давай, пока не замерз. Тебе теперь двойная доза положена за непредвиденное купание.

Он кивнул, устроился на веслах, и мы продолжили путь.

— Что там у вас?! — раздался крик по правому борту.

От неожиданности мы вздрогнули. В пылу короткого сражения вовсе забыли о наших товарищах по несчастью.

— Все в порядке уже! Гребите, не останавливайтесь, потом объясним! — крикнул им лейтенант, не прекращая работать веслами.

А меня отчаянно свербила мысль… Не удержавшись, я спросил:

— Михалыч, а чего он на тебя-то набросился? Ты ж вроде не беременный…

— Да вроде нет… — как-то без уверенности в голосе ответил Семен.

— Тогда почему — ты?!

— Палыч, откуда я знаю?! Может, решил отомстить за то, что я в прошлый раз ему бо-бо сделал. Или хотел нас всех перебить, а с меня просто начал. Откуда мне знать, что на уме у этой твари? — возмутился участковый.

Задумавшись, я даже забыл дрожать и стучать зубами.

— Семен, а мне кажется, что он от тебя, как от свидетеля хочет избавиться. Вот хоть ты тресни! Боится, что ты его узнаешь… Вернее, вспомнишь, где видел прежде. А ты ведь его видел раньше, верно?

— Видел. Точно видел. Но где — убей не помню! — подтвердил он.

— А в Кобельках никого похожего не встречал после нашей памятной встречи у костра?

— Док, я же толком не рассмотрел его тогда. Прозрачный он был, если помнишь. Видел я у нас нескольких мужиков, вроде чем-то похожих. Но сказать наверняка — не могу. Хотя, мне кажется, если его увижу — узнаю точно, — лейтенант помолчал немного и добавил: — Знаешь, тут еще одна странная вещь случилась…

— Какая?

— Понимаешь, пока мы с этим гадом под водой барахтались, у меня в голове голос звучал… Будто он мне на ухо шипел!

— Под водой?! — усомнился я.

— То-то и оно… Я знаю, что невозможно, но четко, совершенно четко слышал!

— И что же он говорил?

— Вот, почти дословно: «Дрянь! Две… всего две остались… Не дам помешать… Не дам!»

Я совсем забыл о холоде:

— Две остались? Что это значит?!

— Палыч, прекрати! Я что, похож на телепата? Понятия не имею!

— Да вот, выходит, что похож! — усмехнулся я. — В минуту крайнего напряжения душевных сил ты читал мысли супостата. Не мог же он под водой тебе на ухо шептать. Так что — телепат вы, батенька, как ни крути. Вольф Мессинг, блин!

— Да ну тебя! — скривился лейтенант и еще пуще заработал веслами.

А я опять стал замерзать на своей корме. Пардон, на корме лодки.

Глава 4

1 октября, 03.55, Кобельки

До берега мы добрались без приключений. Обе лодки одновременно ткнулись носом в песок и выбросили из себя изрядно подмерзший десант.

— По домам, бегом марш! — скомандовал Семен. — Горячую ванну, коньячку для сугреву и под одеяла. Всё — завтра!

Экипаж второй лодки дружно закивал головами, развернулся и скрылся в ночи. А мы с лейтенантом рванули в другую сторону. Через сотню метров Семен свернул направо.

— Все, Палыч, я домой. Завтра всё обсудим. Пока!

И тут меня накрыло озарение:

— Семен, сколько женщин погибло?

Он остановился, будто на стену налетел:

— Семь. Если верить Але. Ты чего?

— А этот… маньяк тебе говорил, что еще две осталось?!

— Ну… да, мне так показалось.

— Не показалось тебе, лейтенант. Ох не показалось! Все складывается!

— Что складывается?! Ты о чем, Палыч?

— Семь женщин убито. Две осталось. Итого — девять! Девять, понимаешь?! — мой ор эхом разносился над спящими Кобельками.

— Не понимаю! — помотал головой Семен.

— Поверье! Вспомни! Цыганское поверье, я о нем рассказывал тогда, у Абрама Мееровича! Девять беременных. Трижды по три! Этот гад набирает девять нерожденных душ! И ему осталось добрать еще две, чтобы обрести бессмертие, исцелиться от всех болезней и исполнить одно свое желание!

— Бред! — подытожил мою пламенную речь лейтенант. — Поспать бы тебе, Палыч!

— Бред?!! — возмутился я. — А зачем тогда ему именно девять жертв? Ты можешь это объяснить еще как-то?

— Не могу.

— Тогда какого… ты отмахиваешься от очевидного? Это — мотив, Семен, понимаешь?

— Не верю я в мистику, — угрюмо заявил лейтенант.

Я аж задохнулся от негодования:

— После всего, что случилось в последние дни, ты все еще не веришь в мистику?! Мы в восхищении! Да леший с ней, с мистикой, можешь не верить! Главное — *он* верит! Эта сволочь

верит в то, что сбудется цыганское пророчество! И целенаправленно идет к этому. Мы нашли мотив, Семен! — во мне кончился воздух, и я умолк.

Лейтенант выглядел озадаченным.

— Черт его знает… Наверное, ты прав. Это мотив. Поскольку других версий, связанных с числом девять у нас нет, примем эту за основную.

— И еще, Михалыч… — меня вновь осенило. Наверное, переохлаждение благотворно повлияло на мою умственную деятельность. — Если наш маньяк верит в исполнение этого пророчества, то, скорее всего, он неизлечимо болен.

— Это почему?! — изумился Семен.

— Потому что одним из пунктов в списке ожидаемых благ числится исцеление от всех недугов, — пояснил я и зевнул. — А теперь — по домам. Очень спать хочется!

Я разбудил Алю, как обещал. Так, как она хотела.

— Привет, Кот! — улыбнулась она, когда к ней вернулось дыхание. И потянулась.

— Привет, Кошка! — шепнул я в ответ, любуясь ею.

— Ты поздно, — констатировала она.

— Скорее рано, — улыбнулся я. — Утро уже.

— Тебе несладко пришлось, да?

— Да. Но все обошлось, — я поцеловал ее ладошку. — Все уже хорошо.

— Я знала, что ты выберешься. Поэтому и не волновалась, — сообщила Аля.

Я даже не удивился. Конечно, знала.

— Я очень спешил к тебе. Наверное, поэтому и выбрался.

— Наверное, — она села в постели и наклонилась ко мне. Ее волосы приятно защекотали лицо. — Кот, я тебе обещала сказать кое-что, помнишь?

— Еще бы! Весь день томился в ожидании, — улыбнулся я и притянул ее к себе. — Будешь и дальше томить?

— Не буду! — она быстро поцеловала меня горячими губами и отстранилась.

— Ты чего, Котенок? — я опять попытался было ее обнять, но она не позволила:

— Подожди. Я хочу видеть твое лицо. И глаза.

— Хорошо. Ты очень серьезная сегодня. Даже торжественная.

— Наверное, — она взяла мои руки в свои. — Кот, ты правда меня любишь?

— Я правда тебя люблю, Кошка, — подтвердил я. — Разве ты не чувствуешь?

Аля кивнула:

— Чувствую. Просто хотела, чтобы ты еще раз это сказал.

— Алька, что-то случилось? Ты какая-то необычная сегодня.

Она улыбнулась:

— А я и чувствую себя необычно. У меня будет ребенок, Кот.

Я закрыл глаза. Сердце забухало в голове, будто просясь наружу. Алины ладошки в моих руках были обжигающе-горячими. И через них в меня опять вливалось тепло, как и тогда, давным-давно, когда я в первый раз коснулся ее.

— У *нас* будет ребенок. И это лучшее из всего, что я когда-либо слышал, — тихо, не открывая глаз, сказал я.

По интонациям тишины я понял, что она улыбается. И открыл глаза.

— Как ты думаешь, я буду хорошей мамой? — Алька и впрямь улыбалась.

— Ты будешь чудесной, восхитительной, умопомрачительной мамой! Самой лучшей мамой на свете! И женой, — добавил я, отчего-то внутренне сжавшись.

Она вопросительно посмотрела на меня. Молча.

— Алька, ты выйдешь за меня замуж? — не замечая того, я стиснул ее руки.

— Конечно, — просто ответила она. И добавила, смеясь: — Иначе ты сломаешь мне пальцы…

1 октября, 11.46, Кобельки,
участковая больница

— Пал Палыч, у нас вызов! В Антоновку. Больной тяжелый! — Клавдия Петровна ворвалась в мой кабинет как раз в тот момент, когда я собирался испить чаю.

— Что там? — я с сожалением отодвинул чашку и встал.

— Точно неизвестно. Говорят, высокая температура, судороги и теряет сознание.

— Поехали. Сколько времени уйдет на дорогу?

— Минут тридцать-сорок. Дождь с вечера хлещет, дороги размыло, — виновато развела руками фельдшерица.

Я кивнул. Уж кто-кто, а я слишком хорошо знал, что дождь не переставал всю ночь!

Кешка спал в машине, обняв руль. Я влез в «уазик» и ткнул драйвера пальцем в бок. Он встрепенулся и непонимающе уставился на меня.

— Не спи, замерзнешь… кладоискатель хренов. Поехали, нас ждут великие дела.

— Палыч, как ты высыпаться ухитряешься? У меня после

вчерашнего голова будто утюгами набита! — пожаловался Кеша.

— Очень образное сравнение! Открою тебе тайну — я не высыпаюсь, а делаю вид. И еще у меня жена — волшебница! — вдруг ни с того ни с сего брякнул я.

— Везет тебе! — завистливо протянул Кешка, даже не удивившись. И завел мотор.

Да, езда по размытым сельским дорогам — занятие не для слабонервных. Даже на «уазике». Машину постоянно заносило, колеса пробуксовывали в глине, какую-то часть пути она вообще умудрилась проехать боком. Несколько раз мы чуть не оказались в придорожной канаве (заполненной, кстати, почти до краев мутной водой).

Кешка все-таки оказался водителем от бога: машину порой вытаскивал из таких ситуаций, из которых по всем законам физики и здравого смысла выхода просто не было.

В итоге до Антоновки мы добрались не за тридцать-сорок минут, как прогнозировала Клавдия Петровна, а почти за полтора часа. И если бы меня спросили, быстро это или нет, я бы с абсолютно чистой совестью ответил, что невероятно быстро! Вот она, теория относительности старика Эйнштейна! В действии.

У калитки нужного дома нас встречали. Перепуганная женщина средних лет, насквозь промокшая под нескончаемым проливным дождем. Почему-то в тапочках.

— Здравствуйте. Где больной? — я выпрыгнул из машины, помог выбраться Клавдии Петровне и подошел к калитке.

— Здравствуйте, доктор! В доме он, где ж еще-то? Худо ему совсем, — слабым, дрожащим голосом ответила женщина. — Пойдемте, я провожу.

В доме было душно и пахло болезнью. Любой врач, наверное, знает этот запах: кисло-сладковатый, вкрадчивый и неотвязный.

— А что ж вы не проветриваете-то? Тут ведь дышать нечем! — возмутилась Клавдия Петровна, видимо, услыхав мои мысли.

— Так ведь больной в доме! Жар у него! — удивленно обернулась наша провожатая.

— Тем более! Больному свежий воздух нужен, кислород! А у вас тут — прямо миазмы какие-то! — ввернула красное словцо фельдшерица. — Микробы в воздухе так и роятся.

— Где?! — принялась испуганно озираться хозяйка дома.

Я осторожно тронул ее за плечо.

— Не трудитесь, микробы очень маленькие, вы их так просто не увидите. Пожалуйста, покажите нам, где можно вымыть руки и проводите к пациенту. А потом — откройте окна и хорошенько проветрите помещение. Клавдия Петровна совершенно права:

больному нужен свежий воздух. Впрочем, как и здоровому.

…На кровати метался в неспокойном сне крупный мужчина — ровесник хозяйки.

— Муж? — поинтересовался я, присаживаясь на стул рядом с кроватью.

— Муж! — всхлипнув, подтвердила женщина.

Я взял пациента за руку: горячая. Мужчина никак не отреагировал на мое касание, он продолжал метаться в кровати, шепча что-то сухими, потрескавшимися губами.

— Как зовут?

— Надя! — ответила хозяйка.

— Да не вас, мужа!

— Сергей… Андреевич!

— Сергей Андреевич! — позвал я и похлопал его по руке.

Безрезультатно: больной по-прежнему что-то шептал в беспамятстве. Между неприкрытыми веками неприятно поблескивали белки глаз.

— Сергей Андреевич! — крикнул я ему почти в самое ухо и весьма ощутимо хлопнул пару раз по щекам. Ноль реакции.

Надя за моей спиной тихо заскулила.

— Не реветь! — строго прикрикнула на нее Клавдия Петровна. — Доктору мешаешь!

Скулеж оборвался.

— Давно это у него? И вообще, расскажите-ка по порядку: когда все началось, с чего… и так далее, — обернулся я к заплаканной женщине.

— Третий день уже как захворал. Ни с того ни с сего: вдруг озноб начался, забило всего. Температуру померили — сорок почти! Ну, Сережа аспирину напился — вроде полегчало. Голова только болела и глаза — от света. Вот, стало быть, два дня он так и провел: чуть температура вверх — аспирин и лежать. Отпустит немного — Сережка по хозяйству чего-нибудь…

— На работу не ходил?

— Так в отпуске он. Как раз — третий день! — Надя невесело улыбнулась. — Повезло уж так.

— Да уж… Дальше рассказывайте.

— А что дальше? Два дня худо-бедно как-то перебивался… А сегодня утром я проснулась, а он — уже такой! Не отзывается, не говорит ничего, только бредит. И температура за сорок. Да, сегодня еще судороги были, два раза! — женщина опять принялась плакать.

— Успокойтесь, Надя. Что за судороги, где? Руки, ноги? — не отставал я.

— Всего скрючило. Как при эпилепсии. У меня отец

эпилепсией болел, насмотрелась, знаю!

— Долго продолжались приступы?

— Минуты по три каждый. Доктор, что с ним? Он в себя придет?

— Надеюсь, — пробормотал я.

Что случилось с Сергеем Андреевичем, я решительно не знал. Более того, даже предположений внятных не было. Ладно, начнем поэтапно.

— Клавдия Петровна, ставьте пока вену. И — физраствор. Будем разбираться.

Фельдшерица закопошилась в «дежурном чемоданчике», а я приступил к осмотру.

1 октября, 13.20, Антоновка

— Да знаю я, знаю! Все сделаю, все приму. Езжай давай! — Галя чмокнула мужа в щеку и легко подтолкнула его к стоящему у дома самосвалу.

Проследила, как он забрался в кабину, помахала вслед отъехавшему грузовику и торопливо вернулась в дом. Мерзкий холодный дождь не прекращался ни на секунду, а ей теперь мерзнуть было никак нельзя.

В животе вновь противно заныло. Ну вот, только порадовалась, что целые сутки прошли без этих спазмов (или как там они называются по-научному?), — и опять! Ох, как не хочется ложиться в районную больницу на сохранение! Всего-то две недели, как выписалась оттуда, провалявшись без малого месяц… Тоска смертная! Неужели придется все повторить?!

Галя, держась за живот, побрела на кухню. Достала упаковку но-шпы, выковырнула из флакончика две таблетки. Подумала и добавила к ним еще одну. Засовывая лекарство обратно в шкафчик, служащий аптечкой, женщина усмехнулась: почетное место среди лекарств почему-то занимала бутылка с уксусной эссенцией. Колька, что ли, ее сюда поставил?

Сильная схваткообразная боль внизу живота заставила ее согнуться. Так, в скрюченном состоянии, Галя налила в стакан воды и приготовилась было выпить таблетки, как вдруг из гостиной раздался истошный вопль:

— Красные! Красные в городе!

И следом — грохот пулеметной очереди.

От неожиданности женщина присела. Поставила осторожно стакан на стол и крадучись подобралась к двери, ведущей в гостиную. Прислушалась.

В комнате работал телевизор. На полную громкость. Похоже,

шли «Неуловимые мстители». Галя приоткрыла дверь и заглянула внутрь: разумеется, никого. Но кто же включил телевизор?!

— Кто здесь? — на всякий случай спросила женщина.

— И тишина… И мертвые с косами стоят! — издевательски ответил телевизор.

Выругавшись про себя, Галя зашла в комнату, выключила свихнувшийся прибор и мстительно показала ему язык.

В животе опять шевельнулась боль. Женщина поспешила обратно на кухню. Сгребла со стола таблетки, забросила их в рот и залпом, в два глотка, опустошила стакан.

Рот, горло и грудь обожгло невыносимой болью. Дыхание перехватило. Выронив стакан и схватившись обеими руками за горло, Галя попыталась закричать, но из груди вырвался лишь жутковатый булькающий хрип.

А боль все усиливалась и теперь сползла в живот, будто кто-то злой с размаху воткнул Гале кинжал под ложечку и медленно проворачивал его.

Боль стремительно вытесняла сознание. Ноги уже не держали: женщина рухнула на пол, скрючившись и хрипя. Угасающим взором Галя заметила прямо над собой открытую дверцу «аптечного» шкафчика.

«Я же ее закрывала!» — удивилась женщина сквозь боль.

Внезапно жжение прошло. Совсем. Галя вздохнула с облегчением…

А выдохнуть уже не смогла.

1 октября, 13.47, Антоновка

Ничего необычного осмотр не выявил. Если не считать температуры в сорок с половиной градусов, отсутствия сознания и периодических коротких судорожных приступов. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо…

Ну-с, положим, судороги при такой лихорадке, да еще сохраняющейся в течение трех дней, — дело вполне даже обычное. Жаропонижающее нашему пациенту Клавдия Петровна уже вкатила, ждем результат.

И в беспамятство впасть на таком фоне болезный Сергей Андреевич тоже мог вполне. Интоксикация, похоже, нешуточная, вот мозг и отреагировал, как сумел. С этим мы тоже поборемся: в вену уже активно капали физраствор и солевые смеси.

Осталось самое главное — выяснить, откуда все это. Ничего, что могло бы дать такую температуру, не обнаружилось. На всякий случай я еще раз прослушал легкие, заглянул в горло и тщательно прощупал все группы лимфатических узлов: ни-че-го!

— Из ваших знакомых, родственников, друзей ни у кого ничего подобного не было? — продолжил я пытать Надю, едва отдохнувшую от предыдущей серии вопросов.

Она отрицательно покачала головой:

— Да нет, здоровы все.

— В ближайшие недели никуда из области не выезжали? В Среднюю Азию, на юг, за границу?

— Да бог с вами, доктор, какая заграница? — Надя усмехнулась. — Еле концы с концами сводим. Самое дальнее, куда ездили — в Нероград. Да и то года три назад.

— Животные не кусали, не царапали? — продолжил я и тут же понял, что спрашиваю зря. Я же только что дотошно осматривал кожу Сергея Андреевича! Следы укусов или царапины нашел бы.

— Нет, ничего такого.

— Поноса не было у него? Рвоты? Крови в моче?

Опять отрицательное мотание головой.

— Тридцать восемь и три! — доложила Клавдия Петровна, стряхивая градусник.

Так, отлично! Это уже лучше. Да и больной стал спокойнее: больше не мечется в постели, не бредит, просто спокойно спит. И дышит ровнее.

— Доктор, я тут вспомнила… — Надя робко тронула меня за плечо. Я обернулся:

— Что?!

— Сережа в садике работает, в Сосновке. Завхозом. Там у них недели две назад несколько детишек вдруг заболели. Не знаю точно, чем именно, но была сыпь…

— Сыпь?! Что ж вы раньше-то не сказали? — возмутился я.

— Так вы не спрашивали про работу… А я и не вспомнила сразу, — виновато развела руками Надя.

Я мысленно обругал себя. И в самом деле, про работу я не спрашивал, совершенно упустив из виду тот простой факт, что заразиться какой-нибудь гадостью можно и там. Какая-то детская инфекция?!

А что, очень может быть! Взрослые обычно крайне тяжело переносят болезни, которыми положено переболеть в детстве. Я сам несколько лет назад едва не помер от банальной ветрянки, заразившись ею от соседского парнишки. Тому-то хоть бы хны: бегал, весь перемазанный зеленкой, где попало. А я две недели лежал пластом в состоянии, мало отличающемся от нынешнего у несчастного Сергея Андреевича.

— Надя, вы не знаете случайно, какими детскими болезнями переболел муж? — поинтересовался я.

— Да нет, откуда? Хотя он как-то говорил, что болел ветрянкой, — неуверенно ответила Надя.

Ну то, что это не ветрянка — и так понятно. Сыпи нет никакой. По этой же причине можно исключить краснуху, скарлатину, корь…

Стоп! Корь, пожалуй, мы погодим исключать. Помнится, на курсе инфекционных болезней нам говорили, что при этой болячке сыпь не всегда появляется на коже…

— Клавдия Петровна, помогите-ка мне! Надо ротовую полость осмотреть, — попросил я, вооружившись шпателем и фонариком.

Фельдшерица понимающе кивнула и ловко раскрыла рот Сергею Андреевичу. Я залез туда инструментом и принялся осматривать внутреннюю поверхность щек и нёбо.

— Блин! — не сдержался я.

Вся слизистая была усеяна белесоватыми точками. Пятна Филатова-Бельского-Коплика! От волнения я даже вспомнил тройное их название. Самый достоверный симптом кори!

— Что там, доктор?! — испуганно вскрикнула Надя, неправильно истолковав мое восклицание.

Я разогнулся и обернулся к ней:

— Надя, вы корью в детстве болели?

Она усердно закивала головой:

— Болела, болела! И корью, и краснухой, и свинкой, и…

— Достаточно. Значит, вам повезло. У вашего мужа — банальнейшая корь! — победно заявил я.

— Так он же большой уже… — она растерянно опустилась на стул.

— И тем не менее! Потому и переносит так тяжело, что большой, — пояснил я.

— И что теперь делать?

— Лечить, разумеется. Мы сейчас вызовем перевозку из районной инфекционной больницы, Сергею Андреевичу придется полежать там. А пока машина придет, откапаем его и, надеюсь, приведем в чувство. Да ему уже получше, сами видите.

— Вижу… — прошептала женщина. На ее глаза навернулись слезы.

— Надежда, не реви! — предупредила ее Клавдия Петровна. — Самое страшное уже позади.

— Так я ж от радости! — всхлипнула Надя. — Я уж подумала, помирает Сережка.

— Ну, если честно, то вы не так далеки были от истины! — строго заявил я. — Чего тянули-то три дня? С такой-то температурой? Мы ведь вполне могли и не успеть сегодня… еще

несколько часов — и…

Надя спрятала лицо в ладони и зарыдала.

— Д-дум-мали, п-пройдет! — всхлипывая, пробормотала она.

Я вздохнул. Думали они…

В дверь громко и нетерпеливо постучали. И тут же, не дожидаясь ответа — еще раз. И еще.

Надя, на бегу утирая слезы, метнулась в прихожую:

— Кто там?!

— Надежда, там у твоей калитки больничная машина стоит. Доктор не у вас? — поинтересовался незнакомый мужской голос. Очень встревоженный.

— У нас!

— Тогда открывай. С Галкой Ивашкиной беда!

Защелкал замок, скрипнула дверь. И через пару мгновений на пороге комнаты возник невысокий мужичок в мокром дождевике с накинутым на голову капюшоном:

— Здравствуйте, доктор. Я — Сюткин, ветеринар здешний. Тут женщине по соседству плохо. Поможете?

Женщине по соседству помочь я уже ничем не мог. Она лежала скрючившись на полу своей кухни. Кожа вокруг губ была обожжена. Рядом с телом валялся пустой стакан, а в комнате стоял характерный запах уксуса.

— Поздно, — я поднялся с корточек и обернулся к переминающемуся с ноги на ногу в дверях Сюткину. — Она мертва. Отравление уксусной эссенцией. Видимо, вот этой самой.

Я кивнул на открытый шкафчик с лекарствами, в котором почетное место почему-то занимала полупустая бутылка с уксусной эссенцией.

Сюткин повел себя странно: он непонимающе посмотрел на меня, потом укусил себя за кулак и с тихим стоном уселся на пол. Там, где стоял.

— Вы что? — оторопел я.

Ветеринар не отвечал. Не вынимая кулак изо рта, он раскачивался из стороны в сторону и остановившимся взглядом смотрел на лежащее неподалеку тело.

До меня начало доходить:

— Жена?

Сюткин вздрогнул, низко опустил голову и отчаянно замотал ею. Потом вынул наконец кулак изо рта и глухо произнес:

— Нет. Моя… — его голос сорвался.

Ясно. Я подошел к нему и положил руку на плечо:

— Мне очень жаль.

Помолчали. Я осторожно обнял его за плечи и потянул вверх:

— Пошли в гостиную. Не надо нам тут…

Он тяжело поднялся на ноги и вместе со мной побрел в соседнюю комнату.

— Не знаете, почему она это сделала? — спросил я Сюткина, когда тот начал отходить от первоначального шока.

Ветеринар непонимающе посмотрел на меня:

— Что «это»?

— Ну… почему она решила покончить с собой? — пояснил я.

— А почему вы решили, что Галя покончила с собой? — голос Сюткина звучал недоуменно.

— Видите ли, женщины обычно пьют уксус именно с этой целью.

Ветеринар замотал головой.

— Нет, Галка не могла… Она… Мы с ней пожениться хотели… После того как она разведется. Галя как раз собиралась заявление подавать и с мужем поговорить. У нас планы были… И главное… — он умолк.

Я терпеливо ждал. Спешить все равно было уже некуда.

— У нас ребенок должен был родиться! — заявил наконец Сюткин.

Я оцепенел. Видимо, что-то такое произошло с моим лицом, что даже убитый горем ветеринар это заметил:

— Что с вами, доктор?

С трудом шевеля похолодевшими губами, я переспросил:

— Галина была беременна?

— Да. Двенадцать недель.

Не чуя под собой ног, я встал и направился к двери.

— Доктор, вы куда?!

— В машину. Там рация. Надо сообщить участковому, — отрывисто объяснил я и вышел из дома.

Сюткин потоптался неуверенно и последовал за мной.

Я залез в кабину «уазика», бесцеремонно подвинул спящего, развалившегося на сиденьях Кешку и включил рацию:

— Здесь Светин. Вызываю участкового. Семен, слышишь меня?

После короткой хрипящей паузы последовал ответ:

— Слушаю тебя, Палыч. Что стряслось?

— Я в Антоновке. Ты здесь нужен, срочно.

— Да что случилось, док?! — голос лейтенанта был взволнованным.

— Восьмая. У нас — восьмая, Семен!

И отключился.

1 октября, 18.25,

— Если маньяк верит этой легенде, то ему осталась только одна, — мрачно резюмировал лейтенант.

Мы сидели в моем кабинете и опять пили чай. Эти «военные советы» уже становились традицией. Клавдия Петровна исправно носилась между нами и пищеблоком, пополняя запасы кипятка, сахара и печенья.

— Слабое утешение, знаешь ли. Во-первых, хоть и одна, но чья-то жизнь. Вернее, даже две, — проворчал я. — И потом, ты уверен, что после девятой он остановится? С головой у него явно не все в порядке, может ведь и во вкус войти.

— Может, — кивнул Семен, — этот гад все может.

— Я думаю, сейчас наша первоочередная задача — не дать ему добраться до следующей жертвы. Вот только как это сделать, ума не приложу.

Лейтенант шумно отхлебнул чай, поставил чашку и обеими руками взъерошил волосы.

— Ну, до сих пор убийца выбирал жертв из Машкиной картотеки. Не думаю, что сейчас он изменит своим традициям.

— Мы, кстати, так и не определили, откуда утечка информации! — напомнил я.

— Угу, — согласился участковый, — только времени у нас на вычисления не осталось: наверняка эта сволочь уже знает, кто будет следующей. Надо срочно искать потенциальную жертву и как-то ее прикрывать. Палыч, тащи-ка сюда картотеку!

— Мария Глебовна! — я выглянул в коридор.

Акушерка испуганно выскочила из смотровой:

— Да, доктор! Что случилось?!

— Пока ничего, — успокоил я ее. — Принесите мне, пожалуйста, карты ваших пациенток.

— Всех?!

— Нет, только беременных.

Мария Глебовна грустно посмотрела на меня и, понурясь, побрела по коридору.

Я вернулся к Семену:

— А ты так и не вспомнил, где видел маньяка раньше?

Лейтенант помотал головой:

— Нет, Палыч. Ежели б вспомнил — мы бы тут с тобой сейчас не сидели и дедукцией не занимались. Взяли бы уж подонка.

— А ты подумал, как ты его брать будешь, когда доберешься? — я скептически усмехнулся. — При его-то способностях?

Семен погрустнел:

— А хрен его знает! Думал, конечно. Но в голову ничего не приходит: эта сволочь ведь умудряется как-то исчезать! Просто раз — и нет его…

— Да знаю, сам видел. И как его брать?

Участковый пожал плечами.

— Давай пока подумаем, как будущую жертву защитить. Все равно брать мне пока некого.

В кабинет тихо вошла Мария Глебовна. Подошла к нам и положила на стол стопку амбулаторных карт:

— Вот, Пал Палыч. Здесь все.

— Спасибо. Я посмотрю пока? — почему-то я чувствовал себя виноватым перед акушеркой.

— Да, конечно, — тихо ответила она и вышла.

Лейтенант проводил ее взглядом:

— Как-то неловко получилось с Марьей. Обиделась.

— Да уж… — промямлил я. И, чтобы избавиться от замешательства, подтянул к себе стопку карт.

— Давай смотреть по моей бумаге. Называешь мне фамилию, я отмечаю в списке погибших. Посмотрим, сколько еще осталось, — предложил Семен.

Я кивнул и снял верхнюю книжечку:

— Лагина.

— Есть, — лейтенант поставил крестик напротив фамилии.

— Бехтерева.

— Есть.

Еще один крестик.

— Ивашкина.

— Есть.

— Баева.

— Есть.

— Лукина.

— Есть.

— Леткова.

— Есть.

— Светина.

Молчание в ответ. Я поднял голову:

— Нет Светиной?

— Нет, Палыч, однофамилицы твоей нет, — Семен еще раз пробежал глазами по скорбному списку. — Откладывай пока в сторонку.

Я положил карту на край стола и отнял руку. Мельком еще раз взглянул на серенькую картонную обложку. И почувствовал, как грудь сдавил ледяной обруч…

— Палыч, ты чего? — голос Семена прозвучал откуда-то

издалека и был встревоженным.

Вместо ответа я онемевшей рукой указал на одиноко лежащую серую книжечку. На ее обложке синими чернилами было аккуратно выведено: «Светина Аля».

Часть 3
Холодная музыка осени

Сохранить бы тепло от прощальных касаний руки,
Но бессовестный дождь, видно, хочет чего-то другого,
И кружит надо мной, машет крыльями, скалит клыки
Злобный маленький бог, целясь в душу из лука тугого…

Глава 1

1 октября, 18.52,
Кобельки, участковая больница

— Вот такие дела, Котенок, — закончил я свой рассказ.

Алька выглядела подавленной.

— Я… И что мне теперь делать? — как-то беспомощно спросила она.

— Вам — ничего, Аля. А вот нам с Палычем придется сделать все возможное и невозможное, чтобы эта сволочь до вас не добралась! — ответил вместо меня Семен. И с ожесточением принялся гнуть алюминиевую чайную ложку.

Я встал и подошел к окну. Снаружи стремительно темнело.

— Алюша, тебе теперь ни на минуту нельзя будет оставаться одной! Понимаешь, ни на минуту. Все это — слишком реально.

— Понимаю… — прошептала она.

— Лучше было бы вам уехать из Кобельков. В Нерограде он точно не достанет, — глухо произнес лейтенант.

Со своей ложкой он уже покончил и теперь принялся за мою.

Алька решительно замотала головой:

— Я не могу! Никак не могу!

— Почему?! — хором спросили мы с Семеном.

— Почему, Кошка? — отдельно переспросил я. Ее ответ меня удивил. Особенно — интонация, с которой он прозвучал. — В самом деле, давай уедем отсюда, Алька! Черт с ней, с моей практикой, придумаю что-нибудь убедительное… Ты важнее!

— Не могу… Правда, не могу, Пашка! Я… я не могу сказать, почему… Вернее — не могу сформулировать! — она выглядела совсем растерянной. — Я просто знаю, что нельзя мне сейчас отсюда уезжать. Чувствую, что неправильно это будет… не так, как должно быть… Кот, ты понимаешь?!

Последнюю фразу Алька просто выкрикнула. С таким пронзительным отчаянием, что я понял: нельзя ей уезжать… Никак нельзя.

— Понимаю, Котенок. Понимаю, — обняв ее, прошептал я. Плечи девушки содрогались. — Ты что, плачешь? Не надо, Алька, что ты… Все будет хорошо, вот увидишь!

— Мне страшно, Кот! — уткнувшись лицом мне в грудь, сказала она.

— А ты не бойся. Я смогу тебя защитить. И лейтенант поможет… Верно, Семен?

Он кивнул.

— Верно. Аля, мы вас в обиду никому не дадим. Слово офицера! — лейтенант был непривычно строгим и даже торжественным.

Девушка подняла лицо и посмотрела на меня влажными карими глазами:

— Я не за себя боюсь. За тебя. За Семена. И еще — за Зару… правда, я ее не видела никогда, но все равно — боюсь. Странно, да?

Я усадил Алю на стул и сел рядом, взяв в ладони ее руки:

— Кошка, ты можешь понять, почему ты боишься за цыганку? Она как-то замешана во всей этой истории? Ей угрожает опасность? Попробуй сосредоточиться на своих предчувствиях, это очень важно!

Семен, не отрываясь, смотрел на Алю. Вид у него был несколько ошарашенный. Впрочем, такой же, наверное, был и у меня.

Девушка закрыла глаза, помолчала минуту. Потом встрепенулась и отрицательно покачала головой:

— Не могу понять… Только чувствую, что Зара в опасности. Почему, из-за чего — не знаю… — Аля виновато развела руками и понурилась.

— А вы можете сказать, когда с ней может это произойти? Ну, то самое событие, которое несет опасность? — в разговор включился лейтенант.

Аля опять помотала головой:

— Точно не знаю. Но могу сказать, что скоро. Очень скоро.

Я вопросительно поглядел на Семена:

— Что делать будем, Холмс?

— Элементарно, Ватсон! — лейтенант принялся раскручивать ложки обратно. — Будем думать.

— И о чем?

— Ну, например, почему Зарке может грозить опасность? И от кого именно? От нашего маньяка?

— Да, — кивнула Аля.

— Она что, тоже беременна? Но в Машкином списке ее нет.

— Нет, дело не в этом…

— А в чем же?

— Не знаю. Правда не знаю! — в ее голосе опять зазвенело отчаяние.

В комнату неслышно вошла Клавдия Петровна с очередным чайником. И заботливо принялась заполнять опустевшие чашки свежим чаем.

Я кашлянул, прочищая горло. Ком, обосновавшийся там, не исчез, но говорить стало легче:

— Семен, надо ехать к Заре. Прямо сейчас.

— А смысл? — уставился на меня лейтенант.

— Давай рассуждать. Первое: Зара знает об этом чертовом поверье. Второе: она рассказала о нем мне. Третье: до меня, видимо, она рассказала о нем еще кому-то. Четвертое: этот самый «кто-то» — и есть наш маньяк Или человек, связанный с ним. Пятое: если убийца хоть как-то заботится о своей безопасности, логика должна подсказать ему, что надо устранить Зару, как опасного и единственного свидетеля, — я перевел дух и закончил: — Вывод. Нам надо срочно ехать к цыганке и узнать, кому еще она рассказывала о поверье. И взять Зару под защиту.

Повисла тишина.

— А ведь логично, блин! — Семен отмер и брякнул кулаком по столу.

Клавдия Петровна испуганно подпрыгнула и поспешно эвакуировалась из кабинета. Вместе с опустевшим чайником.

— Собирайтесь, поехали! — лейтенант вскочил и направился к двери. Обернулся уже на пороге: — Аля, вам придется поехать с нами. С учетом обстоятельств, одна вы не останетесь. Палыч, а ты — гений!

— Я знаю, — скромно ответил я и, обняв Альку, направился вслед за Семеном.

1 октября 1987 года, 19.05, Кобельки

— Мишка, ты куда опять залез?! Забыл, как с забора падал? Ведь только что из больницы вышел, хочешь опять туда попасть? Господи, да что же я говорю-то! — испугалась Зара и перекрестилась. — Слезай, живо!

Сын неохотно сполз с крыши сарайчика и с крайне обиженным видом прошествовал мимо цыганки в дом. Зара помедлила немного, покачала головой и отправилась за ним.

Мишка зашел на кухню, по-хозяйски забрался в холодильник, выцепил оттуда вареную картофелину и моментально ее сгрыз.

— Ма, можно я мультики посмотрю? — вопрос прозвучал как утверждение.

Не дожидаясь ответа, малыш протопал в гостиную и включил телевизор. Вместо мультиков на экране образовались мрачные и значимые лица членов Политбюро, заседающих в президиуме какого-то высокого собрания.

— Дядям скучно! — констатировал Мишка и переключил на другой канал.

Мизансцена по ту сторону экрана не изменилась: те же и там же.

— Ма, телевизор сломался! — малыш расстроился, губы его задрожали, а глаза подозрительно заблестели.

Зара подошла к телевизору и защелкала переключателем каналов. Суровые лица вождей сменились благостными рожицами Болека и Лелека.

— Не сломался. Вот тебе мультики. Ты смотри пока, а я ужин разогрею.

— Ма, я есть не хочу. Я худею. А то меня девушки любить не будут, — серьезно и категорично заявил Мишка.

Зара, не сдержавшись, расхохоталась:

— Это кто же тебе такое сказал? Куда худеть-то еще? На себя посмотри: все кости наружу!

— А это мне в больнице Лешка сказал!

— Какой такой Лешка?

— Да из соседней палаты. Ты его не знаешь. Я в коридоре стоял, пирожок ел. А он подошел, пирожок отобрал и говорит: «Много будешь есть — станешь толстым, противным и тебя девушки любить не будут!» — объяснил Мишка.

— А ты что?

— А я ему в глаз дал. И пирожок обратно забрал. Он только один раз куснуть успел. Немножко, — малыш подумал с минуту и поинтересовался: — Ма, а я правда толстым не буду?

Зара глубоко вздохнула:

— Не будешь ты толстым, мой золотой. А этому, как его… Лешке? Так вот, ты ему правильно в глаз дал. Жаль, один раз…

— А я и не один, — ухмыльнулся Мишка.

Зара рассмеялась и легонько щелкнула сына по носу:

— Вот и молодец. Все, я пошла ужин готовить.

Она сделала шаг по направлению к кухне… как вдруг оттуда донесся грохот и короткий металлический скрежет, сменившийся громким шипением.

— Ма, что это?! — Мишка подбежал к матери и прижался к ее ногам.

— Не знаю… Но ты все равно не бойся, ладно? — голос Зары предательски дрогнул.

— А я и не боюсь. Это ты боишься, — подметил малыш, не отпуская, впрочем, ее юбку.

Шипение на кухне продолжалось. И вместе с этим неприятным звуком в комнату проникла такая же гадкая вонь. Газ!

— Мишка, посиди здесь пока, я разберусь! — приказала Зара и метнулась на кухню.

На пороге женщина остановилась как вкопанная. То, что она увидела, просто в голове не укладывалось: вся дальняя стена

кухни была разворочена. Кусок газовой трубы вместе с запорным вентилем был начисто оторван и теперь валялся на полу. Создавалось полное впечатление, будто трубу вывороти из стены вместе с огромным куском штукатурки и несколькими кирпичами.

А из огрызка трубы, сиротливо торчащего из разоренной стены, с противным шипением вырывался газ.

— Да что же это?! — беспомощно воскликнула Зара и бросилась к шипящей трубе.

Уже подбежав, поняла, что перекрыть газ не получится: вентиль вместе с оторванной трубой валялся под ногами. А газ между тем быстро заполнял маленькое помещение кухни. Заре уже было тяжело дышать и нестерпимо щипало глаза.

Она кинулась к окну, чтобы открыть его. Но едва женщина взялась за шпингалет, как снаружи, прямо перед ее носом, с оглушительным треском захлопнулись ставни!

Зара на мгновение оцепенела. Снаружи доносилась какая-то возня… кто-то явно навешивал на закрытые ставни засов.

Неосторожно вдохнув газ, Зара закашлялась и опомнилась. Рывком распахнула окно и попыталась толкнуть деревянные створки ставней. Бесполезно — они были закрыты снаружи.

— Мишка! — цыганка выбежала из загазованной кухни и бросилась к сыну. — Мишка, уходим скорее!

Она схватила сына за руку и поволокла в прихожую. На ходу сорвала с вешалки его курточку, щелкнула замком и толкнула входную дверь…

…Та не поддалась. Чувствуя, как внутри у нее все холодеет, Зара ударилась в дверь всем телом. Бесполезно. Женщина повторила попытку еще несколько раз, но лишь сильно ушибла плечо.

Боль и усиливающаяся вонь отрезвили ее. Оставив бесплодные попытки вырваться через дверь, Зара потащила сына обратно в гостиную, к окну. Но и там ставни оказались закрытыми и запертыми снаружи.

Ту же картину она обнаружила и в спальне. А больше окон в ее маленьком домике не было…

1 октября 1987 года, 19.03, Кобельки

Милицейский «воронок» несся по темной улице, распугивая скучающих на дороге собак и редких прохожих. С наступлением темноты жизнь в Кобельках замирала. Впрочем, как и в любой другой российской деревне.

— Скучно у нас стало! — прочитал мои мысли Семен. —

Раньше, бывало, каждый вечер в клубе или танцы, или кино. Я еще пацаном бегал. А теперь — тоска зеленая…

— Зато последние дни у нас с тобой — сплошное веселье! Обхохочешься… — пробурчал я.

— Это точно. Рассказать кому — засмеют ведь. Или в дурдом упрячут, — согласился лейтенант и крутанул руль, уводя машину в проулок, ведущий к дамбе.

«Уазик» лихо наклонился набок и послушно свернул в узкий проезд между домами. Свет фар выхватил из сумрака огромного черного пса, неторопливо бредущего по дороге. Пес успел только вскинуть голову и взглянуть на нас с неподдельным удивлением на морде. А в следующий миг машина на полном ходу ударила его бампером.

Раздался короткий сдавленный визг. Тут же сменившийся другим визгом — тормозов. Нас швырнуло вперед.

— ……..! — выругался Семен, забыв о присутствии Али. — Откуда он взялся?!

Дернув в сердцах ручник, лейтенант выскочил на дорогу. Я помедлил немного — и последовал за ним.

— Кранты псине, — грустно констатировал Семен, сидя на корточках над лежащей собакой.

Я присел рядом. Пес и впрямь был мертв. Большая голова была заметно деформирована от удара, а под ней неторопливо растекалась темная лужица.

— Не повезло бедняге, — вздохнул я.

— Я его заметил в последний момент, — виновато пробормотал лейтенант.

— Я тоже. Черный он, с темнотой сливается. Жалко, красивый был пес.

Рядом со мной присела Аля:

— Живой?

Мы с Семеном одновременно покачали головами.

— Бедняжка, — тихо сказала девушка и осторожно погладила пса по застывшей в удивлении морде.

— Нам надо ехать, Кошка! — Я обнял Альку за плечи.

Она кивнула:

— Да, да, сейчас. Я только… Вы идите, я на минуточку задержусь.

Я заглянул ей в лицо:

— Ты чего, Алька?

Она улыбнулась.

— Все в порядке, Кот. Со мной — все в порядке. Вы просто подождите меня в машине, ладно? Совсем чуть-чуть!

В ее голосе было нечто такое, что я не смог с ней спорить.

Как и лейтенант. Вдвоем с ним мы синхронно встали и вернулись в машину. Уселись на передних сиденьях и молча уставились в лобовое стекло, за которым в свете фар, будто на сцене какого-то сюрреалистического театра, как на ладони видны были Аля и погибший пес.

Алька продолжала гладить его морду, ласково улыбаясь и что-то, кажется, нашептывая. Так прошла минута, мы терпеливо ждали, не решаясь нарушить звенящую тишину.

Вдруг пес приоткрыл пасть и лизнул Алину руку…

— Ты видел?! — Семен подпрыгнул на своем сиденье и весь подался вперед, уткнувшись лбом в ветровое стекло. — Палыч, ты это видел?!

— Видел, — прошептал я, любуясь, как моя Алька помогает псу подняться на ноги.

Тому не сразу это удалось. Лишь с третьей попытки он наконец встал, оказавшись головой вровень с сидящей на корточках девушкой. Слегка пошатываясь, он потянулся мордой к ее уху, будто собираясь что-то шепнуть по секрету. И лизнул Альку еще раз — теперь в щеку. Она засмеялась и потрепала ожившего пса по загривку.

— Палыч, кто она? — тихо и очень серьезно спросил лейтенант.

Я пожал плечами. Откуда я знаю? Просто — моя Кошка..

Пес развернулся и уже вполне уверенно потрусил по своим собачьим делам в темноту. А Аля легко поднялась на ноги и вернулась в машину. Устроилась поудобнее на заднем сиденье, полюбовалась нашими ошалелыми лицами в зеркале заднего вида и рассмеялась:

— Видели бы вы сейчас себя! Поехали, чего ждем?

1 октября 1987 года, 19.15, Кобельки

Газовая вонь становилась все нестерпимее. В отчаянии Зара схватила стул и принялась колошматить им в закрытые ставни. Но ничего не добилась. Через несколько мгновений от стула отломались ножки, а ставням — хоть бы хны.

Женщина отшвырнула изувеченный стул в сторону и приникла к тонкой щели между створками ставней, пытаясь разглядеть, что происходит снаружи.

— Ма, чем у нас воняет? Мне глаза щиплет! — захныкал Мишка.

— Погоди, мой хороший, потерпи. Сейчас мы что-нибудь придумаем! — не отрываясь от щели, Зара нащупала рукой голову Мишки и прижала ее к себе.

Сначала цыганка не увидела ничего. Потом догадалась нажать на ставни, чтобы щель стала шире. И оцепенела: прямо перед окном, в которое она смотрела, шагах в десяти, стоял мужчина. А в руке его был зажженный факел!

Лица человека с факелом Зара рассмотреть не могла, оранжевые сполохи выхватывали из сумрака лишь отдельные фрагменты, которые никак не хотели складываться в целую картину. Одно было очевидно: мужчина был огромен.

Зара похолодела. Так вот какую смерть приготовил страшный незнакомец им с сыном! Не удушить газом собирался он их, нет. А просто зажарить живьем в запертом доме!

Женщина заметалась по комнате, пытаясь найти спасительное решение, которое никак не хотело приходить.

— Ма, пошли на улицу! Здесь плохо! — заныл Мишка, отчаянно протирая глаза кулачками.

Зара вздохнула. На улицу! Конечно, надо бежать из дома, пока он не взлетел на воздух вместе со всем содержимым. Вот только как, если все выходы надежно заперты снаружи?!

Вдруг цыганка с досадой хлопнула себя по лбу: как же она раньше-то не сообразила! Чердак! На чердаке есть маленькое слуховое оконце, вполне достаточное для того, чтобы им с Мишкой выбраться через него наружу. А там уж — спуститься с крыши и бежать. Главное, чтобы страшный незнакомец с факелом их не заметил… но чердачное окно выходит на противоположную сторону и за гребнем крыши он их не увидит!

— Мишка, мы сейчас полезем на чердак! — заявила Зара, схватив малыша за руку и увлекая в коридор, где был люк, ведущий наверх.

— Это игра такая, да?! — удивился сын, мигом перестав хныкать.

— Игра, игра… Мы с тобой сейчас заберемся на чердак, потом очень быстро и тихо вылезем на крышу, а потом будет самое интересное — мы осторожно с крыши слезем и убежим, — тезисно обрисовала ближайшие планы Зара.

— А от кого убежим? — Мишка уже был готов к действиям.

— От врагов.

— Понарошку?

— Враги — понарошку. А убежим — по-настоящему, — Зара подставила под люк лестницу-стремянку.

— А-а, это как учения, да? — сообразил Мишка.

— Да, мой золотой, да! — Женщина подхватила его под мышки и поставила на верхние ступени лестницы. — Лезь давай! Только осторожно! И наверху жди меня, на крышу пока не суйся. Понял?

Малыш кивнул головой и резво полез наверх. Зара — за ним.

«Только бы успеть!» — твердила про себя женщина.

Господи, только бы успеть выбраться из дома, пока неожиданный враг не швырнул свой факел в наполненный газом дом! Сколько у них с Мишкой осталось времени: минута, две? Или уже вовсе не осталось?

— Ма, а я уже залез! — раздался сверху победоносный крик сына.

— Ах ты мой молодец! — похвалила его Зара. — Только не надо кричать, ладно? Никто не должен знать, что мы убегаем. Это же игра такая, забыл? Говорить надо шепотом.

— Я понял! — пронзительно прошипел Мишка. — Давай залезай сюда скорее!

— Уже тут, — женщина наконец перевалилась с лестницы на пыльный пол чердака и тут же вскочила на ноги, пребольно ударившись головой о потолочную балку.

Вредный Мишка захихикал.

— Злорадствуешь? — Зара щелкнула его по затылку. — Ладно, полезли на крышу. Времени нет!

— А почему? — поинтересовался сын.

Женщина промолчала. В самом деле, не объяснять же ему, что вот-вот их дом превратится в огромный огненный шар. Вместе со всем содержимым. И только от них самих зависит сейчас, будут ли они в числе этого самого содержимого.

— Потом объясню, — отмахнулась она. — А пока лезь за мной. Теперь я первая.

С трудом Зара протиснулась в маленькое окошко и оказалась на крыше. Распласталась по холодной жести и с наслаждением принялась глотать чистый холодный воздух, от которого даже закружилась голова.

— Мишка, давай ко мне. Только тихо и не поднимайся. Ползком, как партизан.

В окно ужом выполз сын. Улегся рядом на крыше и, старательно не поднимая головы, спросил:

— Ну что? Прыгать будем?

Зара медлила. Осторожно, боясь выдать себя, она приподняла голову над коньком крыши, выискивая незнакомца. Тот стоял все там же, всматриваясь в запечатанные окна дома и слегка покачивая факелом. Будто ждал чего-то.

— Кто же ты такой, гад? И чего к нам привязался? — с ненавистью прошептала цыганка.

— Кто, ма? — встрепенулся Мишка и начал было приподниматься, чтобы посмотреть.

— Лежи, не высовывайся! — шикнула на него мать и

придавила рукой к крыше. — Я тебе потом все расскажу, ладно? А сейчас — спускаемся и бежим отсюда!

Очень осторожно она принялась сползать вниз, пытаясь нащупать ногами край крыши и увлекая за собой сына. Наконец ее кроссовки уперлись в водосточный желоб, тянущийся по краю.

— Мишка, лежи здесь и не двигайся! — приказала она и принялась разворачиваться.

Свесившись с крыши, Зара посмотрела вниз. Высоко! Если просто прыгать — можно и ноги переломать. Придется по-другому.

Она поудобнее устроилась на краю, прочно зацепившись за какие-то выступы ногами и левой рукой.

— Мишка, сползай осторожно ко мне. Как лежишь — ногами вниз!

— Ползу! — прошипел в ответ сын и в пару секунд оказался рядом.

Зара протянула ему свободную правую руку:

— Вот, держи: хватайся обеими руками и держись крепко-крепко! — и почувствовала, как в руку до боли вцепились Мишкины пальчики. Женщина изо всех сил обхватила тонкое детское запястье. — А теперь сползай с крыши. Я тебя держу. Когда повиснешь на моей руке, я скажу когда ее отпустить и прыгнуть. Понял?

— Понял! — Показалось, или голос малыша в самом деле дрогнул?

Зара присмотрелась: нет, не показалось! Мишка выглядел испуганным.

— Ты, главное, не бойся! Я тебя удержу. А когда повиснешь — там совсем немного до земли останется. Для тебя — раз плюнуть! — как могла, постаралась она ободрить сына.

— А я и не боюсь! — немного обиженно заявил малыш и решительно пополз вниз.

Зара приготовилась… вот уже ноги Мишки повисли над землей. Теперь малыш лежал на крыше, навалившись на нее грудью и животом, не решаясь покинуть твердую поверхность окончательно.

Женщина сильнее сжала в руке запястье сына.

— Молодец, теперь давай вниз! Я тебя держу.

Мишка кивнул и с коротким писком сполз с крыши.

Рывок! Зара едва удержалась на покатом жестяном склоне. Правое плечо пронзила резкая боль. Но главное было достигнуто: Мишка висел теперь гораздо ближе к земле!

— Теперь отпускай на счет три. Готов? — прошептала она.

— Готов! — уже бодро ответил снизу сын.

— Раз! Два! Три! — и разжала руку, почувствовав, как в этот же момент разжались и Мишкины пальцы.

Снизу раздался негромкий шлепок. Зара перегнулась через край крыши и спросила:

— Ты как?

— Нормально! — весело ответил сын и махнул ей рукой. — Прыгай сюда!

— Сейчас, — пробормотала она и, вцепившись пальцами в водосточный желоб, сползла с крыши.

Повиснув на руках, Зара услышала, как трещит под ее тяжестью водосток. И не стала дожидаться, когда он отломится — просто разжала пальцы.

— Ну как? — поинтересовался Мишка, когда мать оказалась рядом.

— Все в порядке! — шепнула она, чмокнула сына в щеку и скомандовала на ухо. — А теперь — бежим!

И они помчались прямо по огородным грядкам, сначала по своим, потом — по соседским. Зара старалась бежать так, чтобы между ними и страшным гостем оставался их дом.

Вдруг стало светло. Ярко-оранжевый свет выхватил из сумрака все, что в нем пряталось.

— Ма, что это? — удивленно спросил Мишка, остановившись.

Ответить Зара не успела. Невидимая, но сильная рука мягко толкнула ее в спину. Да так, что пролетев кувырком несколько метров, цыганка распласталась лицом вниз в холодной луже. И тут же раздался грохот взрыва.

— Мишка! Мишка, ты где?! — отплевываясь от забившей рот грязи, Зара вертела головой в поисках сына.

— Я здесь, ма! — жалобно отозвался он откуда-то спереди.

Мигом подхватившись на ноги, женщина метнулась к нему:

— Ты цел? Цел? Где болит?!

— Да нигде у меня не болит! — сварливо ответил Мишка. — Грязный весь только. В лужу упал.

Вздохнув с облегчением, цыганка обернулась. На месте их дома пылал огромный костер.

— Ма, а где мы теперь жить будем?! — жалобно спросил малыш. Тихо заплакал и прижался к ней.

— Придумаем что-нибудь! — вздохнула Зара, с тоской глядя на пылающие останки дома. — Главное — живы остались…

На фоне гигантского пламени вдруг обрисовался черный человеческий силуэт. Поджигатель обошел вокруг костра и теперь стоял прямо напротив Зары с сыном, пристально вглядываясь в темноту.

Понимая, что с такого расстояния в сумраке разглядеть их

невозможно, женщина тем не менее, пригнулась сама и пригнула голову сына.

— Ты чего? — пискнул он.

— Тихо сиди! — шикнула Зара на него, не отрывая взгляда от страшного силуэта вдали.

А тот все стоял, всматриваясь вдаль.

— Уходи! Да уходи же! — прошептала цыганка. Сердце в ее груди бухало, казалось, на всю округу.

И случилось невероятное. Черный человек поднял руку и помахал Заре. Ветер вместе с запахом гари донес до нее глухой торжествующий смех. Незнакомец еще раз махнул рукой и неторопливо направился прямо к оцепеневшей от ужаса женщине.

1 октября, 19.21, Кобельки

У дамбы «уазик» свернул еще раз и теперь мчался вдоль речушки, вытекающей из рукотворного озера. Потрясенные недавним чудом, мы с лейтенантом молчали. На заднем сиденье, улыбаясь каким-то своим мыслям, сидела Аля.

— Мне кажется, я начинаю вспоминать, кто я! — вдруг заявила она.

От неожиданности мы с Семеном вздрогнули. Машина вильнула.

Я обернулся к Альке.

— И кто же? — спросил я, сам не зная почему, но — боясь ответа.

— Пока не могу точно сказать, Кот. Так — какие-то отрывочные воспоминания. Но — они странные. Очень, очень странные… — она задумалась на несколько мгновений и замолчала. Потом встрепенулась, наклонилась вперед, ко мне, и погладила по щеке. — Только ты не тревожься, ладно? Там нет ничего плохого. Я буду рассказывать тебе все, что вспомню.

— Хорошо. Сейчас начнешь? — улыбнулся я. Но на сердце было ох как неспокойно.

Аля внимательно посмотрела на меня:

— Ты все-таки тревожишься. Не надо, Пашенька, милый…

Я вздрогнул: Алька редко называла меня по имени. В груди что-то заныло. Чтобы хоть как-то приглушить стремительно нарастающую тревогу, я спросил:

— Кошка, а сейчас тебе что вспомнилось?

Она наклонилась к моему уху и возбужденно зашептала, касаясь его горячими губами.

— Ты знаешь, это невероятно, но… я летела! Сама летела, понимаешь? Ночью, под дождем. Это было так здорово, так

восхитительно! И еще… — она запнулась.

Я терпеливо ждал. Сердце грохотало где-то в горле, мешая дышать.

— И еще, Кот: у меня были крылья! Огромные такие крылья… и прозрачные, — немного растерянно закончила она.

Я криво улыбнулся:

— Может, в прошлой жизни ты была птицей?

— Нет, Кот, это были не птичьи крылья.

— А чьи же?

Алька пожала плечами.

— Не знаю. Пока — не знаю. Я всего лишь увидела маленький отрывок из памяти. Что там еще — не знаю… — она отклонилась от меня и пристально вгляделась в мои глаза. — Кот, я тебя очень прошу: ты верь мне и не бойся. Я хочу быть с тобой.

— Верю. И не боюсь, — я притянул Алю к себе и вдохнул запах ее волос. — Ты правда будешь рассказывать мне о своих воспоминаниях?

— Правда, — кивнула она. — А ты обещаешь не тревожиться?

— Я обещаю постараться, Кошка! — честно признался я.

Алька рассмеялась, чмокнула меня в щеку и откинулась на спинку сиденья. Улыбнулся и я, тревога вдруг прошла. Пока.

— Вот черт… Что это?! — воскликнул Семен.

Я обернулся и обмер: впереди — там, куда мчался заслуженный «уазик», в темное небо стремительно вырастал клубящийся огненный гриб. Спустя несколько мгновений послышался грохот далекого взрыва.

— Что там могло так рвануть? — ошарашенно поинтересовался я, не отрывая глаз от жутковатого, но чарующего зрелища.

— Понятия не имею. Будто цистерна с бензином взорвалась… да только нет там никаких цистерн. Дома одни, — пробормотал Семен.

Меня вдруг посетила страшная догадка:

— Михалыч, а дом Зары — он ведь как раз в той стороне? Что, если… — закончить я не успел.

Лейтенант вполголоса выругался и вдавил в пол педаль газа. Машина скакнула вперед будто подстегнутая и устремилась по узкой улочке прямо к гигантскому оранжевому зареву, оставшемуся на месте недавнего взрыва.

1 октября, 19.29, Кобельки

— Мишка, бежим! Скорее! — не помня себя от страха, Зара

вскочила и помчалась прочь от горящего дома, волоча за собой сына.

Теперь уже было все равно куда бежать: незнакомец каким-то чудом обнаружил их, таящихся в темноте. И Зара решила — к людям. Они помогут!

Резко сменив направление, она помчалась к виднеющимся далеко впереди домам. Скользкая, чмокающая грязь под ногами очень скоро сменилась твердым асфальтом, женщина выбежала на дорогу.

— Ма, я устал! Я не могу так быстро! — жалобно захныкал Мишка.

Он и в самом деле еле бежал: отчаянно пыхтя и спотыкаясь. Малыш еще не совсем оправился после недавней операции, а тут такое… Зара наклонилась и подхватила сына на руки:

— Потерпи, маленький, потерпи, мой хороший! Я тебя на ручках понесу, ладно?

— Ладно. Только я тяжелый! — предупредил Мишка, крепко обняв мать за шею.

— Это ничего, нам уже недалеко! — успокоила его Зара, с надеждой вглядываясь в медленно (слишком медленно!) приближающийся соседский дом.

Сзади раздался негромкий глухой смешок. Не останавливаясь, женщина оглянулась: их страшный преследователь был совсем рядом! В каких-нибудь пяти-шести шагах.

— Не торопись, дрянь! — с издевкой в голосе посоветовал он.

Вскрикнув, Зара со всех ног помчалась вперед. Сзади послышался тяжелый топот. Он приближался.

Женщина выдыхалась. Ее сердце бешено колотилось, эхом отдаваясь в висках. Перед глазами замелькали разноцветные мошки, весело пляшущие в темноте. Мишка вдруг оказался невероятно тяжелым, и Зара с огромным трудом удерживала его слабеющими руками. А шаги сзади были все ближе…

По глазам резанул яркий свет. Из-за дома, к которому так стремилась цыганка, навстречу ей вывернула машина. Ослепленная фарами, Зара все же не замедлила бег. Наоборот, у нее будто второе дыхание открылось: не чуя под собой ног, женщина рванулась к подъезжающему автомобилю:

— Помогите! — откуда-то даже взялся воздух для крика.

Фары приблизились почти вплотную. Раздался визг тормозов и шорох шин, идущих юзом по мокрому асфальту.

— Зара?! — два голоса слились в удивленный хор. Оба — знакомые.

— Помогите! — прошептала она, наткнувшись на кого-то,

невидимого на фоне ослепительного света, и бессильно оседая в крепких руках.

Глава 2

1 октября, 19.33, Кобельки

Я бросился к Заре и едва успел подхватить на руки перепачканного грязью Мишку. Лейтенант с растерянным видом поддерживал обмякшую женщину. Такую же грязную и дрожащую.

— Алька, займись малышом! — я затолкал маленького цыганенка в заднюю дверь и вернулся к Семену.

— Зара, что случилось?! — обрел тот наконец дар речи.

Женщина открыла глаза и обвела нас испуганным взглядом.

— Это мы, мы, не бойтесь! — попытался я ее успокоить.

Помогло, Зара нас узнала.

— Слава богу! Я уж думала — всё… Он нас почти догнал!

— Кто?! — хором воскликнули мы с Семеном.

— Тот человек… который наш дом взорвал. Мы едва успели выбраться! — По ее щекам текли крупные слезы, оставляя на перепачканной коже светлые дорожки.

— Как это — «взорвал»?! Чем?

— Газом. Трубу на кухне оторвал, а дверь и окна закрыл. Ставнями, — пояснила цыганка, не переставая рыдать.

— Где он сейчас? — Семен встряхнул женщину. — Где он? Ты его узнала?!

Зара покачала головой.

— Я не рассмотрела лица. Он бежал за нами… совсем близко! — и обернулась, ткнув пальцем в темноту. — Там!

Мы всмотрелись. Свет фар выхватывал из сгустившегося сумрака лишь пустынную дорогу. Поодаль догорал дом. Больше — ничего и никого.

— Куда же он делся? — растерянно спросила цыганка.

Мы промолчали. По опыту уже знали, что таинственный маньяк мог деться куда угодно. Просто исчезнуть, например.

— Поехали. Зара, нам нужно, чтобы ты кое-что вспомнила, — отрывисто бросил участковый и отпустил наконец женщину.

Та покачнулась, потеряв опору, но устояла на ногах:

— Что именно?

— Садись в машину. По дороге все расскажу, — приказал лейтенант и направился к водительской двери…

…Из сумрака прямо перед ним вдруг возник огромный темный силуэт и взмахнул рукой… Раздался неприятный хруст — и Семен со сдавленным коротким стоном отлетел далеко в придорожный кювет. И затих там.

— Не-е-ет! — крик Зары слился со знакомым уже глухим смехом.

— Все тут! Чудненько! — в голосе незнакомца читалось торжество.

Я обмер, потеряв на какое-то время способность шевелиться. Только мысли беспорядочно скакали в голове, мешая друг другу. Будто в замедленной съемке увидел, как Зара бросилась к задней дверце, распахнула ее и потянула оттуда хныкающего Мишку.

Маньяк на свет не выходил. Его силуэт с трудом угадывался по другую сторону машины. Вот он нагнулся и, судя по звуку, открыл заднюю дверь по своему борту.

— Алька! — я мгновенно пришел в себя. — Алька, беги из машины!

Она кубарем выкатилась из салона вслед за Мишкой. Я бросился к испуганной девушке, схватил ее за руку и поволок в темноту. Вслед за убегающими Зарой и Мишкой.

— Это он, да? — выдохнула Аля на бегу.

— Да. Бежим скорее, — я припустил со всех ног.

— Что с Семеном?

— Ранен. Алька, ему не Семен нужен, а ты! Не болтай, береги дыхание!

— Кот, нам не убежать, — она вдруг остановилась и обернулась.

— Ты что?! — я едва не упал, резко затормозив. И тоже оглянулся.

Наш преследователь очень хорошо просматривался на фоне огненного зарева. Теперь он был совсем близко. Лица по-прежнему видно не было, но, судя по интонации, маньяк улыбался:

— Ты — последняя! — сообщил он Альке.

Она сжала в ладошке мою руку. Я покосился на девушку: странно, но сейчас она вовсе не выглядела испуганной. Аля спокойно, даже с каким-то интересом рассматривала приближающуюся смерть.

— Девятая! — уточнил убийца и сделал еще несколько шагов.

Я встал между ним и девушкой, отпустив ее руку:

— Алька, беги!

Темный силуэт хмыкнул, приблизившись ко мне почти вплотную:

— Хочешь помешать *мне*, док?

И медленно занес руку для удара…

1 октября 1987 года, 19.35, Кобельки

— Дед, я тебе поесть принес! — Петька без стука ворвался в маленькую сторожку на дамбе, впустив в натопленное помещение холодную озерную изморось.

Терентий Иваныч, оторвавшись от окна, недовольно заворчал:

— Дверь, дверь закрывай, оппортунист! Тепло выпускаешь.

— Дед, сколько раз тебе говорить! Оппортунист — это не ругательство, это…

— Знаю, знаю: это такой политический деятель с левым уклоном! — усмехнувшись, перебил внука старик. — Да мне плевать, — зато звучит красиво. И тебе подходит: вылитый оппортунист!

Петька коротко хохотнул и поставил судки на стол.

— Вот, до утра должно хватить. Садись, приступай, пока не остыло. Ты чего к окну прилип?

Терентий Иваныч поманил внука пальцем.

— Сам погляди. Что это там рвануло и горит, не знаешь? Вроде ничего такого взрывоопасного в тех краях отродясь не было.

Петька приник к маленькому окошку:

— Ух ты! Сильно… Давно рвануло-то?

— Получаса не прошло. Но взрыв знатный был.

— И ведь в той стороне, насколько я помню, нет ничего такого… Дома только да огороды. Может, газопровод рванул? — высказал предположение парень, любуясь заревом.

— Может быть, — пожал плечами дед и отвернулся от окна. — Ладно, давай свои разносолы. Что-то и правда есть захотелось.

…— Вода в озере поднялась: дожди льют не переставая. Выдержит дамба-то? — поинтересовался Петька, догрызая куриную ножку. Не выдержал, объел-таки деда!

— А чего с ней станется? — удивился Терентий Иваныч. — Уж сколько простояла — и еще столько же простоит. Если что — приедет инженер, сбросит лишнюю воду. Дело-то нехитрое.

— Так-то оно так… Да только вода уже почти вровень с дамбой поднялась. Я такого не припомню, — усомнился парень.

— Потому как молод еще. Молоко на губах не обсохло, а туда же — «не припомню»! — усмехнулся дед. — А я вот — припомню. И не один раз такое бывало. Ничего — озеро на месте.

— Слушай, дед… а как это — сбросить лишнюю воду? Тут что, кран какой-то хитрый есть, что ли? — поинтересовался Петька.

— А на кой, по-твоему, я здесь приставлен? — возмутился старик. — Есть, конечно. Только не кран, а ворот такой: крутишь в одну сторону — створы поднимаются, крутишь в другую —

опускаются. Ежели полностью поднять — озеро в пару часов вытечет!

— Да ладно… — усомнился внук.

— Точно тебе говорю! Мне инженер из района рассказывал, а уж он-то знает. Вот я тут и сижу, стерегу, чтобы кто-нибудь шаловливыми ручками гадость какую не сотворил…

— Да кому это надо? — махнул Петька рукой.

— А не знаю… На моей памяти попыток не было. И слава богу: работа спокойная, платят исправно. Сиди только да казенное оружие чисти иногда, — старик усмехнулся и кивнул на прислоненный к стене карабин.

— Дед, а покажи этот… ворот! Сколько раз у тебя тут бывал, а его не видел, — попросил внук.

— И правильно, что не видел. Это, знаешь ли, охраняемый объект! Посторонним вход запрещен! — важно заявил Терентий Иванович.

— Да ладно тебе, дед! Я-то не посторонний. Ну покажи, что тебе, жалко? — совсем по-детски заныл парень.

Старик усмехнулся:

— Пошли уж, «непосторонний»!

Он подхватил карабин и открыл обшарпанную дверь с грозной надписью «Не влезай — убьет!»

В соседнем со сторожкой помещении окон не было. Зато здесь находились три огромных ворота, торчащих из бетонного пола.

— Ну вот. Все хозяйство тут, — Терентий Иванович широким жестом указал на тяжелые чугунные колеса.

Внук выглядел разочарованным:

— И все?! Вот это самое?

— Ага. А ты чего ждал? — удивился старик.

— Ну-у… не знаю, как-то все просто…

— Так оно и должно быть просто, — пожал дед плечами и похлопал ладонью по ближайшему вороту. — Крутишь в одну сторону — створ поднимается, крутишь в другую — опускается. Никаких тебе этих, как их… компьютеров! Строили-то дамбу когда?! И ведь все работает до сих пор… знай только смазывай вовремя.

Петька подошел к колесу и попытался его повернуть. Туго, но пошло.

— Эй, ты это брось! — строго прикрикнул на него дед. — Сделай как было! И не трожь больше. Это тебе не шутки!

— Ладно, ладно! — парень быстро повернул ворот обратно. — Все, больше пальцем не прикоснусь!

И отошел в сторонку, демонстративно подняв руки.

— То-то же! — удовлетворенно буркнул старик. — Ну все. Посмотрел — и будет. Выходим.

— Дед, спасибо за экскурсию. Тебе — спокойного дежурства, а я пошел. Может, дойду до пожара, посмотрю, что там полыхает, — Петька накинул куртку и направился к двери.

— Посмотри, посмотри! На обратном пути забеги потом ко мне, расскажешь, что там. Интересно же. А дамба тебе все равно по пути будет, — попросил Терентий Иванович.

— Договорились! — кивнул внук и выскочил за дверь.

1 октября 1987 года, 19.38, Кобельки

Как завороженный, я следил за рукой убийцы, моля Бога о том, чтобы Алька успела убежать.

— У тебя ничего не выйдет! — прозвучал за моей спиной ее звонкий и очень уверенный голос.

Я содрогнулся: ну почему, почему ты не убежала, Кошка?!

Занесенная для удара рука остановилась. Маньяк гулко хохотнул и сделал еще шаг к нам:

— Посмотрим…

Даже теперь, когда он стоял почти вплотную, лица не было видно, пламя за его спиной было слишком ярким. Зато огромный кулак я успел рассмотреть во всех подробностях. И он медленно, будто во сне, начал двигаться к моей голове…

…На фоне зарева мелькнула тень… с глухим рыком из темноты вырвался, вытянувшись в струну в полете, большой черный пес. И с лету вцепился зубами в страшную руку.

Маньяк покачнулся и истошно взвыл. Пес повис на его руке, злобно рыча сквозь стиснутые челюсти. На ярком фоне хорошо было видно, как выстреливают короткие струйки крови из прокушенной кисти: пес добрался до артерии.

Убийца завертелся волчком, пытаясь стряхнуть с себя собаку. Но та лишь сильнее стискивала зубы и держалась на руке мертвой хваткой. Странно, но тихое, сдавленное рычание перекрывало громкий вой маньяка.

Я опомнился. Улучил подходящий момент и от души пнул мерзавца между ног. Вой резко усилился и перешел в другую тональность. Более высокую.

Злодей согнулся и попытался схватиться за поврежденную часть тела, забыв на миг о псе, грызущем его руку. Чем тот немедленно и воспользовался. Как только задние лапы зверя коснулись земли, он рванул свою добычу в сторону.

Маньяк потерял равновесие и тяжело шлепнулся в грязь. Пес тут же отпустил его руку и бросился на грудь, метя зубами в шею.

Сплетясь в клубок, человек и собака покатились по лужам.

Аля обняла меня сзади, прижавшись всем телом. Даже сквозь одежду чувствовалось, какое оно горячее.

— Не бойся, Кошка! — шепнул я ей, не в силах оторвать взгляд от жуткой картины.

— А я и не боюсь! — спокойно ответила она. Слишком уж спокойно.

Вдруг все стихло. Только что по земле катались два тела: человеческое и собачье. Миг — и на поле боя остался лишь пес, рычащий по инерции и с невероятным изумлением обнюхивающий то место, где только что был его враг.

Маньяк исчез. Опять — исчез!

— Вот тварь! — в сердцах я едва не выругался круче, но вовремя вспомнил об Альке за спиной.

— Куда он делся? — удивилась она.

— Трусливо бежал с поля брани! — объяснил я. — Этот гад каким-то образом умеет исчезать. Я тебе рассказывал, помнишь?

Аля кивнула и улыбнулась, приседая.

— Иди ко мне! — позвала она пса.

Тот моментально потерял интерес к месту исчезновения врага и, виляя хвостом, бросился к ней. Подбежав, ткнулся лобастой головой в руки и принялся с обожанием их облизывать.

— Хороший, хороший какой! — приговаривала Алька, оглаживая пса. — Умница, защитник наш!

Я присел рядом.

— Слушай, а ведь он и в самом деле нас спас! — и тоже погладил млеющую псину по холке.

— Спас, конечно! — подтвердила Аля. — Кот, давай его назовем как-нибудь? А то неудобно как-то… имени нашего спасителя не знаем!

Я улыбнулся:

— Давай. А как?

Алька задумалась на несколько мгновений, а потом выпалила:

— Придумала! Смотри, какой черный. Пусть будет Найт!

Пес навострил уши, поднял голову и коротко, отрывисто гавкнул.

— Кажется, ему понравилось! — я поднялся на ноги и скомандовал. — Найт, сидеть!

Новонареченный зверь гавкнул еще раз и со смиренным видом уселся. Алька рассмеялась и захлопала в ладоши:

— Вот умница! Найт, дай лапу!

Пес важно протянул ей правую лапу. Аля ее пожала.

— Очень приятно познакомиться!

Найт встал, сделал пару шагов ко мне, опять уселся и поднял лапу. И вопросительно поглядел на меня.

— Кот, это же он и с тобой познакомиться хочет! — смеясь, воскликнула Алька.

Я наклонился и пожал Найту лапу.

— Рад, очень рад знакомству!

Пес удовлетворенно гавкнул. Протокольная часть встречи закончилась.

Из темноты осторожно вышла Зара, прижимая к груди испуганного Мишку:

— А где этот?..

Я пожал плечами:

— Исчез. Он это умеет.

— Как — исчез?

— А просто: был — и нет его… Ладно, нет времени на объяснения, надо посмотреть, что с лейтенантом! Найт, ты с нами? — с надеждой спросил я пса.

Тот совершенно по-человечески кивнул головой, басовито гавкнул и потрусил к машине. Мы — за ним.

Семен сидел в канаве, обеими руками держась за нос. Услышав наши шаги, он обернулся и полез было в кобуру.

— Это мы! Свои! Ты живой? — Я спрыгнул к нему и потребовал: — Показывай, где болит? Голова кружится? Тошнит? Видишь хорошо?

Лейтенант отмахнулся:

— Да ладно тебе, док! — голос его был ужасно гнусавым. — Этот гад мне нос сломал, только и всего. Ну, еще контузил малость… я только что в себя пришел. А что я пропустил? Что тут было? И где эта тварь?

— Сначала покажи нос! — я осторожно отнял его руки от лица и присвистнул. — Да, круто он тебя приложил!

Лейтенантов нос был скособоченный, синий и отекший. Вдобавок под глазами Семена образовались два знатных «фингала».

— Пошли в машину. Забираем всех и едем ко мне в больницу. Разберемся с твоим носом и головой, да обсудим всё. Я поведу. — Я помог участковому встать и выбраться из канавы.

— О, а он тут откуда?! Это тот самый? — удивился Семен, увидев Найта.

— Тот самый. Он нас всех спас. И его зовут Найт! — сообщила Аля, почесывая псу холку.

Тот уселся перед лейтенантом и протянул ему лапу.

— Гав!

— Обалдеть! — Семен лапу пожал и рассмеялся. — Я тоже рад знакомству!

— Так, познакомились — и будет. Все — в машину, — скомандовал я и сел за руль.

1 октября, 19.44, Кобельки

Он вернулся в постоянное тело и открыл глаза. Жуткая боль в руке не проходила. Зная, что все равно там ничего не увидит, *Он* тем не менее поднес к глазам кисть. И оторопел.

Вся рука была буквально изодрана в клочья: лохмотья окровавленной кожи свисали, будто отклеившиеся обои. Но что самое неприятное — из глубокой раны с равными промежутками выстреливали высокие алые фонтанчики.

Он отказывался верить глазам: до сих пор любые повреждения его временных тел никак не сказывались на теле постоянном. Даже пулевые ранения, причиненные сначала лейтенантом, а потом доктором, — и те оставляли после себя лишь боль. Пусть сильную, невыносимую, но всего лишь боль. Раны оставались у фантомов, вернее, исчезали вместе с ними.

А вот теперь что-то изменилось. Чертов пес искусал не только фантома, но каким-то таинственным образом — и *Его* самого. Как, почему?!

Он пришел в бешенство. В последнее время все идет не так. Пора заканчивать эту полосу невезения. Покончить разом со всей этой компанией, а заодно — и с последней, девятой… Чтобы получить наконец все, чего *Он* достоин.

Он улыбнулся: кажется, придумал! Даже и выжидать не придется, сейчас — самый удобный момент для того, чтобы нанести последний, завершающий удар. Оставаясь при этом в полной безопасности и недосягаемости для этих… людишек и пса.

Но сначала — надо заняться раной. С каждым алым фонтанчиком из *Него* уходили силы. А они еще ох как понадобятся!

Он вытащил из брюк ремень и, морщась от боли, перетянул импровизированным жгутом плечо. Рука тут же онемела, но зато кровь течь перестала. *Он* поразмыслил немного, отправился на кухню и сунул в топку печи конец кочерги. А сам уселся рядом, задумчиво наблюдая, как неторопливо краснеет ее металл.

Когда кочерга раскалилась добела, *Он* здоровой рукой вытащил ее. Помедлил секунду-другую, примериваясь, — и прижал раскаленное железо к ране на кисти…

Его собственный вопль перекрыл слабое шипение. Комната

моментально наполнилась отвратительной вонью паленого мяса. *Он* выл, будто попавший в капкан волк, глаза ничего не видели сквозь мутную пелену слез, но рука упрямо вдавливала бело-оранжевый конец кочерги в рану.

Наконец, когда многострадальная кисть уже перестала ощущать боль, *Он* сунул кочергу обратно в печь и внимательно осмотрел руку. Удовлетворившись осмотром, кивнул и осторожно ослабил ремень на плече. Выждал несколько секунд — и снял его совсем.

Кровь не потекла. *Он* осторожно пошевелил обугленной кистью — хоть и больно, но пальцы двигаются. А кровь — остановилась!

Он довольно хмыкнул и встал. Немного кружилась голова от кровопотери и пережитой боли. Ну да это пустяки. Главное — сейчас *Он* сделает наконец то, к чему шел все это время. И уже никто — ни люди, ни звери — не смогут *Ему* помешать.

Он дошел до кровати, улегся и закрыл глаза. Потянулся *другим* взглядом, но не к тем, кого вознамерился убить, а совсем к другому месту…

1 октября 1987 года, 19.45, Кобельки

Терентий Иванович поудобнее улегся на древнем топчане, водрузил на нос очки и раскрыл книгу. Прочитал, как обычно, пару абзацев — и задремал.

Проснулся от приглушенного знакомого скрипа. Кряхтя, сел и прислушался: скрип не прекращался. Спросонок старик никак не мог сообразить, отчего этот звук так ему знаком. А когда наконец понял — похолодел.

В соседнем помещении скрипел, поворачиваясь, ворот. Тот самый, поднимающий створы дамбы!

Сторож выругался вполголоса, быстро натянул сапоги, схватил карабин и ринулся к двери с надписью «Не влезай — убьет!» И не поверил своим глазам: засов был задвинут и заперт на большой амбарный замок, который сам же Терентий Иванович и навесил, проводив внука.

Старик озадаченно потрогал замок рукой: самый настоящий — холодный и твердый. Так ведь кроме как через эту дверь, к воротам попасть невозможно! Ни окон, ни каких-либо других отверстий в помещении не было.

А скрип между тем продолжался! Только теперь к нему присоединился еще какой-то звук, поначалу неясный, но с каждой секундой нарастающий и грозный — рев освобожденной воды.

Чувствуя, как по спине стекает холодный пот, Терентий

Иванович трясущимися руками вставил ключ в замок и повернул. С легким щелчком дужка замка отскочила. Старик вытащил ее из засова, отодвинул его и распахнул дверь.

В помещении было темно. Сторож привычно ткнул пальцем в выключатель: тускло вспыхнули лампы.

— Руки вверх! Отойди от ворота! — приказал старик, вскидывая карабин и целясь в спину склонившегося над чугунным колесом огромного человека в дождевике.

Тот неторопливо разогнулся и обернулся. Капюшон слетел с его головы.

— Ты?! — сторож растерянно опустил карабин. — Как ты сю…

Закончить вопрос старик не успел: незваный гость стремительно ринулся к нему и выбил из рук карабин. А самого Терентия Ивановича схватил поперек туловища, сделал вместе с ним несколько шагов — и швырнул старика прямо сквозь стекло в окно сторожки, под которым, в двадцати метрах внизу, торжествующе бурлила освобожденная вода…

1 октября 1987 года, 19.48, Кобельки

Милицейский «уазик» несся вдоль чахлой речушки, нетерпеливо подпрыгивая на кочках. Семен при каждом новом толчке кряхтел и хватался за нос.

— Болит? — сочувственно спросил я, не отрывая взгляда от темной дороги.

— Угу, — прогнусавил он. — Из носа в голову стреляет. И обратно.

— Ничего, сейчас приедем — обезболим, вправим и шину наложим, — подбодрил я его. — И снимок сделаем обязательно. Поглядим, что с головой.

— А чего ей сделается? — усмехнулся лейтенант. — Это ж кость!

Сзади вопросительно гавкнул Найт. Видимо, последнее слово вызвало у него гастрономический интерес.

— Да, кстати! — вспомнил Семен и обернулся к пассажирам, сидящим сзади. — Зара, я тебе хочу пару вопросов задать, пока едем. Ты как, можешь отвечать?

Цыганка кивнула:

— Да, могу. Я в порядке. Теперь — в порядке, — и прижала к себе спящего у нее на руках сына.

— Помнишь, ты рассказывала Палычу о вашем поверье? Ну, о том, что тот, кто соберет девять нерожденных душ, станет здоровым, бессмертным и тэ дэ?

— Помню, конечно! — удивилась Зара. — А что?

— Нам нужно, чтобы ты вспомнила, не рассказывала ли ты об этом еще кому-нибудь? И если рассказывала, то когда именно и кому? Это очень важно!

Цыганка задумалась на минуту. В машине повисла напряженная тишина.

— Да, было такое… Примерно три-четыре месяца назад. Я действительно рассказала о нашем поверье…

— Кому?!! — наши с Семеном голоса слились в один.

Найт недовольно зарычал и покачал головой.

Мол, чего орать-то так?

Зара испуганно съежилась на заднем сиденье, затравленно переводя взгляд с покореженного лица лейтенанта на мой затылок и обратно.

— Зара, ты не пугайся. Никто тебя ни в чем не обвиняет. Просто нам очень важно знать, кто еще знал о поверье, — спохватился Семен, попытавшись улыбнуться.

Получилось кривенько, но убедительно. Цыганка расслабилась.

— Да, я понимаю, — робко улыбнулась она.

— Так кому ты рассказала эту легенду?

И Зара назвала имя. Услышав его, мы оцепенели.

…— Твою мать! — первым пришел в себя Семен, забыв о присутствующих здесь дамах.

Я чувствовал себя препогано.

— Я должен был догадаться! Ведь все, все сходится! И время, и мотивация! На поверхности же все было, а я… — В сердцах я топнул по педали газа, от чего «воронок» подпрыгнул на очередной кочке гораздо выше, чем прежде.

Лейтенант тихо взвыл и схватился за нос. Я опомнился и сбавил скорость.

— Ты, Палыч, это брось! — строго сказал Семен. — Задним умом мы все крепки. Если уж на то пошло, я должен был с самого начала принять твою версию с легендой. Глядишь, и раньше бы все прояснилось!

— Ладно, чего уж теперь самобичеванием заниматься! — вздохнул я. — Что делать будем?

— Брать надо. Срочно! Прямо сейчас! — возбужденно заявил лейтенант.

— Отлично. А как? — приземлил его я.

— Просто — приезжать и брать. А при сопротивлении — пристрелить подонка. Не бессмертный же он, в самом деле!

— Видимо, нет, раз так стремился выполнить условия поверья. Там, если помнишь, одним из бонусов как раз и было

бессмертие, — заметил я.

— Ну да, он же еще не собрал свою… коллекцию! — Семен передернул плечами. — Так что пока — смертный, гад! Поехали, Палыч! Дорогу я покажу.

— Ты кое о чем забыл! — одернул я лейтенанта.

— О чем?!

— С нами — женщины и ребенок. Хочешь ехать с ними?

— Ах, да… — Семен озадачился, но ненадолго. Повернулся назад и ободряюще улыбнулся притихшим женщинам. — Мы вас ненадолго оставим в надежном месте…

— Нет!

— Ни за что!

— Мы с вами!

Аля с Зарой перебивали друг друга, выражая свое горячее несогласие с предложением лейтенанта. Я, честно говоря, тоже засомневался:

— Семен, а «надежное место» — это где?

— Тихо все! — прикрикнул участковый.

В машине воцарилась тишина.

— Объясняю: сейчас мы поедем на дамбу. Там есть сторожка. Сторожем при дамбе — Терентий Иваныч, мировой старик. Он, кстати, вас и нашел тогда, Аля. У Иваныча есть оружие, и он знает, как им пользоваться. Найт останется с вами — думаю, это самый надежный фактор защиты, если верить тому, что вы мне рассказали о сегодняшней битве с маньяком, — лейтенант перевел дыхание. — Вот. Какие будут контраргументы?

Контраргументов не было. На пса и в самом деле можно было положиться. Вкупе с вооруженным стариком они представлялись не менее надежной защитой для Альки с Зарой, чем мы с Семеном.

— Мне кажется, план хороший. Что думаешь, Кошка?

Аля кивнула:

— Хороший. Пока мы с Найтом — маньяк к нам не сунется.

Пес утвердительно рыкнул.

— Вот и он так думает, — улыбнулась Алька. — Мы останемся в сторожке и будем вас ждать. Верно, Зара?

— Верно! — согласилась цыганка.

— Но — при одном условии! — предупредила Аля.

— Каком? — хором поинтересовались мы с Семеном.

— Вы обещаете быть очень осторожными! Оба! Даете слово?

— Слово! — опять хором заявили мы.

— Вот и славно. Поехали к вашему Терентию Иванычу.

1 октября 1987 года, 19.47, Кобельки

Петька наконец спустился к подножию дамбы и торопливо пошел вдоль берега вытекающей из озера речушки. Туда, где по-прежнему полыхало багровое зарево пожара. Несмотря на усиливающийся дождь, далекий огонь не торопился гаснуть.

Сзади послышался нарастающий шум, словно его нагонял тяжелый товарный поезд. Только откуда здесь поезд?! Парень обернулся и застыл, пораженный странным и страшным зрелищем.

Один из трех гигантских створов, запирающих озеро, поднимался. Медленно, почти незаметно глазу, но — поднимался. А из увеличивающегося отверстия с нарастающим ревом вырывалась белая вспененная вода.

Петька оторопело наблюдал, как нехотя движется вверх тяжелый стальной щит. И пытался понять, что происходит. Неужели приехал-таки тот загадочный инженер из райцентра, о котором рассказывал дед, и начал спускать из озера лишнюю воду? Но как, когда? Никаких машин на дороге, ведущей к дамбе, не было… он, Петька, только что по этой самой дороге спускался.

Позвонили деду по телефону и приказали самому поднять створы? Но в сторожке телефона отродясь не было! Остается одно: дед сам, по каким-то своим соображениям, решил открыть воду. Может, у него были какие-то инструкции на этот счет? Ну, к примеру, если поднимется вода выше определенного уровня, — поднять на какое-то время створы… или что-то в этом роде?

Пока Петька подобным образом размышлял, створ вдруг остановился. А через пару секунд через единственное окно сторожки, высоко вверху, вылетело что-то большое, темное и стремительно ухнуло вниз. Прямо в кипящую воду. Через мгновение донесся звон разбитого стекла и слабый крик.

— Дед!!! — парень рванулся к дамбе. — Дед, держись!

Спотыкаясь, он мчался по скользкому берегу, высматривая, не мелькнет ли человек в стремительно бегущей воде. Но никого там не было, лишь многочисленные водовороты буравили потревоженную, быстро поднимающуюся реку.

— Дед! — парень остановился, когда обнаружил, что бежит уже не по берегу, а по разлившейся воде. Пока поднявшейся невысоко.

Петька по-детски всхлипнул и посмотрел на створ. После паузы тот вновь продолжил свое неторопливое движение вверх.

Так значит, это не дед поднял створ! Там, наверху, есть еще кто-то. И этот «кто-то» только что выбросил старика в окно, будто ненужную, надоевшую вещь!

Парень почувствовал, как в нем закипает ненависть. Стиснув

кулаки, он еще раз с тоской оглядел беснующуюся воду. Никого. Потом перевел взгляд на дамбу: первый створ уже был открыт до конца. И теперь тот, наверху, принялся поднимать второй.

Ледяная вода под ногами стала уже заползать в голенища невысоких резиновых сапог. Река стремительно разливалась. Еще немного, и вода доберется до домов там, ниже по течению!

Петька набрал в грудь побольше воздуха — и помчался вверх по дороге, ведущей на дамбу.

1 октября 1987 года, 19.51, Кобельки

Дорога вдруг исчезла. Как-то сразу, без прелюдий. В свете фар впереди была лишь вода.

— Что за черт?! — от удивления Семен даже перестал гнусавить. — Откуда это?

— Вот уж не знаю! — пожал я плечами, останавливая машину. — Кто из нас двоих местный, ты или я?

Вода не стояла: она резво текла справа налево, увлекая за собой листья, ветки и всякий мелкий мусор. И заметно прибывала.

— Река разлилась! — взволнованно воскликнул лейтенант, открыв дверь и встав на подножку. — Палыч, это наводнение! Дамбу прорвало!

О том, что это не просто лужа, я и так догадался: впереди, насколько хватало глаз и дальнего света фар, везде была вода, которая уже залила дворы и огороды окружающих домов. Пока — невысоко.

— Семен, надо людей предупредить! — я за штаны втянул лейтенанта обратно в машину. — Вернее — эвакуировать их нужно, причем — срочно! Вода слишком быстро прибывает!

— Точно! — участковый нетерпеливо постукивал кулаком по передней панели. — Давай к этому дому!

Он указал на ближайшую к нам избу.

— Ты что, хочешь стучаться по очереди в каждый дом?! — изумился я. — Так мы до утра всех не обойдем!

— Есть другие предложения? — огрызнулся Семен.

— Есть. Включай сирену, маячки и громкоговоритель. Воспользуемся, так сказать, средствами массовой информации.

Лейтенант озадаченно почесал затылок.

— Палыч, ты не поверишь, но за все время работы я ни разу всей этой фигней не пользовался. Как-то нужды не было…

— Все когда-то случается в первый раз, — мудро заметил я. — Вот и попробуешь заодно, каково это. Включай давай, времени мало!

Семен нагнулся к приборной панели и щелкнул какими-то тумблерами. Темнота озарилась синими сполохами, а по ушам резанул крайне неприятный, зато громкий вой сирены.

— Гляди-ка! Работает! — восхитился лейтенант и поднес к губам микрофон: — Внимание! Всем срочно покинуть дома и бежать на холмы! Наводнение! Прорвало дамбу! Повторяю: всем срочно покинуть дома и бежать на холмы! Идет наводнение! Прорвало дамбу! Объявляется эвакуация! Всем срочно покинуть дома и бежать на холмы! Наводнение! Наводнение!

Усиленный динамиками голос Семена грохотал на всю округу. Из домов начали выскакивать люди. Слава богу, нам ничего им не пришлось объяснять — вода поднялась уже почти до колен. Потревоженные, испуганные жители заливаемых домов резво мчались к ближайшему холму, благо до него была-то всего каких-нибудь пара сотен метров.

Мы медленно проехали по длинной улице мимо всех домов. Семен без передышки повторял свое воззвание, сирена ревела, маячки сверкали. У последней избы я развернул машину: дальше, поодаль, догорал Зарин дом. В том краю больше никого не было.

Вода уже полностью залила колеса «уазика». Создавалось полное ощущение, что мы уже не едем вовсе, а плывем в бурлящей мутной воде. Далеко впереди виднелись люди, это последние беженцы покидали свои дома.

— Палыч, давай к дамбе! Только не торопись. Надо еще раз проехаться вдоль домов и повторить сообщение. Мало ли, вдруг кто не слышал, — озабоченно сказал лейтенант.

Я кивнул и медленно поехал (почти поплыл!) по опустевшей, залитой улице.

— Внимание! Всем срочно покинуть дома и бежать на холмы! Идет наводнение! Прорвало дамбу! Всем срочно покинуть дома! — возобновил вещание Семен.

Улица по-прежнему оставалась пустой: видимо, все жители этой части Кобельков уже были в безопасности, на холме. Ну, или по пути к нему…

— Кот, смотри! — Аля вцепилась в мое плечо, указывая рукой на один из домов.

Я посмотрел — и ударил по тормозам. В освещенном окне, будто в телевизоре, отлично было видно мальчишку лет трех, с большим интересом наблюдающего сквозь стекло за событиями, происходящими на улице.

1 октября 1987 года, 19.54, Кобельки

Он отвернул до упора последний ворот и удовлетворенно

улыбнулся. Ну вот, через несколько минут всю эту компанию смоет вода. Надо только постараться быть рядом с той, девятой, в тот момент, когда она захлебнется. Иначе — все насмарку. И придется на роль последней искать еще кого-то.

Вообще-то, можно будет и поискать — дело нехитрое. Утонут надоевший милиционер вместе с настырным доктором — уже хорошо. Не торопясь, не боясь быть узнанным — почему бы и не поискать?

Он потряс головой, отгоняя ненужные мысли. Нет, все, тянуть больше не стоит, тут *Она* права: нужно сегодня разом покончить со всеми и получить то, что причитается *Ему*. То, чего *Он* — и только *Он* достоин!

Надо посмотреть, где сейчас ненавистная компания. Чтобы подгадать момент и, ничем не рискуя, появиться рядом с девятой в момент ее последнего вздоха.

Он уселся прямо на пол. Там, где стоял — рядом с воротом. И закрыл глаза, потянувшись *другим* своим взглядом сквозь темноту. Над разлившейся рекой, над бегущими в панике по колено в воде людьми, над тонущими, будто подбитые корабли, домами.

Вот внизу показалась машина, разбрасывающая вокруг пульсирующие волны синего света. Отсюда, с высоты *Его* взгляда, она казалась совсем маленькой. Оставляя за собой на воде длинный расходящийся след, автомобиль медленно двигался по залитой улице.

Он ухмыльнулся и сконцентрировался, машина приблизилась почти вплотную. Уже можно было разобрать, что происходит внутри слабо освещенного салона…

— Опусти створы, гад! — вдруг совсем рядом прозвучали наполненные ненавистью слова.

Глава 3

1 октября 1987 года, 19.55, Кобельки

— Семен, присмотри здесь! — бросил я лейтенанту и выпрыгнул из машины.

Ноги тут же свело холодом. Вода поднялась уже выше колен и существенно затрудняла передвижение. К тому же идти пришлось против течения — довольно сильного. Я наклонился и поймал проплывающее мимо короткое полено.

— Палыч, давай быстрее! Нам еще на дамбу надо успеть! — Семен опять вылез на свою подножку и теперь с тревогой наблюдал оттуда за мной, подсвечивая дорогу поворотным фонарем на крыше машины.

Не оборачиваясь, я кивнул. И так тороплюсь. В голове стучал пульс, отсчитывая время. Сколько его у нас осталось — я решительно не представлял. Понимал только, что вода прибывает быстро. Очень быстро.

Вот и окно с прильнувшим к стеклу малышом. Я осторожно постучал по приплюснутому с той стороны носу и улыбнулся. Малец заулыбался в ответ.

— Отойди от окна! — крикнул ему я.

Ноль реакции. Улыбающаяся рожица по-прежнему прилипла к стеклу.

— Отойди от окна, кому говорю! — рявкнул я, сопроводив свое требование выразительным и, как мне показалось, понятным жестом.

Но парень не понял. И не отошел.

Ладно, на церемонии времени нет. Я скорчил зверскую физиономию и замахнулся на малыша поленом:

— В угол поставлю!

Подействовало, мальца будто ветром сдуло. Не теряя времени, я обрушил полено на стекло. Осколки с веселым звоном посыпались в воду.

— Привет! Ты не бойся, это я пошутил так! — поспешил я успокоить забившегося в дальний угол комнаты и следящего за мной испуганными глазенками малыша. — Не будешь бояться?

Тот неуверенно улыбнулся и покачал головой.

— Вот и молодец. Тебя как зовут? — забалтывая перепуганного ребенка, я просунул руку в дыру, отщелкнул шпингалеты и открыл окно.

— Лешка. А ты кто? — малец явно осмелел.

— А я — дядя Паша. Ваш доктор. У тебя ничего не болит? —

представился я, влезая в комнату.

Лешка рьяно покачал головой: ничего.

— Вот и хорошо. А родители твои где? Дома?

Опять отрицательное качание.

— А где?

— Папка с мамкой в гости пошли к тете Оле, — объяснил малец. — В верхнюю деревню.

Ясно. Придется и тебе, парень, в гости прокатиться. Только не к тете Оле.

— Слушай, Лешка: а давай мы сейчас на милицейской машине покатаемся? Настоящей, с мигалками. А еще я тебя с нашей собакой познакомлю. Она очень умная и все понимает. Хочешь?

Малыш расплылся в широкой улыбке:

— Хочу! А то скучно!

— Вот и хорошо. Только… — я с сомнением оглядел его майку и трусы. — Я тебя в одеяло заверну, ладно? Холодно на улице.

Не дожидаясь ответа, сдернул с кровати одеяло и упаковал в него Лешку. Кряхтя, выбрался со своей ношей за окно и побрел к машине. Вода уже добралась почти до пояса.

— Дядя Паша, а откуда столько воды? — поинтересовался малыш.

— А это… наводнение! — ляпнул я, не придумав ничего дипломатичного.

— Да ну?! Настоящее?! — обрадовался Лешка и чуть не выскользнул из своего одеяла.

— Настоящее — некуда! Не ерзай! — прикрикнул я на него, подходя к машине.

Навстречу мне открылась задняя дверь. Вода уже залила пол салона. Вид у пассажиров заднего сиденья был довольно удрученный.

— Вот, это Лешка. Прошу любить и жаловать! — я водрузил упакованного малыша Альке на колени.

Она улыбнулась:

— Привет. Я — Аля. Поедешь с нами?

— Ага, — басом согласился Лешка.

Я запрыгнул на водительское место и тронул машину с места:

— Семен, включай свою кричалку и говорилку. Едем на дамбу.

Раздался знакомый рев:

— Внимание! Всем срочно покинуть дома…

1 октября 1987 года, 19.56, Кобельки

Петька щелкнул предохранителем и передернул затвор дедова карабина. И вновь прицелился в широкую спину сидящего на бетонном полу человека.

Тот никак не отреагировал. Как и на предыдущее требование опустить створы. Незнакомец сидел, низко опустив голову в капюшоне и, казалось, дремал.

— Кому говорю: встань и закрой створы! — парень повысил голос.

На этот раз пришелец услышал. Он медленно поднял голову, но не обернулся.

— Буду стрелять! — пообещал Петька.

Человек на полу глухо захохотал. Широкая спина затряслась, а по маленькому помещению пошло гулять угрожающее эхо.

Парень растерялся. Такой реакции он не ожидал. Карабин, будто сам по себе, опустился.

— Бу-ду стре-лять! — басом передразнил странный человек. И вдруг легко, не опираясь на руки, вскочил, заняв своим огромным телом почти всю комнату.

Почувствовав неприятный холодок в животе, Петька отступил на шаг, оказался в проеме двери и вновь вскинул карабин:

— Ворот! Ворот закрути, живо!

— За-кру-ти, жи-во! — передразнивая то ли самого Петьку, то ли эхо, повторил незнакомец. И повернулся, широко раскинув руки, будто собираясь обнять испуганного парня. — Пе-е-тенька!

— Стоять на месте! — крикнул тот, отступая еще на шаг. — Ты кто такой?! Открой лицо!

Из тени глубокого капюшона выступал лишь подбородок. Остальное лицо страшного гостя было надежно скрыто.

— У-у-у-у! — глухо завыл он, показывая Петьке козу и делая шаг к нему.

— Не подходи, сволочь, пристрелю! — не помня себя от ужаса, заорал парень, с трудом удерживаясь от соблазна надавить на спусковой крючок прямо сейчас.

Незнакомец вытянул обе руки вперед и растопырил скрюченные пальцы:

— Я пришел за тобо-о-ой! — явно кривляясь, провыл он и сделал еще один шаг…

Три выстрела, прозвучавшие почти очередью, наполнили маленькое помещение невыносимым грохотом и пороховой гарью. Незнакомец взревел раненым зверем, прижимая руки к разорванной груди. Сквозь его пальцы толчками выплескивалась темная кровь.

В каком-то оцепенении, сквозь прицел наблюдал Петька, как

человек в дождевике рухнул сначала на колени, а потом — принялся медленно заваливаться на бок, собираясь упасть совсем. Но не упал…

Потому что исчез. Просто взял — и исчез. Секунду назад еще Петька держал в прицеле темную дыру в капюшоне, в глубине которой скрывалось лицо незнакомца, — и вдруг она сменилась серой бетонной стеной. Будто слайд перещелкнули.

В маленьком помещении парень остался один. Странный и страшный гость словно растворился в воздухе. Не оставив ничего, что бы напоминало о нем. Только сладковатый пороховой запах да три щербинки на бетонной стене — в том самом месте, куда ударили пули, пробив насквозь грудь загадочного пришельца.

— Эй! — нерешительно позвал Петька, поводя стволом карабина в разные стороны. — Эй, ты где?

Тишина в ответ. Даже эхо, буянившее до этого, затаилось. Или ушло, неведомо куда, вместе с незнакомцем.

— Что за…? — озадаченно и малоцензурно поинтересовался парень у пустоты. И вдруг, неожиданно для самого себя, перекрестился.

…Рев рукотворного водопада, ворвавшийся в разбитое окно сторожки, вывел Петьку из оцепенения. Он аккуратно прислонил карабин к стене и бросился к ближайшему вороту.

Тяжелое чугунное колесо подалось с трудом. Помнится, откручивалось оно куда легче. Парень всем телом навалился на маховик, пытаясь поскорее опустить первый створ. Но поскорее — не получалось. То ли гигантский напор воды перекосил стальной щит в пазах, то ли еще что — но ворот почти не двигался, несмотря на все Петькины старания.

Пот, стекающий с его лба, смешивался со злыми слезами и стекал к губам, противно пощипывая их. Почти ничего не видя от натуги, парень крутил проклятый ворот, по сантиметру, по два, но все-таки закручивая его…

1 октября 1987 года, 20.03, Кобельки

Вода в салоне поднялась почти до колен. Наши пассажиры сзади забрались на сиденье с ногами, каким-то образом исхитрившись уместиться на нем всем составом. Включая Найта.

«Уазик» неторопливо рассекал капотом взбунтовавшуюся реку. Фары теперь светили наполовину из-под воды, а потому света стало меньше. Больше всего я боялся потерять ориентиры и съехать с дороги в какую-нибудь канаву. И еще одна мысль противно свербила мозг:

— Семен, ты не знаешь, наш вездеход в воде до какой

глубины может ездить?

— Палыч, не поверишь, сам о том же думаю. По идее, пока воздухозаборник не зальет — двигатель заглохнуть не должен. Свечи, кажется, у него загерметизированы… — неуверенно ответил лейтенант.

— Осталось выяснить, где воздухозаборник… — пробормотал я. С матчастью у меня всегда были проблемы.

— Слушай, док! Может, пока не поздно, рвануть напрямик к холму? — Семен кивнул головой влево, туда, где в нескольких сотнях метров возвышался холм, приютивший беженцев из затопленных домов. — Пересидим там, пока вода не сойдет.

— Во-первых, ты уверен, что за то время, пока мы там будем сидеть, наш общий друг не сделает ноги? Или не доберется до последней жертвы? Или не учинит еще какую-нибудь пакость? — поинтересовался я.

— Не уверен. А во-вторых?

— Во-вторых, сворачивать — поздно. Сейчас мы на дороге, но стоит свернуть — попадем в какую-нибудь канаву, и кирдык: двигатель заглохнет. Из машины выходить опасно: смотри, течение какое! Легко унесет. А вода — ледяная, в ней долго не побарахтаешься.

Лейтенант кивнул:

— Тут ты прав. Машину-то того и гляди снесет.

— Есть еще и в-третьих. Как думаешь, какая высота этого холма? — я кивнул на возвышенность, облепленную людьми.

Там уже горели несколько костров. Молодцы, не растерялись!

— Не знаю, — Семен пожал плечами, — метров десять, наверное.

— Если не меньше. А высота плотины? Мне показалось, что гораздо больше. Раза в два как минимум.

— Ты хочешь сказать…

— Я хочу сказать, что высоты этого холма может и не хватить. Семен, надо как-то воду перекрыть. Не знаю как, но — надо. И поскорее.

Наступила тягостная тишина, нарушаемая лишь мерным рокотом двигателя, да плеском воды за бортом. Лейтенант озадаченно посмотрел на меня:

— Палыч, помощь из района я уже вызвал. Пока ты мальца спасал. Но когда они доберутся и что смогут сделать — не знаю. Если там прорыв дамбы, то понадобится тяжелая техника, возможно — саперы, водолазы и прочая и прочая. Мы вдвоем в любом случае дырку не заделаем: это тебе не слив в ванне заткнуть!

— А если это не прорыв? — осторожно спросил я.

— А что же?! — изумился Семен.

— Меня тут осенило: а что, если все это — дело рук нашего общего друга? До Зары ему добраться не удалось, Алька тоже ускользнула, спасибо Найту, — вот гад и решил накрыть нас всех разом. Явился на дамбу, открыл краник — там же есть наверняка какая-то штука, которая открывает слив? — и готово. Что называется, концы в воду. В буквальном смысле слова…

Лейтенант поиграл желваками:

— Черт его знает. Вполне может быть. Правда, дамба охраняется… Но, зная способности этого подонка, — что ему старик с ружьем? Опять ты прав, Палыч, надо на дамбу ехать. Без вариантов.

— Да мы и едем. Только успеть бы доехать, — вздохнул я.

По поводу последнего у меня были большие сомнения: мутная студеная вода уже поднялась в салоне до пояса, а снаружи накатывала невысокой волной на переднюю часть капота. Фары давно скрылись под водой, каким-то чудом все еще светя оттуда двумя тусклыми пятнами. Дорога… вернее, вода впереди освещалась лишь поворотной лампой на крыше «уазика», да синими сполохами мигалок, от которых вся картина приобретала вовсе уж сюрреалистический вид.

Я старался держать машину ровно посередине между придорожными столбами, торчащими из воды с обеих сторон. Дорога, видимо, пошла по насыпи, потому что дома, стоящие чуть поодаль, оказались затопленными по самые крыши. В то время как наша машина — «всего лишь» по капот.

Двигатель вдруг закашлялся. Машина задергалась, будто в судорогах. Сзади испуганно пискнули женщины и недовольно взрыкнул Найт.

— Спокойно! — прикрикнул на них Семен. Но его голос выдавал волнение.

Дергаясь и чихая, «уазик» проехал с десяток метров. В салоне царила гробовая тишина. А пейзаж за лобовым стеклом вдруг изменился: по воде поплыли длинные пенистые разводы. Снаружи донесся нарастающий глухой рев.

— Дамба! — хрипло сообщил лейтенант и закашлялся.

Впереди из темноты вырастала огромная стена плотины. По мере приближения к ней все четче и четче становился виден водопад белой беснующейся воды, вырывающейся из-под полностью поднятых створов. Поднятых!

— ….ь! — Семен стиснул кулаки. — Он-таки нагадил!

Я осторожно придавил педаль газа. Двигатель закашлял чаще, машина истерично задергалась и рванулась вперед. Только бы не заглохла!

Дорога заметно пошла в гору. Волны уже не накатывали на капот, да и в салоне воды стало поменьше. А луч верхнего прожектора выхватил из темноты черную полоску асфальта, змеей выползающую из воды вверх. Всего-то в каких-нибудь тридцати метрах впереди!

В этот момент двигатель заглох. «Уазик» дернулся в агонии — и остановился.

1 октября 1987 года, 20.01, Кобельки

Он открыл глаза и со стоном схватился за грудь, разрываемую нестерпимой болью. Рванул на груди рубаху — и вздохнул с облегчением: никаких ран. Только боль.

Он вновь опустил веки и попытался сосредоточиться, чтобы посмотреть, что случилось с ненавистной компанией. Бесполезно: боль затмевала сознание, не позволяя сконцентрироваться.

В сердцах *Он* стукнул кулаком по стоящему рядом с кроватью стулу. И взвыл от острой боли в руке, изувеченной проклятым псом.

Да что же сегодня за день такой?! Сначала — цыганка, умудрившаяся ускользнуть у *Него* из-под носа. Потом — невесть откуда взявшийся пес, порвавший руку и помешавший добраться до последнего, девятого нерожденного. Теперь вот — этот парень с ружьем… Хотя тут *Он* сам виноват — поиграть решил, не поверил, что сопляк решится выстрелить. Вот и нарвался!

Больно-то как! *Он* поморщился и потер грудь.

— Что у тебя с рукой?! — в комнату неслышно вошла *Она.*

— Собака покусала.

— Какая собака? Ты же сегодня из дому не выходил?!

— Не меня самого… Мое другое тело, — потупился *Он.*

Она растерянно опустилась на стул:

— Как — другое? А почему рана — у тебя?

— Не знаю.

— Покажи! — потребовала *Она* и осторожно взяла в руки изуродованную кисть.

Он поморщился:

— Больно!

— Потерпи… Почему обуглено все? — недоуменно взглянула *Она* поверх очков.

— Прижигал. Кровь не останавливалась. Пес мне артерию прокусил! — пожаловался *Он.*

— Бедненький! — посочувствовала *Она.*

Он удивленно вскинул глаза: это всерьез или с иронией? Не понять…

— Ты сделал?

— Не совсем, — потупился Он.

— То есть? — в *Ее* голосе появились нехорошие нотки.

— Я почти добрался до цыганки и до девятой. Почти… Но там появился этот мерзкий пес. Он-то мне руку и прокусил! Я чуть кровью не истек…

— Что за пес? Откуда он взялся?

Он пожал плечами:

— Не знаю. Просто бросился на меня из темноты. Но я их всех утопил… кажется.

Она наклонилась почти вплотную к *Его* лицу:

— Ты бредишь? Как — утопил? И почему — кажется?

Он вкратце пересказал *Ей* события, случившиеся на дамбе.

— Молодец, придумал неплохо! — похвалила *Она.* Впрочем, голос при этом нисколько не потеплел, скорее наоборот.

Он внутренне подобрался. Сейчас начнется!

— Так что же, они утонули? Ты проверил?

— Нет. Я не смог. Не могу настроиться… слишком сильная боль.

— Это что-то новенькое! Сегодня, похоже, у нас вечер сюрпризов, верно? Сначала какая-то псина кусает твое второе тело, а раны появляются у тебя. Теперь — не можешь настроиться… — по мере того как *Ее* тон становился все более угрожающим, голос затихал. Теперь *Она* говорила почти шепотом.

Он хорошо знал этот страшный шепот. И то, что за ним обычно следует.

— То есть мы так и не знаем, жива ли эта компания или нет? А с учетом их необыкновенной везучести, смею предположить, что — жива. Когда ты сможешь узнать наверняка? — *Она* больно сдавила раненую руку.

Он взвизгнул:

— Ай! Не знаю… Мне нужно восстановиться!

— Сейчас я тебя восстановлю, дрянь! Ну-ка, встань, живо!

— Нет! Не надо, пожалуйста! — завыл *Он,* свернувшись клубком на кровати.

— Встать, я сказала! — *Она* шипела в бешенстве, плюясь слюной.

Он поспешно вскочил и застыл, затравленно прижавшись к стене.

— Повернись и спусти штаны!

— Н-не надо! — пискнул *Он,* подчиняясь.

— Надо, — *Она* достала из шкафа солдатский ремень с тяжелой латунной пряжкой. — Ты не сделал то, что следовало сделать уже давно. Опять — не сделал. И будешь наказан.

— Я сделаю, обещаю! — в ожидании удара *Он* зажмурился.

— Конечно сделаешь! — почти ласково согласилась *Она.* И с размаху хлестнула пряжкой по оголенному телу.

…Минут через пять *Она* окончательно выдохлась и успокоилась. Аккуратно свернула ремень окровавленной пряжкой вовнутрь и спрятала его в шкаф. Со вздохом посмотрела на *Него,* давно уже лежащего лицом вниз на полу и тихо скулящего:

— Вставай, горе мое. Быстро одевайся — и пойдем.

— К-к-куда? — сквозь всхлипывания выдавил *Он.*

— Куда надо. Главное — отсюда. Если лейтенант выжил — он явится сюда. Цыганка наверняка все ему рассказала. Надо уходить.

1 октября 1987 года, 20.12, Кобельки

Стиснув зубы, я повернул ключ в замке зажигания. Стартер покашлял — и только. Еще попытка. Еще. Бесполезно, двигатель не оживал.

— Приехали! — вяло констатировал Семен.

Сзади нетерпеливо гавкнул Найт, стояние на одном месте ему явно не нравилось. Впрочем, как и всем остальным.

Я посмотрел вперед: до суши оставалось не меньше тридцати метров. Тридцати метров ледяной несущейся воды.

— Что же теперь делать? — растерянно спросила Аля.

— Придется идти, — вздохнул я.

— Как идти?! — воскликнула Зара, прижимая к себе проснувшегося и хныкающего Мишку.

— Ножками! — невесело уточнил лейтенант. — Причем быстро: вода прибывает!

— Унесет же… Течение очень сильное, — Алька была бледная и встревоженная. — Нельзя туда, Кот!

— Ты что-то чувствуешь? — ее тревога передалась и мне.

— Нет, ничего такого… определенного. Просто — опасность.

— Ну, то, что это будет не детской прогулкой — и так понятно! — Семен перегнулся назад и скомандовал. — Девушки там сзади, за сиденьями, должен быть буксирный трос. Достаньте-ка его!

Аля кивнула, пересадила Лешку на Зару и полезла за сиденья. Спустя пару секунд вынырнула с тросом в руках:

— Этот?

— Он самый, — Семен принялся разматывать толстенную веревку. — План такой: мы с Палычем обвязываемся двумя концами троса и берем на руки детей. Я иду первым, док — замыкающим. Дамы идут между нами, крепко держась за буксир

обеими руками. Слышите? Обеими! Если, неровен час, кто-то упадет — трос ни в коем случае не отпускать! Руками, зубами цепляться — но не отпускать! Ясно?

— Так точно! — в тон ему ответила Аля. И улыбнулась. В машине сразу стало светлее.

Зара молча кивнула.

— А как же Найт? — спохватился я.

Пес вопросительно переводил взгляд с меня на лейтенанта и обратно.

— Ему придется плыть, — мрачно сообщил Семен.

— Он же не сможет плыть вперед при таком течении! Снесет тут же! — возмутилась Алька, обнимая Найта за шею.

Тот гавкнул несколько раз, выражая свой протест против такой дискриминации по видовому признаку.

— Кошка, он ведь тебя как-то понимает, верно? — шепнул я ей на ухо.

Алька пожала плечами:

— Кажется, понимает. Только я не знаю как.

— Да это сейчас и не важно, — отмахнулся я. — Попробуй заставить Найта вцепиться зубами в трос и не отпускать до самой суши. Сможешь?

Она опять пожала плечиками:

— Не знаю. Попробую сейчас.

— Давай. Только быстрее.

Аля приникла губами к навострившемуся собачьему уху и что-то зашептала. Найт внимательно слушал, чуть наклонив голову вбок. На его морде явственно читалось изумление. Внимательно дослушав Альку до конца, пес лизнул ее щеку и тихо гавкнул.

— Кажется, он понял! — девушка сияла.

— Сейчас проверим, — пообещал лейтенант и принялся обвязывать трос вокруг своего пояса.

Я взял второй конец. После непродолжительной возни мы затихли.

Семен еще раз проверил на нас узлы и вздохнул:

— Ну, с богом. Давайте сюда малышей.

Зара неуверенно пересадила к нему Мишку. Мне, соответственно, достался Лешка.

— Я не боюсь! — храбро заявил он, высунув нос из своего одеяла.

— Молоток! — похвалил его я. О себе я такого сказать не мог.

— Значит, так сначала выхожу я и останавливаюсь у капота. Следом — Палыч, отходит к задней двери. Потом — женщины и Найт. Цепляетесь за трос и ждете команды. Все понятно?

— Понятно! — нестройным хором ответили мы.

— Отлично! — резюмировал лейтенант и открыл свою дверцу. С трудом, поскольку преодолевал текущую стихию.

В машине тут же забурлила вода. Женщины дружно взвизгнули.

— Без паники! — прикрикнул на них Семен и шагнул наружу.

Я с неприятным чувством в животе наблюдал, как он, прижимая к себе притихшего Мишку, пробирается вперед вдоль капота.

— Палыч, твой выход! — крикнул лейтенант, остановившись.

Я набрал в грудь побольше воздуха и полез через пассажирское сиденье к выходу. Вода противно обжигала холодом и норовила затолкать меня обратно в салон. Выбравшись из машины, я оказался в воде по пояс. Лешка заерзал в одеяле и попытался заползти по мне повыше.

— Не ерзай! — прикрикнул я на мальца и побрел к заднему бамперу. Течение ощутимо прижимало меня к машине.

Наконец я остановился у задних габаритов и подтянул трос. Намокшая веревка неохотно вылезла из воды.

— Я на месте! — отрапортовал Семену.

Тот кивнул и скомандовал:

— Дамы, выходите. Собаки — тоже!

Задняя дверь открылась, и из нее показалась Зара. Она довольно проворно выбралась из салона и переместилась вперед, к лейтенанту. Поближе к сыну. А через несколько секунд рядом со мной оказалась дрожащая от холода Алька.

— Замерзла, Кошка? Потерпи чуть-чуть, мы скоро выберемся, — шепнул я ей.

Она всхлипнула носом, вцепилась в трос и согласно кивнула.

— Найт! — нетерпеливо позвал Семен.

Из двери показалась мокрая черная морда пса. Он как-то совсем по-человечьи посмотрел по сторонам… и осторожно прикусил зубами веревку!

— Умница, Найтик! — совершенно не удивившись, подбодрила его Аля.

Я промолчал. В последнее время удивляться уже отвык.

— Все готовы? — спросил лейтенант.

— Готовы! — ответил хор. Найт промолчал ввиду занятости пасти.

— Вперед! И ни за что не отпускайте трос! — скомандовал Семен и шагнул из-за машины.

Течение с размаху хлестнуло его ледяной водой. Лейтенант пошатнулся. Зара вскрикнула и рванулась было к нему.

— Спокойно! — Семен выпрямился и постоял несколько

секунд на месте, привыкая к силе течения. — Осторожнее, когда будете выходить за капот: опору теряете, можно упасть.

Он медленно двинулся дальше, нащупывая ногами дно. То есть дорогу.

Трос натянулся. Зара с Алькой тоже двинулись вперед. Я — за ними. Цыганка миновала капот без приключений. А вот Найт…

Едва пса, висящего на тросе, вытащили на открытую воду, течение подхватило его и рвануло в сторону. Найт вцепился зубами в веревку, злобно рыча сквозь стиснутые зубы. Трос резко натянулся и всех нас ощутимо повело влево.

Я почувствовал, как теряю равновесие. Пес весил немало и теперь всей своей тяжестью, усиленной мощным течением, стаскивал нас всех с дороги — туда, где начиналась глубина!

— Вправо! — рявкнул Семен. — Всем повернуться вправо на пол-оборота! Так и пойдем: наискось! Иначе снесет к чертям!

Мы послушно потянулись вправо. Течение яростно сопротивлялось, пытаясь сбросить нас с дороги. Пока это ему не удавалось. Пока…

Зара вдруг вскрикнула и присела в воде. Трос дернулся.

— Встань! Опрокинет сейчас! — взревел я, чудом удержавшись на ногах.

Цыганка, кривясь от боли, выпрямилась:

— Ногу свело!

— Терпи! Через боль, но иди! Если упадешь — конец! — прикрикнул Семен, настойчиво увлекая всю нашу связку за собой.

Мы побрели дальше. До желанной суши оставалось еще метров двадцать. Пятнадцать. Дно постепенно поднималось. Десять метров…

Лейтенант вдруг провалился под воду. С головой. Трос рванулся, и Зара, идущая вслед за Семеном, упала. Но веревку из рук не выпустила. Я едва успел перехватить Лешку одной рукой и освободившейся второй вцепился в дергающийся трос. Алька, умница, тоже обеими руками изо всех силенок пыталась удержать нашу сцепку. Она всем телом отклонилась назад, но наших с ней сил явно не хватало.

Из-под воды в том месте, где исчез лейтенант, вынырнул Мишка. Один. Широко раскрыв в беззвучном крике рот, он замолотил ручонками и стремительно поплыл, увлекаемый течением, в сторону.

— Мишка! — отчаянно крикнула Зара и попыталась поймать проносящегося мимо сына.

Не успела. Малыш, кувыркаясь в бурунах, помчался прочь.

Вынырнул Семен. Отплевываясь и отчаянно матерясь, он встал на ноги и обернулся к нам.

— Тут люк! Осторожно! — и принялся лихорадочно развязывать узел на поясе.

Найт разжал пасть и выпустил трос. Течение тут же подхватило его и понесло вслед за уплывающим ребенком. Пес развернулся в воде и теперь усиленно греб лапами, настигая малыша. Медленно, но — настигая…

— Зара, обвяжись! — лейтенант наконец развязал трос и протянул его цыганке. Та машинально его взяла, не отводя остановившегося взгляда от удаляющегося сына. А Семен присел, оттолкнулся ногами посильнее и поплыл вслед за псом.

В считанные секунды все трое оказались в нескольких десятках метров от нас. Пес уже настигал Мишку, который каким-то чудом все еще умудрялся держаться на поверхности бушующей воды. Малыш даже пытался плыть, невпопад молотя руками по мелким волнам.

Я опомнился.

— К берегу! Живо идем к берегу! — и рванул вперед, увлекая за собой оцепеневших в испуге женщин.

Оставшиеся десять метров до суши мы преодолели почти мгновенно. Страх за ребенка, Семена и собаку заставил забыть о холоде и коварном течении. Выскочив на берег, мы помчались по нему вслед за едва виднеющимися далеко впереди головами.

Найт ухватил Мишку за шиворот и теперь пытался плыть вместе с ним к берегу. Малыш совсем обессилел и почти не шевелился. Течение сносило их обоих в сторону, подальше от суши.

— Сынок! — цыганка рванулась было в воду, но я успел ее удержать.

— Зара, стойте! Там Семен, он поможет. Смотрите!

Лейтенант и в самом деле был уже близко. Вот он подплыл вплотную, обхватил Мишку и погреб к берегу. С другой стороны малыша буксировал пес. Медленно, но верно, расстояние между ними и сушей начало сокращаться.

Мы втроем торопливо шли вслед за течением, жадно всматриваясь в темноту. Три головы над водой едва виднелись среди тусклых бликов на волнах. Так продолжалось несколько минут.

Наконец Семен тяжело поднялся из воды, прижимая к себе Мишку. И, пошатываясь, тяжело побрел к нам. Следом за ним, тоже шатаясь, вышел Найт.

— Мишка, маленький мой, золотой! — Зара бросилась к лейтенанту и выхватила из его рук сына. Сорвала с себя куртку, укутала его. — Как ты? Говорить можешь? Скажи что-нибудь, ну же!

— Х-х-холодно! — клацая зубами, констатировал Мишка. — И вода невкусная!

Зара счастливо засмеялась сквозь слезы и прижала его к себе:

— Спасибо тебе, Семен! Храни тебя Господь!

Не отдышавшийся еще лейтенант только махнул рукой. Зато Найт возмущенно залаял.

— И тебе спасибо, Найтик! — спохватилась цыганка, присела и свободной рукой потрепала пса по холке.

Тот удовлетворенно гавкнул.

— Бежим на дамбу, пока не замерзли окончательно! — Семен наконец отдышался и принялся взбираться по насыпи к дороге, ведущей на дамбу.

Мы полезли за ним.

1 октября 1987 года, 20.25, Кобельки

— Иваныч, открывай! Ты там? — Лейтенант замолотил кулаком в хлипкую дверь сторожки на дамбе.

Та вдруг распахнулась внутрь. Из тускло освещенной комнаты на нас пахнуло теплом.

— Иваныч? — настороженно переспросил Семен, достал из кобуры пистолет и шагнул внутрь. Мы в нерешительности сгрудились у входа.

Через секунду-другую лейтенант выглянул из двери и нетерпеливо махнул рукой:

— Давайте сюда, греться!

Второй раз нас приглашать не пришлось. Мы ворвались в жарко натопленную сторожку и принялись наслаждаться теплом. Я взял с кушетки подушку и заткнул ею почему-то разбитое окно.

— Тут одеяла есть! — обрадовалась Алька. — Надо детей раздеть и в сухое укутать.

Зара схватила одно из одеял и захлопотала с ним над Мишкой. Аля пыталась обсушить и согреть Лешку. Я обнаружил пузатый электросамовар и занялся приготовлением чая. А Семен настороженно осматривал маленькое помещение. Пистолет он не убирал.

— Ты чего? Здесь же нет никого? — удивился я.

— Это и странно. Где Терентий Иваныч? И почему окно разбито? И еще — ума не приложу, где здесь управление створами. Вроде ничего такого… похожего, не видно, — задумчиво пробормотал лейтенант, не переставая озираться.

Ответить я не успел. Внезапно маленькая дверь с грозной надписью «Не влезай — убьет!» распахнулась, и оттуда выскочил парень с ружьем наизготовку:

— Не двигаться! Стрелять буду! — лицо у него было совершенно безумное.

— Петька, ты? Ты чего? Это я, Семен! — удивленно воскликнул лейтенант, опуская пистолет.

— Ты?! — парень немного успокоился и опустил карабин. — А вы все — откуда здесь? И где он?

— Кто — «он»? — в один голос воскликнули мы с Семеном.

— Мужик тут был. Здоровый такой, в дождевике. Он створы поднял. И деда убил, — Петька всхлипнул. — В окно выбросил…

В сторожке повисла тишина.

— А где он сейчас? — тихо спросил я. — Мужик этот?

— Исчез! Я в него пол-обоймы высадил, а он взял — и исчез! Правда, не вру я! — растерянно сказал Петька, переводя затравленный взгляд с меня на лейтенанта.

— Да знаем мы, что не врешь! — отмахнулся Семен. — Встречались уже с этой тварью. И не раз. Ладно, с ним потом разберемся. Сейчас надо воду перекрыть. Веди показывай, где здесь кран… или, как там оно называется?

— Во́рот…

— Вот и веди к нему.

Втроем, Петька, лейтенант и я, мы прошли в соседнее помещение.

— Вот. Эти штуки надо закрутить, — парень показал на три больших металлических колеса. — Я начал было, но идет очень туго. Надо всем вместе.

— Ну, надо так надо, — с готовностью кивнул Семен, — Пошли, док, краник перекроем.

Глава 4

1 октября 1987 года, 21.04, Кобельки

Уже минут пять мы все спокойно сидели в сторожке и наслаждались теплом пополам с горячим чаем. Рев водопада под окном стих — во́роты мы совместными усилиями таки закрутили.

— Что теперь? — ни к кому не обращаясь, спросила Зара.

— Все — по плану. Вы с Найтом и Петькой остаетесь здесь, а мы с Палычем — идем брать этого гада, — ответил Семен.

Он только что закончил чистку пистолета и теперь собирал его. Лицо у лейтенанта было ох каким недобрым.

Алька обняла меня за шею и прижалась к уху горячими губами.

— Кот, ты только осторожнее будь, ладно? Ты обещал… нам! — на последнем слове она улыбнулась.

— Обещаю! — я положил руку ей на живот. — Вам обоим — торжественно обещаю быть осторожным! А вы тут тоже себя берегите. Найт с Петром вам помогут. Верно?

— Точно! — угрюмо подтвердил парень, не выпуская карабина из рук.

Пес лишь молча потряс головой. Совсем по-человечески.

— Ладно, заканчиваем прощальные речи! — лейтенант передернул затвор пистолета, загнав патрон в ствол, и поставил оружие на предохранитель. — Пора выдвигаться. Пошли, Ватсон.

— Пошли, Холмс! — усмехнулся я, чмокнул Альку в губы и вслед за Семеном направился к выходу.

Дом был тихим, темным и каким-то неживым. Ни единого луча света не выбивалось наружу сквозь плотно закрытые ставни. Но над печной трубой курился дымок.

— Дома, сволочь! — со злобой в голосе сказал Семен.

— Не факт. Темно внутри, — усомнился я.

— Пошли, проверим. Чего гадать? — пожал плечами лейтенант и, взойдя на крыльцо, от души врезал сапогом по входной двери. Та с треском распахнулась, открывая темную утробу дома.

Семен включил позаимствованный в сторожке фонарик и поводил лучом туда-сюда. Никого. Держа в одной руке пистолет, а в другой — фонарь, лейтенант осторожно пошел по коридору. Я по уже сложившейся традиции прикрывал тылы. С огромным хлебным ножом, найденным все в той же сторожке.

Через несколько минут стало ясно: дом пуст. Причем, судя по горячему еще чайнику, враг покинул свое логово совсем недавно.

— И где теперь его искать? — поинтересовался лейтенант, в сердцах пнув кухонную табуретку. Та с грохотом упала.

— Я думаю, в больнице, — предположил я.

— Почему именно там? — удивился Семен.

— Не знаю. Печенкой чую — там он! — аргументировал я.

Лейтенант пожал плечами:

— Черт его знает… может, ты и прав. Где ж ему еще-то быть, уроду. Пошли в больницу.

— Пошли.

Мы вышли из угрюмого дома и зашагали вверх по холму.

Больница уже издалека радовала глаз чуть ли не праздничной иллюминацией. Свет горел во всех окнах, включая свободные от больных палаты. Собственно, и больных-то в моей чудо-клинике (бывшей конюшне) оставалось, если не ошибаюсь, трое.

— Это по какому поводу пир? — поинтересовался Семен, тоже заметив непривычное обилие огней.

— А я знаю? — пожал я плечами. — Вот сейчас и посмотрим.

В приемном отделении было тихо. Мы с лейтенантом осторожно шли по ярко освещенному коридору, оглядываясь на малейший шорох. Впрочем, шорохов никаких не было, поэтому оглядывались мы просто так.

Больница, обычно в это время гудящая словно потревоженный пчелиный рой, теперь казалась вымершей: ни звука, ни движения…

— Что за черт? — растерянно пробормотал я. — Где все?

— Не нравится мне все это! — пессимистично заключил Семен и, вскинув пистолет, распахнул первую дверь. В смотровую.

Там никого не оказалось. Мы переместились к следующей двери. Тоже — пусто.

Третья дверь, ведущая в мой личный кабинет, распахнулась сама, как только Семен протянул к ней руку. Он шарахнулся назад и вскинул пистолет.

На пороге стояла Клавдия Петровна. Почему-то в резиновых перчатках и с двумя ложками в руках.

— Добрый вечер! — ласково сказала фельдшерица и ткнула ложками в лейтенанта.

Тот задергался, выронил пистолет и без сознания осел на пол. Клавдия Петровна склонилась над ним, не отнимая ложек от содрогающегося тела.

Мой самодельный дефибриллятор! Но какого черта?! Я рванулся к поверженному Семену…

— Стоять! — спокойно, даже с улыбкой, предупредила фельдшерица. — Стрелять буду!

Я замер на месте, зачарованно глядя в черный глазок дула Семенова пистолета, который очень уверенно держала теперь Клавдия Петровна.

— Зря вы во все это ввязались, доктор! — покачала она головой. — Ох, зря!

— Вы?! — только и смог выдавить из себя я.

— А разве Зара вам не рассказала?! — в свою очередь изумилась фельдшерица. — Да, я пару месяцев назад услышала от нее этот рецепт. Ну, о котором вы говорили с Семеном.

— Рецепт?

— Рецепт, конечно! А что же еще: прикончить девять беременных, собрать девять нерожденных душ и получить здоровье, бессмертие и исполнение желаний. «Реципе, Да, Сигна!» — «Возьми, выдай, обозначь!» Вы же учили латынь, Пал Палыч? И фармакологию — тоже. Цыганка, дурочка, сообщила мне готовый рецепт здоровья и бессмертия, сама того не поняв!

— Да какой это, к лешему, рецепт?! Всего лишь легенда… — возмутился я.

Клавдия Петровна нехорошо прищурилась и понизила голос.

— Не верите, Пал Палыч? Зря не верите. Это — рецепт. И он сработает, как только Данька доберется до последней, девятой. До вашей Аленьки… Стоять! — прикрикнула она, заметив мое движение. Пистолет смотрел точно мне в лоб.

Я замер, позволяя мгновенно вскипевшей ярости немного улечься.

— Так вот, скоро, очень скоро Данила выздоровеет! Вам не понять, каково это — растить дебила. Всю жизнь я мечтала о том, как вдруг, в один прекрасный день, в его глазах появится мысль. О том, как перестанет стекать струйка слюны из уголка его рта. О том, как исчезнет его идиотская улыбка! О том, как на него станут засматриваться девушки — не как на диковинку из кунсткамеры, урода, — а как на нормального, привлекательного молодого мужчину… — Клавдия Петровна шумно перевела дух. — И тут вдруг ко мне на прием приходит эта цыганка и выкладывает свой рецепт! Что это, как не знак судьбы?!

— Признак маразма, к примеру! — пробормотал я.

Фельдшерица усмехнулась:

— Меня радует, что вы не теряете чувства юмора даже перед смертью… которая, увы, наступит очень скоро.

Я почувствовал неприятную слабость в коленях. И, чтобы не дать страху овладеть мной окончательно, спросил:

— Как он это делает?

— Кто и что? — удивилась Клавдия Петровна.

— Данила. Как он исчезает и появляется?

— А, вы об этом… Не знаю, это у него с детства. Я, кажется, говорила уже как-то: меня молнией ударило, когда я Данилкой беременная была. Наверное, оттуда и пошло… Умеет как-то создавать временные тела вдали от себя, так сказать, из подручных средств. Из воздуха, воды, земли… Да из чего угодно. А как он это делает — не скажу, не знаю. Да он и сам-то, похоже, не понимает… просто делает, и все тут. В такие моменты и какое-то время после них Данила даже становится почти нормальным. Для реализации моего плана это умение оказалось очень кстати… Данька! — вдруг крикнула она через плечо.

Из дверей кабинета появился Данила с канистрой в руке:

— Здорово, док! — широко улыбнулся он.

— Привет! — машинально поприветствовал его я.

— Данька, время пришло. Пал Палыч нам больше не нужен. Простись с ним — как ты умеешь! — мрачно распорядилась фельдшерица.

— Ладно, ма! — кивнул дебил, швырнул пустую канистру в открытую дверь кабинета и медленно пошел на меня.

Я тупо наблюдал, как огромная фигура приближается. Черт, что же делать-то?!

— Стойте! — выкрикнул я, уворачиваясь от длинных Данькиных рук.

— Что еще? — с досадой спросила Клавдия Петровна, доставая из кармана халата спичечный коробок.

— А где все? Больница что, пустая? — я пытался протянуть время. Сам не знаю, зачем, поскольку помощи ждать было неоткуда.

— Почему же — пустая? — удивилась фельдшерица. — Все здесь. Спят кто где.

— Спят?!

— Спят, — подтвердила она. — Я им помогла. Фторотаном.

И чиркнула спичкой. Крошечный огонек поколыхался неуверенно на самом конце, да и погас. Клавдия Петровна процедила что-то невнятное сквозь зубы и повторила попытку.

Теперь пламя занялось сразу: ярко и уверенно. Фельдшерица подождала секунду, пока разгорится, и, отступив на шаг, бросила горящую спичку в мой кабинет.

С легким хлопком там полыхнуло. Оранжевые языки пламени вырвались из двери, едва не лизнув Клавдию Петровну. Она с противным хихиканьем успела отскочить и нетерпеливо приказала замершему в ожидании сыну:

— Данька, чего застыл! Заканчивай с ним!

Дебил с урчанием обхватил меня своими ручищами. И сдавил, продолжая сжимать все сильнее и сильнее, выдавливая из меня остатки воздуха вместе с жизнью.

Я почувствовал, как хрустят мои ребра. Одно из них, кажется, уже сломалось — судя по пронзившей бок острой внезапной боли. А чертов маньяк обнимал меня все крепче. Будто удав — кролика.

— Отпусти его! — скомандовал звонкий, уверенный голос где-то позади. Очень уверенный.

Я пожалел, что до сих пор жив… Алька! Как, зачем?!

— Разве ты не слышал меня? Отпусти его! — с ноткой угрозы повторил голос.

Я с изумлением почувствовал, как смертельные объятия разжались. Данила послушался Альку и отпустил меня! Хватая ртом воздух, я очутился на свободе. Живой и почти целый…

Алька стояла в паре шагов от нас, у входа. У ее ног тихо рычал и скалил зубы Найт. Шерсть на загривке пса стояла дыбом.

— Гы… Аля хорошая! — обрадовался дебил. — Девятая!

— Аленька! — Клавдия Петровна тоже была рада. — Деточка, как кстати! А мы тут как раз о тебе говорили!

— В самом деле? — удивилась Аля и сделала шаг вперед, к Даниле. — Видишь, я же говорила, что у тебя ничего не выйдет!

Великан вдруг весь как-то съежился и отступил.

— Кот, иди сюда! — Алька схватила меня за руку и задвинула себе за спину.

Я во все глаза наблюдал за происходящим и ничего не понимал. Почему убийца подчиняется ей?

— Данька, чего ждешь?! — взвизгнула Клавдия Петровна. — Кончай с ней!

Дебил вздрогнул, будто опомнившись, и протянул к Альке руки…

Найт молча взмыл в воздух. С места, будто подброшенный невидимой пружиной. И с налету вцепился зубами в горло убийцы.

Данила захрипел и завертелся волчком, пытаясь оторвать от себя пса. Но тот держался крепко: передними лапами Найт обхватил врага за шею и с ненавистью рвал клыками его горло, разбрасывая далеко по сторонам клочки плоти и кровь.

В немом оцепенении мы все следили за страшной картиной: на наших глазах зверь загрызал человека. Преступника, убийцу, но — человека! Алька сжала мою руку в своей.

— Данька! — отчаянно выкрикнула Клавдия Петровна, пришедшая в себя первой.

Она дрожащей рукой пыталась навести пистолет на пса, терзающего ее сына, но прицелиться не удавалось, пара

стремительно кружилась в своем странном и страшном танце, медленно приближаясь к открытой двери кабинета, откуда валили клубы дыма и вырывалось жадное пламя.

Вдруг, в какой-то неуловимый миг, человек, вместе с висящим на нем псом, исчез. Но не так, как бывало прежде, когда убийца пользовался своим удивительным даром, нет. На этот раз все произошло куда проще. И — страшнее.

Оказавшись рядом с дверью кабинета, Данила потерял равновесие. Увлекаемый тяжестью Найта, он рухнул прямо в пламя разгорающегося в кабинете пожара. Человеческий вой невыносимой боли слился с яростным, но сдавленным рычанием собаки… даже в огне Найт не разжал зубы.

Не-е-ет! Данька, сынок! — Клавдия Петровна отшвырнула в сторону пистолет и бросилась в пламя.

Оно расступилось на миг, приняв в свои объятия безумную фельдшерицу, а потом — сомкнулось за ней. Будто занавес задернули.

В коридоре стало пусто. Только бесчувственный лейтенант по-прежнему лежал неподалеку. А из двери моего кабинета, превратившегося в чудовищную топку, повалили густые клубы черного дыма. И больше ни единого звука не доносилось оттуда. Все закончилось очень быстро.

…— Семен! — я пришел в себя и бросился к лейтенанту. Алька — за мной.

Тот был без сознания. Я нащупал пульс: есть, слава богу!

— Кошка, помоги! — вдвоем мы подхватили Семена и поволокли к выходу. Очень вовремя, коридор уже почти весь заполнился ядовитым дымом.

Вытащив лейтенанта на воздух, мы отнесли его подальше от занимающейся пожаром больницы. Я уселся было на мокрую траву перевести дух, как вдруг вспомнил…

— Алька! — я схватил ее за плечи. — Алька, там же люди внутри! Клавдия Петровна их усыпила!

Она рванулась к крыльцу:

— Так чего ждем?! Бежим скорее!

Я поймал ее за руку:

— Нет, стой! Тебе туда нельзя!

— Почему?! — удивилась она.

— Потому… Ты не одна, забыла? Сиди здесь и береги лейтенанта. И себя. Я пошел! — я наспех поцеловал ее и помчался к больнице.

Коридор приемного отделения уже весь заволокло дымом. Глаза моментально заслезились. Стараясь не дышать, я пробежал к самой дальней двери и распахнул ее.

В палате мирно спали двое: пациент с бронхитом и Мария Глебовна. Недолго думая, я взвалил на себя акушерку. Первыми выходят дамы! Покряхтывая под оказавшейся довольно увесистой сотрудницей, я выбрался в коридор и потащился сквозь дым, не видя ничего. Только бы не вдохнуть здесь, только бы дыхания хватило!

Хватило. Я выбрался на крыльцо и с наслаждением глотнул полной грудью прохладный чистый воздух. Дотащил акушерку к Альке и аккуратно пристроил рядом с лейтенантом.

— Много там еще? — спросила Аля.

— Как минимум двое, — выдохнул я и побежал назад.

Коридор я проскочил быстро, краем сознания успев отметить, что в нем отчего-то стало светлее. Вбежал в палату, взвалил на плечи болезного с бронхитом, побежал… нет, пошел обратно.

В коридоре поднял глаза наверх — и понял, почему посветлело. Деревянный потолок занялся пламенем. Да бодро так занялся, старые бревна уже пылали вовсю! Ладно, некогда любоваться на все это безобразие. Я перехватил поудобнее свою ношу и побрел дальше. Температура здесь стремительно повышалась, еще немного — и загорится одежда… или обуглится кожа.

Невесело усмехнувшись собственным мыслям, я выскочил на крыльцо и побежал к остальным. Уложив очередного спасенного, подставил лицо дождю, и разгоряченная кожа тут же остыла.

— Кот, ты осторожнее там, ладно? — тихо попросила Алька.

Я кивнул и побежал обратно.

Теперь коридор пылал вовсю. Прикрывая лицо рукой, я пробежал фактически сквозь пламя и заскочил в следующую палату. Никого.

Опять вылазка в пылающий коридор, — и еще одна дверь… Ага, вот он! На кровати посапывал гипертоник, принятый мной несколько дней назад с кризом. Ну, поехали, папаша! Я взвалил спящее тело на себя и вышел из палаты. Непереносимый жар тут же вцепился в лицо, стягивая кожу. Я закусил губу и стал пробираться к выходу. Еще немного, еще чуть-чуть. Последний бой, он трудный са…

Песню в моей голове оборвал громкий треск наверху. А в следующий момент что-то тяжелое и горячее ударило меня по затылку.

Отлетая, сознание успело обидеться: до выхода оставалось всего-то несколько шагов…

— Потерпи, Кот, потерпи, милый… Еще немножко… Только ты дыши, не забывай дышать… Вот так, хорошо, дыши Пашенька,

дыши мой хороший… Ты смог, ты всех спас… И сам выжил… Это очень важно — выжить самому… Жить надо ради самой жизни… Ты поймешь… Ты обязательно поймешь, Кот… Я люблю тебя… Теперь я знаю — как это… — шептала ночь голосом Альки.

Я открыл глаза. Или не открыл? Потому что по-прежнему было темно. И холодно. И мокро. И голове больно.

Нет, все-таки, открыл. Вон там, неподалеку, полыхает больница. А совсем рядом со мной — тонкий, полупрозрачный силуэт. Склонился надо мной и сквозь него я вижу звезды в небе, уже выплакавшем свои тучи.

И он, это силуэт, едва слышно шепчет странные слова. Голосом моей Кошки шепчет!

— Спасибо, милый… Теперь я знаю, как это — быть человеком… Теперь знаю, как это — быть рядом… ждать… беспокоиться… заботиться… верить… Ты отдал мне себя всего и даже больше… Я тоже хотела — но не смогла… Прости меня, Кот…

— Алька? — прохрипел я, выкашливая дым.

Бледная фигура выпрямилась, распахивая огромные прозрачные крылья. По моему лицу пробежал ветерок.

— Я люблю тебя, Кот… — прозвучал знакомый шепот.

— Я люблю тебя, Кошка… — ответил я в этом странном бреду.

Светлая крылатая тень легко взмыла в небо. Сделала круг в вышине — и растворилась среди хитро перемигивающихся звезд.

Я вновь закрыл глаза…

— Палыч, ты как? Оклемался? — теперь темнота говорила голосом Семена.

— Вроде… — открыв глаза в очередной раз, я обнаружил себя лежащим на носилках в нашей больничной машине.

Надо мной склонились лейтенант с Марией Глебовной. Вид у обоих был, мягко говоря, не вполне здоровый. Впрочем, у меня, наверное, не лучше.

— Сколько времени прошло? — спохватился я, вспомнив все. — И как я тут оказался? Кто меня из огня вытащил? Где Аля?

Семен и Мария переглянулись. Лейтенант прокашлялся и сообщил:

— Палыч, кто тебя вытащил — не знаю. Я тебя рядом с собой нашел, во дворе больницы. Когда очухался. Еще там Марья была и твои больные. Все.

— Как — «все»?! — я резко уселся на носилках и застонал от боли в затылке. — А Алька?!

Лейтенант покачал головой.

— Не было ее там, Палыч! — увидел мой испуг и поспешно добавил: — В больнице ее тоже не было, пожарные нашли только Данилу с матерью… и Найта.

— А на дамбе?! Может, она в сторожку вернулась?

— Нет, док. Там ее тоже не было, — Семен помолчал и тихо проговорил: — Исчезла она, Палыч…

А я вспомнил свой странный полубред-полусон. И молча уставился в пролетающую за окнами машины темноту. Где-то в ней была она, моя Кошка…

31 октября 1987 года, 22.45, Кобельки.

Мы сидели на чудом сохранившейся скамейке и смотрели в темноту. Туда, где располагалось озеро. Холодный воздух был насыщен дождем и запахом гари. И потому, наверное, был горьким на вкус.

Не сговариваясь, пришли мы сегодняшним вечером сюда — к обугленным останкам старой больницы, бывшей конюшни. Втроем — Семен, Зара и я.

Все-таки чудные вещи происходят порой с людьми. Я даже не удивился, увидев несколько минут назад в темноте слабо различимый одинокий силуэт на скамейке — первой к месту нашей странной встречи пришла Зара.

Она тоже не удивилась. Не оглядываясь, подвинулась. Я сел рядом.

— Я знала, что вы придете, — негромко сказала цыганка.

Я пожал плечами. Наверное, знала.

— Тихо как… Послушайте.

Я прислушался. Тишина не просто звенела, — она била в колокола. Неслышные, но оглушающие…

— Тихо, — согласился я.

Сзади послышались шаги. Мы с Зарой одновременно подвинулись, уступая место Семену. А кто же это еще мог быть?

— Привет, — прогнусавил лейтенант. Его сломанный нос пока давал о себе знать.

— Привет! — хором ответили мы с цыганкой.

— А я знал, что найду вас тут! — с ноткой хвастовства в голосе заявил Семен.

— А мы знали, что ты придешь! — опять хором парировали мы. Переглянулись и засмеялись.

Лейтенант уселся рядом. Помолчал, вглядываясь в невидимое озеро. Потом старательно прокашлялся, будто выталкивая из горла ком:

— Уезжаешь завтра, Палыч?

Я кивнул:

— Уезжаю. Подвезешь меня до района?

Семен отрицательно покачал головой:

— Ты извини, док, но — нет. Кешка отвезет. Не могу я. Понимаешь?

Я опять кивнул. Понимаю. Мне и самому было бы тяжело ехать в район с лейтенантом. А потом прощаться там еще раз. Долгие проводы — лишние слезы. Да и спросил-то я его просто так, если уж честно.

— Без обид? — Семен заглянул мне в глаза.

— Без обид! — я улыбнулся. — Спасибо тебе.

— Да ладно, — смутился он, — это тебе спасибо. Все-таки ты нам всем здорово помог… Ватсон!

Мы расхохотались и обнялись.

— Оксана вчера приезжала. Антону уже лучше: его из реанимации перевели. Врачи говорят — все восстановится, никаких параличей не будет. Через месяц обещают выписать, — сообщил лейтенант, отсмеявшись.

— Здорово! Повезло ему, в рубашке родился, — порадовался я за фельдшера.

— Палыч, не знаешь, что теперь с больницей будет? Новую построят или так и будет в бывшем клубе ютиться? — поинтересовался Семен.

Я улыбнулся и пожал плечами.

— Ну, бывший клуб — это все-таки престижнее, чем бывшая конюшня! Прогресс налицо… А если серьезно, то — не знаю. Как бы вообще не прикрыли. Смутные какие-то времена наступают. Печенкой чую, — невесело усмехнулся я.

— Тут ты прав, док. Что-то такое… витает, — Семен пошевелил пальцами в воздухе, будто пытаясь нащупать это самое «что-то».

Опять помолчали. Лейтенант покосился на меня и осторожно кашлянул.

— Что? Не мнись, Михалыч, я же вижу — что-то сказать хочешь. Или спросить, — подбодрил я его.

— Аля не объявлялась? — тихо спросил Семен.

— Нет, — ответил я, не отрывая застывшего взгляда от темноты. Помолчал и добавил: — Не вернется она, Семен. Я знаю.

— Откуда? Не вернется — откуда?!

Я почувствовал на правой щеке его удивленный взгляд и пожал плечами:

— Оттуда, куда ушла. Оттуда, откуда появилась… Не знаю, где это. Чудно: иногда мне кажется, что Алька — совсем рядом. Только руку протяни…

— Кто знает, может так оно и есть, — задумчиво произнесла Зара. — Мне в детстве бабушка много странных сказок рассказывала. Про тех, кто живет с нами рядом, но кого мы не видим: про духов ветра, воды и огня. Про Хозяйку Осени. Про Ночного Гостя и Собирателя Снов. Про ангелов… Только бабушка всегда говорила, что это — и не сказки вовсе.

Я вздохнул: кто знает, может и не сказки. После всего случившегося я готов во что угодно поверить. Только не в то, что Альки со мной нет.

Пошел дождь, холодными крупными каплями. Мы упрямо сидели, мокли и молчали. Каждый — о своем.

Я молчал о ней — о моей Кошке. И вновь испытывал это странное чувство… словно она здесь, рядом. Как будто вот-вот расступится темнота впереди — и выпорхнет из нее тонкий танцующий силуэт. Как тогда, в лесу.

— Алька… — губы сами прошептали ее имя.

Вдруг — знакомая горячая ладошка коснулась щеки. Мимолетно, на миг, но — коснулась!

Я вздрогнул и огляделся. На меня удивленно смотрели Зара с Семеном.

— Ты чего, Палыч? — поинтересовался лейтенант.

Я успокаивающе улыбнулся.

— Ничего. Так… показалось, — и вновь принялся разглядывать темноту.

Нет там никого. И быть не может. Так откуда же это пронзительное чувство знакомого тепла рядом? Ее тепла…

Ночь, смешанная с дождем, заботливо укутывала нас прохладным покрывалом. Внизу, под холмом, неторопливо гасли и без того редкие огни в окнах. Засыпало все в этом странном месте со смешным названием — Кобельки. Где сбываются и исчезают мечты.

Когда уходят мечты — остается надежда. Она дает силы ждать. И верить, что это — не зря…

Где же ты, Алька?

Кто ты?

Была ли?..

Эпилог

Звезды радостно подмигивают мне, будто старой знакомой. Наверное, они тоже умеют скучать. Я улыбаюсь им в ответ, наполняя крылья холодным ночным небом. И наслаждаюсь обретенным вновь чувством стремительного полета над спящей землей.

Я спешу к моему Человеку. Не потому, что он в беде, нет. Просто потому, что быть рядом с ним — счастье. Теперь я знаю, что это такое: он научил меня.

А еще он научил меня любить. Раньше я не знала, как это. Хранители не умеют любить, они умеют лишь беречь. Но я — не просто Хранитель. Я была Человеком. Пусть недолго, всего лишь мизерную часть моей вечности, но — была. Как жаль, что — «была»…

Я спасла его, моего Человека, когда сама была подобной ему. И мне вернули крылья: Хранитель должен летать, не место ему на Земле. Мне вернули вечность, ведь Хранители бессмертны. Но зачем мне вечность и крылья без него? Моего Человека…

Я лечу над самой землей, вдыхая холодный запах осени. Все той же осени, в которой нашла и потеряла его. А впрочем, нет — не потеряла. Теперь он — мой Человек. Мой Хранимый. И останется им, пока не уйдет туда, куда нам, Хранителям, нет пути. Потому что мы — бессмертны. Как жаль…

Во мне осталась часть его. Я чувствую биение маленького сердца, оно радостно ускоряется, когда я пролетаю сквозь дождь, а дождь — сквозь меня. Скоро, очень скоро мы будем вдвоем парить в ночном небе, под веселыми звездами. И я научу его танцевать в дожде. Ему понравится, я знаю.

А еще я научу его любить. И расскажу, как это прекрасно и больно — быть Человеком.

Я тихо опускаюсь на мокрую умирающую траву. Осень радостно приветствует меня крупными каплями дождя. И я танцую в них — не в небе танцую, на земле. Как совсем недавно — когда у меня не было крыльев.

Танцую для моего Человека. Он задумчиво смотрит на меня — и сквозь меня. Люди не видят Хранителей. Но могут чувствовать иногда. Вот и он почувствовал, я вижу это по его глазам.

Губы беззвучно что-то шепчут. Но я — слышу. Это мое имя: то имя, которое носила я — Человек.

Чувствую его боль. Подлетаю к нему и осторожно укутываю крыльями. Он успокаивается, боль отступает. Но остается саднить глубоко в душе. И даже я не могу ее унять.

Глажу его крылом по щеке. Я тут, я с тобой. Я — твой Хранитель.

Я всегда буду рядом с тобой, мой Человек.

Я сберегу тебя, Кот.

Потому что люблю.

Июль — сентябрь 2009 года.

Москва — Ивантеевка.